МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

М. Н. Миловзорова

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ИДЕОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫМ ОБЩЕСТВОМ

Монография

ГУАП
Санкт-Петербург
2017

УДК 330.11
ББК 65
М60

Рецензенты:
научный сотрудник отдела научной и международной деятельности Волжского гуманитарного института (филиала) Волгоградского государственного университета, автор проекта, главный научный редактор электронного альманаха Ноосфера XXI века, доктор философских наук *В. Н. Василенко*;
профессор кафедры философии Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, кандидат философских наук *О. П. Семенов*

Миловзорова, М. Н.

М60 Устойчивое развитие и корпоративная социальная ответственность: идеологии управления глобальным обществом: монография / М. Н. Миловзорова. – СПб.: ГУАП, 2017. – 121 с.

ISBN 978-5-8088-1178-2

Последовательно раскрывается генезис формирования идеологий устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности как инструментов управления глобальным обществом, в основу которого заложен принцип социального неравенства, характерный для толпо-элитарной модели глобализации на современном этапе. Показаны глобальные вызовы этноэкологической безопасности субъектов цивилизации, обусловленные экспансией ценностей культуры массового потребления. Представлена модель двух взаимоисключающих сценариев глобализации в XXI столетии.

УДК 330.11
ББК 65

ISBN 978-5-8088-1178-2

© Миловзорова, М. Н., 2017
© Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2017

ВВЕДЕНИЕ

Популяризованные специалистами Римского клуба идеологии устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности были созданы с целью *глобального управления природными ресурсами* посредством транснациональных корпораций и других наднациональных структур. Ключевой идеей книги А. Печчеи «Человеческие качества» является утверждение о том, что национальный суверенитет есть «типичный синдром ненормального культурного развития», «главное препятствие» на пути к «спасению» человека в век «глобальной империи» [33, с. 225], что причина нестабильности современного «международного здания» – в том, что «оно построено из шатких негодных кирпичей – суверенных национальных государств» [33, с. 226].

Исходя из приоритетного положения ценностного подхода к управлению социальными системами, институты науки, образования и воспитания были и остаются детерминирующими в процессе осознания ценностей личностью. От качества, *содержания* прививаемых данными институтами ценностей и будет зависеть будущее развитие или деградация (вплоть до аннигиляции) общества. В своей работе «Мировоззренческий проект» В. Н. Сагатовский подчеркивал, что ценности являются системообразующим началом программы человеческой деятельности: «*ценность* есть непосредственная основа выбора субъектом целей и средств деятельности, ранжирования по их значимости и приемлемости потребностей и возможностей их удовлетворения» [34, с. 23–24]. В соответствии с ценностным выбором в основу управления обществом могут быть заложены два взаимоисключающих принципа: 1) принцип олигархии (благо малой элитарной группы) 2) принцип социальной справедливости (благо большинства). Эта диалектика, эта борьба – не столько геополитическая, экономическая, сколько аксиологическая борьба мировоззрений, в результате которой будет определено, наступит для человека «конец истории» или нет.

Толпо-элитарная модель глобализации на современном этапе реализует первый из указанных выше принципов – в настоящее время он идеологически выстроен в мондиалистской трактовке: The West and the Rest. Глобализм в его нынешнем проявлении представляет собой крайнюю форму воплощения социального зла, поскольку человечество выстраивается в *иерархию*, базирующуюся на отношениях политического, экономического, соци-

ального, культурного и даже биологического неравенства. Причем впервые это неравенство можно не только усугубить, но и навечно зафиксировать благодаря применению новейших NBIC (nano-bio-info-cogno)-технологий, которые, манипулируя с веществом природы, имеют доступ в сферу творения. Открывшаяся технологическая возможность вторжения в процесс эволюции человека дает стремящимся к мировому господству властителям мощное средство к достижению заветной цели – выведения и тиражирования так называемой «серой расы», нового биологического подвида особи «человека служебного» (homo servus) со следующими заданными свойствами: 1) ограниченное самосознание; 2) управляемое размножение; 3) дешевый (генно-модифицированный) корм. И речь здесь ведется уже не только об одной из центральных проблем антропологии и социологии, но и о возможности в скором будущем наступления эры «постчеловека», так красочно расписываемой трансгуманистами в образах перманентной молодости и бессмертия ***тела***, а на деле означающей практическую реализацию следующего футурологического тезиса, сформулированного Дж. Оруэллом в антиутопии «1984»: «Если ты хочешь представить себе образ будущего, представь сапог, наступающий на ***лицо*** человека – наступающий навсегда» [32, с. 212]. Очевидно, что вся архитектура глобальной безопасности в таком контексте оказывается разрушенной.

Сегодня эта проблема стоит невероятно остро еще и потому, что процесс создания унифицированной цивилизации, в фундамент которой заложены ценности потребления, привели к тому нравственному, мировоззренческому, ценностному, экологическому, энергетическому и экономическому коллапсу, который мы наблюдаем в настоящее время. Глобальные проблемы явились результатом универсализации ценностей западной цивилизации. И все попытки справиться с ними на уровне международных конференций ООН и прочих локальных мероприятий обречены на нулевой результат, поскольку воспитанный на ценностях эгоизма Человек Потребляющий не в состоянии отказаться от неограниченной экспансии собственной натуры. Максимизация прибыли как цель деятельности транснациональных корпораций и других предприятий обусловила запуск в 40-е годы XX столетия системы *расширенного воспроизводства*, когда товара производят не столько, сколько требуется людям, а *максимальное* количество, которое затем сбывается потребителям методом агрессивных продаж. Мы наблюдаем, как справедливы были предупреждения выдающегося исследователя причин заката Европы О. Шпенглера о том, что «диктатура денег продвигается вперед и приближается к своей естественной высшей точке, как в фаустовской, так и во всякой другой цивилизации», что «природа исчерпывается, земной шар приносится в жертву фаустовскому мышлению». [46, с. 537] Интересами предприятий обусловлена трансформация Человека Разумного (homo sapiens) в Человека Потребляющего (homo consumers) и формирование массовой культуры потребления, которую А. А. Зиновьев называл «культурой западнизма», на основе культивирования ценностей эгоизма, гедонизма, нарциссизма, релятивизма и других. Разумеется, интересы человека и ТНК не совпадают, поскольку ТНК производят товары не для человека, а для максимизации прибыли, и человек – потребитель – для них подобен ресурсу. В свою очередь, и человек потребляющий, и предприятия чрезмерно давят на Природу (Биосферу) и она отвечает им взаимностью посредством болезней, катаклизмов. И этот конфликт разрешить можно, только вернув обратно Человека Разумного.

28 сентября 2015 года в речи на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которую многие аналитики впоследствии назвали знаковой и поворотной для будущей судьбы мирового сообщества, В. В. Путин наряду со ставшим теперь афоризмом риторическим вопросом: «*Вы хоть понимаете теперь, что вы натворили?*» отчетливо сообщил зов России всем народам мира: «мы предлагаем руководствоваться не амбициями, а общими ценностями и общими интересами на основе международного права. Экспорт социальных экспериментов, попытки подстегнуть перемены в тех или иных странах, исходя из своих идеологических установок, часто приводили к трагическим последствиям, приводили не к прогрессу, а к деградации». 27 октября 2016 года на сессии Международного дискуссионного клуба «Валдай» Президент России вновь огласил данный тезис, указав на то, что сам проект глобализации оказался в кризисе, который во многом – следствие «ошибочного, поспешного, в чем-то самоуверенного выбора, сделанного элитами некоторых государств», которые попытались перелицовывать мировой порядок *под себя* и распространить *на весь мир* действие своих собственных структур, норм и правил, пошли по пути глобализации и безопасности *для себя, избранных*, а не для всех. Речь идет о «глобализации по-американски», об экспансионистском распространении либеральной модели экономического и политического устрой-

ства и на активной вестернизации мира. Такая глобализация представляет собой мировую войну нового типа, в которой применимы все средства, в том числе и средства горячей войны в навязывании «ракетно-бомбовой демократии», о чем свидетельствует опыт Ирака, Югославии, Афганистана, Ливии, Сирии, Осетии, Украины и других невосприимчивых к космополитическим ценностям государств.

Главная задача монографии – показать, что идеологии устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности возникли не сами по себе, стихийно, а в теснейшей взаимосвязи с формированием унифицированного глобального общества, с доминированием транснационального капитала в процессе глобализации экономики, с массовой культурой потребления как результатом внедрения в 40-х гг. XX в. экономической системы расширенного воспроизводства, требующей максимизацию прибыли предприятий любыми средствами. Поэтому первая часть посвящена рассмотрению глобального общества как объекта управления, во второй – внимание концентрируется на глобальных вызовах субъектам цивилизации со стороны культуры массового потребления, в третьей – идеологии устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности показаны в контексте глобальных проблем как результата универсализации ценностей потребительской цивилизации, в четвертой – раскрывается влияние ценностей на управление социальными объектами, в том числе рассматриваются проблемы развития ноосферной аксиологии как меры упреждения угроз космополитической стратегии глобализации.

Достаточность апробации научных результатов монографии отражена в научных дискуссиях на кафедре философии Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, на VI международной научной конференции по фундаментальным и прикладным проблемам устойчивого развития в системе «Природа – Общество – Человек» «Проектирование будущего мира» (Дубна, Государственный университет «Дубна» 19–20 декабря 2016 г.), на VI международной научно-практической конференции «Ноосферное образование в евразийском пространстве» (Санкт-Петербург, Смольный институт РАО, 28 ноября – 1 декабря 2016 г.), на международной научной конференции «Субеттовские чтения» (Санкт-Петербург, Смольный институт РАО, 28 января 2017 г.), на научно-практической конференции в рамках Евразийского научного форума «Евразийские исследования в гуманитарных науках: успехи, проблемы, перспективы: материалы научно-практической конференции (28–29 ноября 2013 г. Санкт-Петербург, МИЭП при МПА ЕврАзЭС), на международной научной конференции: «Гуманизм, глобализм и будущее России» (Санкт-Петербург, БГТУ «ВОЕНМЕХ», 15 ноября 2002 г.), на международной научной конференции «Философский дискурс в антропологии и этнологии: история и современность» (Санкт-Петербург, 29–30 мая 2015 г., БГТУ «ВОЕНМЕХ»), на круглом столе «Россия и Запад: архитектура пространства развития» (Москва, МАРХИ, 31 октября 2016 г.).

1. ГЛОБАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ

1.1. Сущность глобализации на современном этапе

Общетеоретическое направление западной философии глобализма представлено работами Р. Робертсона, Г. Киссинджера, Зб. Бжезинского, И. Валлерстайна, Ж. Аттали, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, Э. Гидденса, Дж. Розенау, К. Поппера, Д. Белла, У. Бека, Т. Фридмана, У. Р. Мида, Т. Барнета, П. Диккена, Б. Кушнера, Дж. Сороса, С. Холмса, Д. Хэлда, Д. Гольдблатта, Э. Макгрю, Дж. Перратона и других авторов.

За последние два десятилетия практически в любом исследовании на социальные темы мы встречаем использование авторами терминов «глобализм», «глобализация», «глобальное общество», «глобальное поле». Однако вопрос об однозначном определении данных понятий до сих пор остаётся открытым и дискуссионным. В целом наблюдается плюрализм, неопределённость и размытость, зачастую односторонний характер изучения проблемы. Многие исследователи либо сознательно избегают дефиниций, либо пытаются определить сущность явления или процесса лишь посредством описания каких-либо отдельных его аспектов и тенденций, таких как, например:

1. Становление экономической системы, функционирующей по единым правилам в масштабе всей планеты. Даже наиболее развитые государства вынуждены учитывать эти правила при разработке и реализации своих внешнеэкономических, внешнеполитических и внутренних стратегий. Так, аналитики Всемирного банка, исходя из приоритета экономических факторов, определяют глобализацию как «рост экономической взаимозависимости стран мира, вызванный как увеличением объёма и многообразия трансграничных сделок в сфере товаров и услуг, а также международных потоков капиталов, так и ускоряющимся и расширяющимся распространением технологий».

2. Нарастание финансовых и информационных трансграничных потоков, неподвластных государственному регулированию и контролю.

3. Постепенное разрушение национально-государственного суверенитета в результате возрастающей проницаемости межгосударственных границ и ослабление традиционных функций государства, особенно в сфере национальной безопасности и социальной защиты населения.

4. Взаимозависимость между внутренними и внешними политическими, экономическими, информационными, культурными и иными процессами.

5. Насаждение в мире западных ценностей и стандартов поведения.

6. Формирование идеологии «глобализма», необходимой для обоснования неизбежности происходящих изменений, их позитивного характера, для обеспечения согласия общественного мнения и активного участия социально-политических сил в формировании нового мирового порядка.

Автор термина «глобализация» Р. Робертсон настаивает на *многомерности* этого понятия, наделяя его экономическим толкованием и не отрицая возможности политического, социального и культурного измерений.

Широко пропагандируется мнение, что современные глобальные процессы характеризуются прежде всего *взаимозависимостью*, которая проявляется в двух основных аспектах: 1) взаимозависимость внутренней и внешней политики государства, т. е. принципиальная значимость внутренних дел для выработки внешнеполитической линии, и непосредственное влияние международной ситуации на определение внутренней политики; 2) взаимозависимость государств между собой: все меньше остается сфер, в которых правительство могло бы принимать чисто национальные решения, не оказывая в той или иной степени влияния на внутреннюю политику других государств, и зачастую благополучие граждан зависит от решений и действий, осуществляемых за пределами их собственных стран другими правительствами или международными организациями.

Глобализация означает также рост *взаимозависимости* и *взаимопроникновения* человеческих отношений. Это не только экономический фактор.

Кроме того, государства взаимосвязаны необходимостью совместного решения глобальных проблем современности, связанных с защитой человечества от негативных последствий научно-технической революции.

Р. Робертсон формулирует идею о глобальном поле, в котором усматривает четыре элемента: – отдельные государства; – системы государств; – человечество; – индивиды. Причем он объясняет, что индивидов он упоминает в последнюю очередь потому, что их невозможно исключить из мира и «глобализация происходит на межличностном уровне». Он показывает, что, с одной стороны, глоба-

лизация заключается «в растущей связанности мира в целом, иногда выражающейся в «сжатии» всего мира», с другой стороны, она включает «растущее глобальное осознание – лучше сказать, самосознание – в том смысле, что с периодическим замедлением мир все более становится «единым пространством».

Вырабатывается новая оценка роли национальных государств и межправительственных международных организаций в мировой политике. С точки зрения *неореалистов* решающее влияние на развитие международных отношений по-прежнему принадлежит государству, а формирующаяся глобальная международная система представляет собой, подобно экономическим рынкам, равнодействующую поведения составляющих их элементов, каждый из которых руководствуется личной выгодой. Многие государственные руководители, обеспокоенные проблемами безопасности, придерживаются мнения о том, что такой подход лучше всего способствует мобилизации национального общественного мнения в пользу правительства, защищающего национальные интересы. Это способствует не только укреплению существующей власти, но и усилению национального единства перед лицом внутренних и внешних противоречий. Неореалисты трактуют глобализацию либо в духе «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон), либо как процесс распространения гегемонии единственной сверхдержавы на остальной мир в результате падения СССР (Г. Киссинджер), либо как геополитическое переустройство мира, включающее, в частности, пересмотр политики союзов, когда принадлежность к одному и тому же региону утрачивает первостепенную роль (Ф. Сашвальд).

Сторонники *транснационализма* предлагают принципиально иное понимание процесса глобализации, размышляя об утрате государствами монополии на принятие важнейших решений как в собственной внутренней политике, так и на международном уровне. Глобализация понимается ими как взаимозависимость, имеющая тенденцию *неограниченного* распространения, преодоления границ национальных государств, нарушения их территориального суверенитета, изменения содержания понятия «национальная безопасность». По мнению А. Печчеи, *концепция взаимозависимости* прямо противоположна принципу суверенитета [33, с. 235]: «конфликты между все еще национальным государством и уже многонациональной корпорацией совершенно неминуемы» [33, с. 73]. А высказывание Э. Гидденса: «есть основания надеяться, что космополитическая точка зрения победит» [12, с. 20] указывает на ожесточенную борьбу между национальными и наднациональными силами в первую очередь на мировоззренческом уровне, а затем на политическом, экономическом и других.

Дж. Сорос в «Тезисах о глобализации», сетуя на то, что «неэффективное государственное управление является препятствием на пути к правильно функционирующему глобальному обществу», настаивает на истинности своего тезиса о том, что «под давлением глобализации отдельные страны должны уменьшать роль государства в экономике для повышения своей конкурентоспособности».

Теоретики глобализма делают акцент именно на экспансионистском распространении либеральной модели экономического и политического устройства и на активной вестернизации мира, в результате чего наступит «конец истории» (Ф. Фукуяма), символизирующий окончательную победу и распространение по всему миру либеральных западных ценностей. Они предполагают создавать глобальный мир на основе двух предпосылок: 1) глобальной экономики; 2) всепланетарной культуры.

Первое уже удалось. Отдельные национальные экономики стали составными частями глобального хозяйственного комплекса. Национальные государства сталкиваются с вызовом транснациональных сил. Крупнейшие транснациональные корпорации, транснациональные банки образуют союзы и объединения, а также заключают стратегические альянсы со многими государствами по вопросам, связанным с разделом глобальных рынков и определением правил игры на них. Глобализация сводится в основном к тому, что весь мир выстраивается в соответствии с западной моделью. Т. Фридман с гордостью сообщает об этой тенденции, как об одном, принятом в США, уставе, по которому должен жить весь монастырь, то есть у них – наибольшие шансы *заставить* весь мир действовать по их правилам. «NOVUSORDOSECLORUM» («Новый порядок на века») – гласит девиз на государственной печати США, который конкретизируется фразой сенатора Бевериджа: «Мы управляем вами, так как это в ваших интересах, а те, кто отказывается это понимать, представляют собой зло» [цит. по: 30, с. 30–31].

Ф. Уэбстер высказывает предположение о том, что мы становимся свидетелями массированного вторжения в наш мир «цивилизации бизнеса», основными чертами которой являются следующие: – товарные отношения (отношения спроса и предложения) станут основной нормой; – преобладание частной собственности над государственной; – способность платить становится основным критерием, обеспечивающим доступ к товарам и услугам; – частные фирмы вытесняют общественные службы с рынка предоставления

услуг; – конкуренция станет основным способом регулирования рынка; – наемный труд станет основной формой организации трудовой деятельности; – исчезновение крестьянства на значительной части земного шара, поскольку земля включается в сферу бизнеса, происходят инкорпорации в эту сферу того, что раньше находилось вне ее [40, с. 367–368].

Лидерство обеспечивается технологическим превосходством, базирующемся на прямой военной силе. Военная колонизация может замещаться технологическим порабощением, причем объектами такого порабощения становятся даже европейские страны-«партнеры», входящие в НАТО.

Неомарксисты выявили, что термин «глобализация» означает стратегию монополистического капитала и американского империализма, направленную на подчинение мира потребностям своего собственного развития и имеющую целью окончательное закрепление экономического неравенства в мире и эксплуатацию периферийных регионов крупнейшими монополиями мирового центра (Р. Кокс, С. Амин).

Справедливость этой точки зрения подтверждается откровенным рассуждением З.Бжезинского о целеустремленном движении США к глобальному превосходству: «Поскольку подражание американскому пути развития постепенно пронизывает весь мир, это создает более благоприятные условия для установления косвенной и на вид консенсусной американской гегемонии. Как и в случае с внутренней американской системой, эта гегемония влечет за собой комплексную структуру взаимозависимых институтов и процедур, предназначенных для выработки консенсуса и незаметной асимметрии в сфере власти и влияния. Американская глобальная система широко полагается на косвенное использование влияния на зависимые иностранные элиты, одновременно извлекая значительную выгоду из притягательности своих демократических принципов и институтов. Все это подкрепляется широким, но неосязаемым влиянием американского господства в области глобальных коммуникаций, народных развлечений и массовой культуры, а также потенциально весьма ощутимым влиянием американского технологического превосходства и глобального военного присутствия» [3, с. 39–40].

Главный принцип, который учитывают американские военные эксперты в деле ракетно-бомбовой «демократии», следующий: положение страны, гарантирующее военный ответ США, обратно пропорционально ее возможностям к восприятию глобализации:

если та или иная страна выпадает из процесса глобализации, отвергает ее содержательную часть, то резко возрастает вероятность того, что США рано или поздно отправят туда войска. И, наоборот, если страна функционально связана с процессом глобализации и действует в основном по ее законам, то нам нет нужды посылать свои войска, чтобы восстанавливать там порядок и ликвидировать угрозы.

По уверению З. Бжезинского, современная сложная и широкая глобальная система, в отличие от прежних империй, якобы не является иерархической пирамидой: «Америка стоит в центре взаимозависимой вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит в конце концов из одного источника, а именно: Вашингтон, округ Колумбия. И именно здесь должны вестись политические игры в сфере власти, причем по внутренним правилам Америки» [3, с. 40–41].

Ф. Фукуяма настойчиво пытается внушить читателям тезис о том, что «действует фундаментальный процесс, диктующий общую эволюционную закономерность для *всех* человеческих обществ, – короче говоря, существует некоторая Универсальная История, ведущая в сторону либеральной демократии» [41, с. 95].

Для того, чтобы этот процесс воспринимался как нечто принципиально новое, И. Валлерстайн в 2006 году предпринял попытку ввести в обиход понятие «универсальный универсализм», которое словно бы противостоит «европейскому универсализму», связанному с экспансией европейских народов и государств в другие части мира. На «европейский универсализм» как на «последнего упорствующего оправдания существующего миропорядка» [5, с. 52] Валлерстайн повесил все грехи «капиталистической мир-системы», по его мнению, «единственной социальной системы, ныне существующей» [5, с. 35]. И далее он ожидает непременного видоизменения капиталистической мир-системы, колебания которой «теперь становятся более мощными и хаотическими» и приводят ее к «точке бифуркации», в результате «ее развитие может пойти по одному из, по крайней мере, двух различных сценариев, ведущих к новому равновесию, новому порядку, который будет создан из хаоса и который будет не просто трансформацией прежней системы, но системой совершенно нового типа». По какому из возможных сценариев пойдет развитие, предсказать Валлерстайн не берется, поскольку «он будет результатом бесконечного числа привходящих обстоятельств, которые могут быть названы случайными с точки

зрения глобальной перспективы, но которые потребуют множество отдельных актов выбора с точки зрения микроперспективы» [5, с. 36]. То есть либо Валлерстайн действительно не видит ни одной из альтернатив («сценариев»), либо преднамеренно умалчивает о них, прикрываясь рассуждениями об обстоятельствах, оцениваемых глобальной-или-микроперспективами.

Свободное движение людей, культур, технологий, капиталов, ресурсов отнюдь не тождественно «идеологии глобализма», ставшей флагом мирового либерального сверхобщества по американской эгидой» [30, с. 32–33], – отмечает Н. А. Нарочницкая.

Зачастую, рассуждая о глобализации, многие авторы имеют в виду процессы сотрудничества, партнерства, уважения государственного, национального, культурного суверенитета и др. То есть они называют процессы интеграции термином «глобализация». В связи с этим возникает вопрос: почему ими не употребляется термин «интеграция»? Либо это паралогизм – бессознательное нарушение логического закона тождества как результат недостаточной осведомленности или отсутствия аналитических способностей у некоторых исследователей, либо – софизм – сознательная подмена тезиса. И в том, и в другом случае подмена тезиса – не просто преступление против законов логики, это преступление против сознания и даже жизни людей, несущее в себе опасные последствия, а именно: происходит внедрение и диффузия в массовом сознании оптимистичной установки на восприятие глобализационных процессов (этот mainstream выражался, например, рекламным лозунгом сигарет L&M, получившим широкий резонанс в Санкт-Петербурге: «Мир без стен, границ и виз – стань его частью!»); скрывается сущность глобализации и ее опасные последствия.

Необходимо четко разграничивать понятия «глобализация» и «интеграция», которые нередко употребляются в качестве синонимов как в публицистической, так и в научной литературе, что недопустимо. Понятие «*интеграция*» связывается прежде всего с гегелевским понятием конкретно-всеобщего, предполагающим единство во многообразии, многополярное мироустройство: уважение национальных особенностей и традиций своего государства и государств-партнеров, диалог культур, сотрудничество, сохранение государственного суверенитета и территориальной целостности, соблюдение принципа невмешательства во внутренние дела государства. Например, Н. Н. Моисеев неоднократно акцентировал внимание на действии во благо человечества закона *дивергенции* – рост разнообразия и сложности материи в процессе ее самоорганизации. Именно в разнообразии мышления и поведения людей заключена способность в критических ситуациях находить необходимые альтернативы для принятия решений [27, с. 232, с. 149]. Еще ранее (в 1926 году) «поле устойчивости жизни» и «подвижное равновесие», противоположное «косному веществу», В. И. Вернадский связывал с *изменчивостью*, способностью живого вещества вариативно приспосабливаться к условиям внешней среды [9, с. 80].

Понятие «*глобализация*» отождествляется с концепцией One World (The West and The Rest), с однополюсным миром, с созданием унифицированной цивилизации по западному стандарту «со всеобщим равнением на статую Свободы, с нивелированием человеческой личности, низведением ее до исключительно инструментального уровня.

Будущий сценарий подобной антиутопии был показан уже в 1872 году Ф. М. Достоевским в «Бесах» в эпизоде с автором книги о социальном устройстве будущего общества Шигалевым, который, по-аристотелевски рассматривая человека не более, как «странное животное» [16, с. 391], предлагает «разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать. Меры, предлагаемые для отнятия у девяти десятых человечества воли и переделки его в стадо, посредством перевоспитания целых поколений, – весьма замечательны, основаны на естественных данных и очень логичны» [16, с. 392–393]. И далее – резюме, произнесенное П. Верховенским, которое как нельзя более точно отражает мировоззрение глобалистов: «каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное – равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! <...> Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство <...> мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве» [16, с. 405].

Конкретизация рассмотренного выше проекта Шигалева содержится в английской антиутопии О. Хаксли «О дивный новый

мир»: «Оптимальный состав народонаселения смоделирован нами с айсберга, у которого восемь девятых массы под водой, одна девятая над водой» [42, с. 463–464].

При рассмотрении глобализма как крайней формы воплощения социального зла, становится очевидным, что единое человечество в мондиалистском понимании есть иерархия стран и народов, базирующаяся на отношениях политического, экономического, социального, культурного и даже биологического неравенства. О мирном сотрудничестве равноправных стран и народов в данной ситуации говорить неуместно. Сущность глобализма, таким образом, заключается в навязывании незападным народам и странам социального строя, экономик, политической системы, идеологии, культуры и образа жизни западных стран. Идеологически и в пропаганде это изображается как гуманная и бескорыстная миссия Запада. А на деле колонизируемые страны во всех отношениях доводятся до такого состояния, что становятся не способными на самостоятельное существование. Вооруженные силы выполняют роль сдерживания протестов населения и подавления возможных бунтов. До жалкого уровня низводится национальная культура. Массам населения предоставляется суррогат демократии в виде распущенности, ослабленного контроля со стороны власти, доступных развлечений, системы ценностей, избавляющих людей от усилий над собой и моральных ограничений [19, с. 631–632].

Методы достижения подобных стратегических целей были указаны 70 лет назад в широко известных высказываниях[1] А. Даллеса: «Окончится война, все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, – все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей… Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания… Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением… исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства… Мы будем всячески поддерживать и подымать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, – словом всякой безнравственности… В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель… Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство… Национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу – все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом… И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких, людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов».

Важнейшим документом, отражающим интенсивность смертельной схватки двух цивилизаций, является *Директива Совета национальной безопасности США № 20/1 «Цели США в войне против России» от 18 августа 1948 года*.[1] Эта дата считается официальной датой начала войны нового типа против России с применением обобщенного информационного оружия: мировоззренческого – методологического, хронологического – исторического, идеологического – технологического, экономического – финансового и геноцидного (алкоголь, табакокурение, наркотики,

[1] Цит. по: Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Третья мировая информационно-психологическая война. М.: Институт социально-политических исследований АСН, 1999, с. 64.

[1] Полный текст приведен в журнале: Геополитика и безопасность, 2016, № 3–4. С. 159–176. Директива 20/1 была впервые опубликована в США в 1978 году в сборнике «Сдерживание. Документы об американской политике и стратегии 1945–1950 гг. (Thomas H. Etzold and John Lewis Gaddis, eds., Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. NSC 20/1. PP. 173–203).

контроль рождаемости, генная инженерия, радиация). И сейчас мы видим, что эта схватка продолжается.

1.2. Предпосылки формирования идеологии глобализма в трактате Т. Гоббса «Левиафан»

В 1651 году в свет вышла работа Т. Гоббса «Левиафан», идеи которой стали питательной средой для формирования идеологии тоталитарного абсолютизма и современного глобализма. Ф. Фукуяма нарек Гоббса «традиционным основателем современного либерализма» [41, с. 241], О. Шпенглер отмечал, что Гоббс «снискал себе славу одного из основателей английской колониальной империи» [45, с. 178]. Поэтому идеи, изложенные в «Левиафане», требуют внимательного изучения в XXI веке, когда глобализм претендует на заключительную фазу своей практической реализации.

Необходимо начать с самооценки произведения, представленной Гоббсом: «когда я думаю о том, какое глубокое знание моральной философии требуется от лиц, облеченных верховной властью, я почти склонен верить, что этот мой труд так же бесполезен, как «Государство» Платона» [13, с. 286]. Наряду с безапелляционным тезисом о «бесполезности» теории идеального государства Платона и об идентичности содержания этих двух несопоставимых работ, мы видим, как Гоббс облекает своего «Левиафана» в ханжескую маску «кротости» и «невинности».

Отправной точкой сконструированной Гоббсом теории является его бездоказательное допущение о «естественном» состоянии человека, который живет, руководствуясь исключительно своими инстинктами: «до тех пор, пока человек находится в естественном состоянии (которое есть состояние войны), мерой добра и зла являются его личные влечения» [13, с. 123]. Этот тезис стал не только корнем теории Гоббса, но и положением a priori для его многочисленных последователей. Например, в работе «Свобода воли и нравственность» А. Шопенгауэр вынесет подобный же приговор человеку, отождествив его с животным: «главная и основная пружина в человеке, как и животном, есть эгоизм». Вторя Гоббсу, современный агитатор-популяризатор постиндустриальной теории В. Л. Иноземцев в своей работе «Расколотая цивилизация» бросает убаюкивающий сознание читателей и полный обреченности тезис о том, что невозможно и нежелательно искоренить источник глобальной разделенности человечества в связи с тем, что, во-первых, «это означало бы замедление или остановку социального прогресса» и, во-вторых, «в современных условиях общество с катастрофической быстротой теряет способность контроля над проявлением творческих способностей своих членов». Однако в действительности происходит как раз обратное: в настоящее время общество как никогда усиливает контроль над проявлением всех, в том числе и творческих, способностей населения. А главным условием социального прогресса является как раз солидарность и связанный с ней групповой эффект синергии, а никак не разобщенность. Отечественный исследователь процессов управления массовым сознанием С. Г. Кара-Мурза вообще назвал мифом [22, с. 48] аксиому Гоббса bellum omnium contra omnes («война всех против всех»).

Об этическом релятивизме, господствующем в обществе конкурирующих индивидов, Т. Гоббс пишет: «Состояние войны всех против всех характеризуется также тем, что при нем ничто не может быть несправедливым. Понятия правильного и неправильного, справедливого и несправедливого не имеют здесь места» [13, с. 97].

Отсюда следует механистичная трактовка человека, который, по мнению Гоббса, подобен всем другим вещам: «Стоимость, или ценность, человека, подобно всем другим вещам, есть его цена, т. е. она составляет столько, сколько можно дать за пользование его силой, и поэтому является вещью не абсолютной, а зависящей от нужды в нем и оценки другого» [13, с. 66–67].

Ценностные понятия Гоббс рассматривает с позиций утилитаризма и приходит к идее очищения разума от непредсказуемых, не поддающихся ни одному из известных гносеологических критериев и приемов верификации ценностных представлений. В этой связи весьма показательно его определение содержания понятия «музыка» – это «знание последствий звука» из разряда «качеств животных вообще» [цит. по: 11, с. 20].

Далее очень важно рассмотреть интерпретацию свободы в трактате Гоббса, получившую широчайшее распространение в общественном устройстве, в том числе и современном: «Свобода означает отсутствие сопротивления (под сопротивлением я разумею внешнее препятствие для движения), и это понятие может быть применено к неразумным созданиям и неодушевленным предметам не в меньшей степени, чем к разумным существам» [13, с. 163]. Такой тезис также не противоречит механистической трактовке человека.

Однако следует заметить, что П. А. Сорокин указывал на то, что подобное «идеально бихевиористское» определение свободы не

должно применяться к человеку, главным критерием свободы или несвободы для которого является субъективный опыт: намерения, стремления, потребности и прочее [36, с. 563].

Кроме того, И. Кант подчеркивал, что личность должна рассматриваться свободной и независимой от механизма всей природы, «как способность существа, которое подчинено особым, а именно данным собственным разумом, чистым практическим законам» [21, с. 196].

Но Гоббс дает разъяснение причине, по которой человеческий материал мирится с упразднением прежней безграничной свободы, следующим образом: «когда люди, устав наконец от беспорядочных столкновений и взаимной резни, желают от всей души приладиться друг к другу и образовать совместно прочное и долговечное здание из людского материала, то – вследствие недостатка умения создать справедливые законы, чтобы сообразовать с ними свои деяния, а также скромности и терпения, чтобы мириться с упразднением шероховатых и грубых сторон их прежней безграничной свободы, – без помощи способного архитектора из них не может быть составлено ничего, кроме шаткого здания, которое, едва пережив самих строителей, неминуемо обрушится на голову их потомства» [13, с. 250].

Отсюда следует популярное и активно применяющееся в мировой практике современное течение научной мысли, базирующееся на аксиоме: манипуляция сознанием человека «просвещенными и мудрыми правителями – не только допустимое, но и предпочтительное «прогрессивное» средство» [22, с. 7], символизирующее переход от физического насилия к обработке массового сознания в русле mainstream. Однако в перспективе развития человеческого рода физическое насилие оказывается менее разрушительным, чем насилие интеллектуальное, эмоциональное и духовное – именно таким насилием воздействие на сознание людей посредством программирования их поведения и является. И тогда вообще ставятся под сомнение онтологический, гносеологический и аксиологический статусы человека как «человека разумного», который в результате манипулятивного воздействия в своем одномерном состоянии уже не сможет следовать декартовской формуле: «Dubito ergo cogito, cogito ergo sum» («Я сомневаюсь, значит, мыслю; я мыслю, значит, существую»). Благие намерения принудительного счастья в результате приводят к нивелированию человеческой личности, к превращению её в один из элементов толпы. Такие перспективы не могут не беспокоить.

Механистическая трактовка человека одновременно проецируется и на государство, которое Гоббс не случайно назвал «искусственным человеком»: «искусством создан тот великий Левиафан, который называется Республикой, или Государством (Commonwealth, or State), по латыни – Civitas, и который является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан. В этом Левиафане верховная власть, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная душа; должностные лица и другие представители судебной и исполнительной власти – искусственные суставы; награда и наказание (при помощи которых каждый сустав и член прикрепляются к седалищу верховной власти и побуждаются исполнить свои обязанности) представляют собой нервы, выполняющие такие же функции в естественном теле; благосостояние и богатство всех частных членов представляют его силу; salus populi, безопасность народа, – его занятие; советники, внушающие ему все, что необходимо знать, представляют собой память; справедливость и законы суть искусственный разум (reason) и воля; гражданский мир – здоровье; смута – болезнь, и гражданская война – смерть. Наконец, договоры и соглашения, при помощи которых были первоначально созданы, сложены вместе и объединены части политического тела, похожи на то «fiat», или «сотворим человека», которое было произнесено Богом при акте творения» [13, с. 163].

Весьма рельефно Гоббс обрисовал и так называемые «искусственные цепи» гражданского законодательства: «подобно тому, как люди для достижения мира и обусловленного им самосохранения создали искусственного человека, называемого нами государством, точно так же они сделали искусственные цепи, называемые гражданскими законами, и эти цепи они сами взаимными соглашениями прикрепили одним концом к устам того человека или собрания, которым они дали верховную власть, а другим концом – к собственным ушам» [13, с. 165].

Однако следует обратить внимание на утверждение «московского Сократа» Н. Ф. Федорова, философские искания которого явились своего рода толчком для зарождения мощного идейного направления русского космизма, о том, что человек формируется как человек именно в результате любви, солидарности, а не борьбы. Очевидно, что, если бы о нем не заботились, любой новорожденный непременно бы погиб.

Возвратимся к следующему допущению Гоббса о том, что причиной враждебности между людьми является их равенство: «Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей, ибо хотя мы наблюдаем иногда, что один человек физически сильнее или умнее другого, однако если рассмотреть все вместе, то окажется, что разница между ними не настолько велика, чтобы один человек, основываясь на ней, мог претендовать на какое-нибудь благо для себя, а другой не мог бы претендовать на него с таким же правом. <...> Из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение целей. Вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами» [13, с. 93–94].

Гоббс обнаружил в природе человека три основные причины войны: во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажду славы [13, с. 95]. Центральным выводом Гоббса после его сгущающих краски рассуждений о том, «какова была бы жизнь людей при отсутствии общей власти, внушающей страх» [13, с. 97], становится следующее утверждение: «пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех» [13, с. 95].

Апологетика тоталитарной власти, внушающей страх, пронизывает всю теорию Гоббса: «там, где нет власти, способной держать всех в подчинении, люди не испытывают никакого удовольствия (а напротив, значительную горечь) от жизни в обществе» [13, с. 95].

По мнению английского философа, такая общая власть «может быть воздвигнута только одним путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю. Иначе говоря, для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителя общего лица. Это больше чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком

с каждым» [13, с. 132–133]. Такое соглашение принято называть общественным договором.

Также основополагающий принцип тоталитарного управления «Цель оправдывает средства», который созвучен принципам, изложенных в теориях научного управления Ф. Тейлора и идеальной бюрократической организации М. Вебера, был показан Е. И. Замятиным в его произведении «Островитяне», посвященном жизненному устройству жителей Лондона: «жизнь должна стать стройной машиной и с механической неизбежностью вести нас к желанной цели».

В трактате «Левиафан» обосновывается тезис о том, что верховная власть должна быть «так обширна, как только это можно себе представить. И хотя люди могут воображать, что такая неограниченная власть должна вести ко многим дурным последствиям, однако отсутствие таковой власти, а именно беспрестанная война всех против всех, ведет к значительно худшим последствиям» [13, с. 162].

Подобные воззрения содержатся и в трактате мыслителя и государственного деятеля, проповедовавшего кредо «*Цель оправдывает средства*», отождествляемое обычно с понятиями «беспринципность» и «цинизм», Н. Макиавелли «Государь» (1513 г.), который можно считать не только предшественником, но и идейным вдохновителем Гоббса.

Важнейшим тезисом Гоббса выступает также обоснование необходимости для правителя быть вседержителем идеологической власти: «в компетенцию верховной власти входит быть судьей в отношении того, какие мнения и учения препятствуют и какие содействуют водворению мира, и следовательно, в каких случаях, в каких рамках и каким людям может быть предоставлено право обращаться к народной массе и кто должен расследовать доктрины всех книг, прежде они будут опубликованы. Ибо действия людей обусловлены их мнениями, и в хорошем управлении мнениями состоит хорошее управление действиями людей» [13, с. 138]. Монополия на информацию является основой власти тоталитарного вождя. Очевидно, что власть желает сделать людей конформно равными. В подобных идеях унификации масс нетрудно увидеть корни антиутопий. Так, каждый человек и каждая мысль, не служащие и не соответствующие конечным целям машины, чьей единственной задачей является производство и накопление власти, являются опасной помехой [1, с. 211].

Следующим важнейшим блоком конструкции Гоббса является демонстрация стремления власти к глобальной экспансии: «И вот на первое место я ставлю как общую склонность всего человеческого рода вечное и беспрестанное желание все большей и большей власти, желание, прекращающееся лишь со смертью. И причиной этого не всегда является надежда человека на более интенсивное наслаждение, чем уже достигнутое им, или невозможность для него удовлетвориться умеренной властью; такой причиной бывает и невозможность обеспечить ту власть и те средства к благополучной жизни, которыми человек обладает в данную минуту, без обретения большей власти. Этим объясняется, что короли, власть которых является величайшей, обращают свои усилия на обеспечение последней: внутри – путем законов, вовне – путем войн» [13, с. 74–75].

Наконец, рассмотрим еще один тезис, который Гоббс приводит как бы вскользь, но именно этот тезис делает его предтечей будущего «закона народонаселения» Т. Р. Мальтуса: «А когда весь мир окажется перенаселенным, тогда остается как самое последнее средство война, которая заботится о всяком человеке, давая ему победу или смерть» [13, с. 270]. Такая безнравственная аллегория заботливой войны показывает двойные стандарты и тщетность всей конструкции: «искусственный человек» строится для мира и безопасности, а в конечном итоге всё заканчивается войной и отрицанием жизни.

Обратимся также к выводам Х. Арендт, к которым она приходит в своем исследовании «Истоки тоталитаризма» (1951 г.): теория Гоббса создавалась в интересах нового буржуазного общества, каковым оно становилось в XVII в., а его представление о человеке стало эскизом отвечающего требованиям этого общества нового типа человека [1, с. 207]: создается портрет человека, каким он должен стать и как он должен себя вести, если он хочет вписаться в возникающее буржуазное общество [1, с. 209–210]. Арендт верно выявила, что власть не только не заинтересована в свободе и независимости человека, но готова пожертвовать всем и каждым во имя предполагаемых надчеловеческих законов истории [1, с. 210].

Гоббс превращает необходимость накопления власти в теорию естественного состояния вещей, «состояния непрерывной войны» всех против всех, в котором все еще продолжают находиться по отношению друг к другу отдельные государства, подобно тому, как в нем находились их отдельные подданные перед тем, как они подчинились власти Державы. Эта неизменно присутствующая опасность войны гарантирует Державе перспективу вечного существования, так как дает возможность государству наращивать свою мощь за счет других государств [1, с. 209]. Этот процесс нескончаемого накопления власти для защиты нескончаемого накопления капитала определил «прогрессивную» идеологию конца XIX в. и стал началом подъема империализма [1, с. 210].

Важное замечание Н. С. Трубецкого в работе «Европа и человечество» о том, до сих пор истинная природа европейского космополитизма и других европейских теорий, основанных на эгоцентрических предрассудках, осталась нераскрытой, и спустя почти сто лет отлично характеризует отсутствие объективной критики этих теорий, в том числе и теории Гоббса. Трудно не согласиться с выводом, к которому пришла Х. Арендт: «Левиафан действительно может преодолеть все политические ограничения, связанные с существованием других народов, и может всю землю погрузить в тиранию» [1, с. 214]. Тесно связана с глобализмом в указанной выше интерпретации проблематика власти и тоталитаризма, детально представленная в работах Х. Арендт, Р. Арона, Т. Гоббса, Н. Макиавелли, И. В. Солонько и других. Наиболее убедительно она раскрыта в философских романах Ф. М. Достоевского, И. А. Ефремова, Е. И. Замятина, Дж. Оруэлла, Р. Бредбери, О. Хаксли, в которых смоделированы образы будущего, *отрицающего* нынешний онтологический статус человека.

1.3. Причинно-следственная связь тоталитаризма и глобализма

Понятием «тоталитаризм» (лат. totalitas – цельность, полнота) обозначают режимы, в которых структура власти базируется на унифицированной системе, что выражается в насаждении единственно верной идеологии, всеобъемлющем контроле и насилии во всех сферах социальной жизни, в превращении личности в элемент тоталитарной системы, представляющей собой сконструированную альтернативную реальность, которая вытесняет и затем отрицает реальность подлинную. Следует отметить, что основной чертой тоталитаризма является стремление к глобальной экспансии, тотальному господству. «Тоталитарные режимы действительно строят свою внешнюю политику исходя из той последовательной посылки, что они в конце концов достигнут своей конечной цели, и никогда не теряют ее из виду, независимо от того, сколь отдаленной она может показаться или сколь серьезно ее «идеальные» требования могут противоречить необходимости конкрет-

ного момента. Поэтому они не рассматривают ни одну страну как неизменно чужую, но, напротив, в каждой стране видят свою потенциальную территорию» [1, с. 540], – к такому выводу приходит Х. Арендт, цитируя в том числе известные афоризмы ведущего инициатора английской колониальной экспансии в Южной Африке Сесила Родса (1853–1902) о том, что британцы – лучшая раса, достойная мирового господства, и что он распространил бы свою экспансию и на другие планеты, аннексируя их, если бы это было возможно.

Рассматривая глобализацию как практическое воплощение концепции One World, предполагающее конструирование унифицированной однополюсной цивилизации по западному стандарту, с обезличиванием и нивелированием человека, выделим ряд ее отличительных признаков, позволяющих сделать вывод о том, что глобализм является конечной целью тоталитаризма, т. е. глобализм – тоталитаризм, распространившийся по территории всего Земного шара (а при соответствующей возможности – и за его пределы):

1) Опора на массы конформистов.

Рассмотрим анализ данного признака Х. Арендт, утверждавшей, что тоталитарные движения нацелены на массы и преуспели в организации масс, а не классов [1, с. 411]. Обратимся к экскурсу, предпринятому Арендт: «Выдающиеся европейские ученые и государственные деятели с первых лет XIX в. и позже предсказывали приход массового человека и эпохи масс. Вся литература по массовому поведению и массовой психологии доказывала и популяризировала мудрость, хорошо знакомую древним, о близости между демократией и диктатурой, между правлением толпы и тиранией. Авторы XIX в. подготовили определенные, политически сознательные и сверхсознательные круги западного образованного мира к появлению демагогов, к массовому легковерию, суеверию и жестокости. И все же, хотя эти предсказания в известном смысле исполнились, они много потеряли в своей значимости ввиду таких неожиданных и непредсказуемых явлений, как радикальное отсутствие личной заинтересованности, циничное или скучливое равнодушие перед лицом смерти или иных личных катастроф, страстная привязанность к наиболее отвлеченным понятиям как путеводителям по жизни и общее презрение даже к самым очевидным правилам здравого смысла. Вопреки предсказаниям, массы не были результатом растущего равенства условий для всех, распространения всеобщего образования и неизбежного

понижения стандартов и популяризации содержания культуры» [1, с. 420–422].

Скорее, массы стали результатом победившего *конформизма*. Именно конформизм и инертность превращают население в толпу. С. Г. Кара-Мурза отмечал, что толпа образуется тогда, когда «есть гипнотическое действие из единого центра», при отсутствии «душевного прямого контакта и диалога» [22, с. 443].

Очень точно конформные массы были охарактеризованы в работе «Восстание масс» Х. Ортега-и-Гассет, отмечавшего у человека массы отсутствие нравственного стержня: «масса – совокупность лиц, не выделенных ничем, это «средний человек». Масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни во зле *не мерит себя особой мерой*, а ощущает таким же, как и все, и не только не удручен, но и доволен собственной неотличимостью» [31, с. 11–12].

Такие люди избегают ответственности, сопряженной со свободой выбора и предпочитают имитацию личной свободы («слыть свободным») свободе подлинной. Предпосылки такой готовности человека «спрятаться в любую клетку душевного комфорта безответственности, любезно распахнутую перед ним обществом», Г. П. Выжлецов видит в том, что обыватель «боится духовной свободы как высшей ответственности перед самим собой» [11, с. 14].

Х. Арендт верно выявила, что массовым движениям предшествовали социальная атомизация и крайняя индивидуализация: «Массы выросли из осколков чрезвычайно атомизированного общества, конкурентная структура которого и сопутствующее ей одиночество индивида сдерживались лишь его включенностью в класс. Главная черта человека массы – не жестокость и отсталость, а его изоляция и нехватка нормальных социальных взаимоотношений» [1, с. 420–422].

Очень ярко эта мысль проиллюстрирована в антиутопии «451 градус по Фаренгейту» Р. Бредбери, который показал крайне атомизированное общество, главная ценность которого – entertainment – требует жертв (среди которых инквизиторское сжигание книг, иногда вместе с их владельцами), и главной жертвой становится зашоренное человеческое сознание в соответствии с кредо: «Человек, умеющий разобрать и собрать телевизорную стену, – а в наши дни большинство это умеет – куда счастливее человека, пытающегося измерить и исчислить вселенную».

Арендт также высказывает опасения по поводу того, что тоталитарные формы правления опираются на массовую поддержку: «Несомненно, то обстоятельство, что тоталитарное правление, не-

смотря на свой явно преступный характер, опирается на массовую поддержку, вызывает большую тревогу» [1, с. 7]. Ведь оказываясь в толпе, впадая в экстатическое состояние, человек зачастую совершает то, чего никогда бы не сделал в одиночку. В толпе совершенно исчезает чувство ответственности, регулирующее сознательную деятельность отдельного человека, являющееся индикатором свободы выбора линии поведения.

Массовое сознание характеризуется следующим образом: навязанные социальной группе магические представления и связанные с ними табу действуют сильнее осознания противоречия и аргументации здравого смысла (двоемыслие, по Дж. Оруэллу). Массовое употребление табу становится суррогатом веры, основанной в первую очередь на страхе, и во вторую – на выгоде. Табу сродни логическому вирусу, поражающему массовое сознание и вызывающему эффекты социальной патологии.

Ортега изобличал людей, живущих инертно, называемых массой *не за их многочисленность, а за их инертность*: «Чем дольше существуешь, тем тягостней убеждаться, что большинству не доступно н*икакое усилие, кроме вынужденной реакции на внешнюю необходимость*» [31, с. 58].

В. Г. Белинский раскрыл главную отличительную особенность толпы – отсутствие у нее способности к исследованию истины, поскольку толпа не в состоянии размышлять, верит только авторитетам, а не собственному разуму и опыту.

И. А. Ефремов назвал конформизм задержкой, остановкой развития, рекомендовал избегать непрерывного давления на психику, периодически «отпускать» психику человека, как отпускают сталь, чтобы не сделать ее слишком хрупкой: «Внутренняя диалектическая борьба – это основа всякого устройства в жизни, всякого процесса и всякой сложной структуры. Без нее получается просто количественный прирост наподобие раковой опухоли из однородных невзаимодействующих клеток, вместо организованного общества – толпа» [17, с. 593].

2) Обезличивание человека.

По утверждению Арендт, тотальное господство, которое стремится привести бесконечное множество весьма разных человеческих существ к одному знаменателю, возможно лишь в том случае, если любого и каждого человека удастся свести к некой никогда не изменяющейся, тождественной самой себе совокупности реакций и при этом каждую такую совокупность реакций можно будет заменить любой другой. Проблема здесь стоит в том, чтобы сфабриковать нечто несуществующее, а именно некий человеческий вид, напоминающий другие животные виды, вся «свобода» которого состояла бы в «сохранении вида» [1, с. 568–569].

Антропологический компонент тоталитаризма состоит в трансформации человека в новый тип – некий homo totalitaricus методом стандартизации, унификации, подавления («стерилизации») индивидуального начала, сведения всех индивидов к среднестатистическому знаменателю. Причем унификация подается не только как обязанность быть одинаковыми, но и как рецепт «счастья»: «Пусть люди станут похожи друг на друга как две капли воды; тогда все будут счастливы, ибо не будет великанов, рядом с которыми другие почувствуют свое ничтожество». Данное утверждение из антиутопии Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» созвучно горькому предупреждению А. С. Пушкина, которое содержится в его научной статье «Джон Теннер» (1836) о том, что талант, из уважения к равенству, должен быть принужден «к добровольному остракизму». Здесь также уместно вспомнить о знаменитой трости милетского тирана Фразибула, уничтожающей колосья, которые поднимались выше других, не ведая, что нарушением общего строя они сами себе выносят смертельный приговор: для блага других, коротеньких, одинаковых. Позднее персонаж «Бесов» Петр Верховенский бросит нам в лицо вызов унификации: «мы всякого гения потушим в младенчестве!» [16, с. 405]

Не случайно многие отечественные мыслители введение в России ЕГЭ и стандартов Болонской системы, в которых сокращается курс фундаментальных знаний в пользу прикладного узкоспециального, называют не иначе, как *государственной изменой*, преступлением национального масштаба. Десакрализация содержания педагогического труда, превращение образования из непрерывной сложной живой системы воспитания духовного и интеллектуального ядра общества в эпизодическое дозированное регламентированное предоставление и потребление так называемых *«образовательных услуг»* приводит к тому, что отождествляющий себя с товаром на рынке труда «выпускник со своим неполноценным дипломом – готовый винтик глобализации – может ездить по всему миру и искать себе применение как для переходника на слесарных трубах» [30, с. 211]. Система образования (практика оценки коэффициента интеллекта личности IQ-тестами, внедрение ЕГЭ-тестов) и воспитания, соответсвующая обработка со стороны масс-медиа дают «однополушарное» развитие, неадекватное основам современной жизни.

«Школьные учителя обладают властью, о которой премьер-министры могут только мечтать», – афоризм, авторство которого приписывается У. Черчиллю, как нельзя более точноъ отражает значение науки, образования и воспитания, и колоссальную ответственность всех, вовлеченных в эту профессиональную сферу.

В произведении Дж. Оруэлла «1984» показано предназначение технологии новояза: для того, чтобы сформировать послушные массы, нужно сузить диапазон человеческого мышления, а для этого в свою очередь нужно постоянно сужать язык – с каждым годом все меньше и меньше слов: «Быть благонадежным – значит не думать, не иметь потребности думать». Вот почему мы всё чаще встречаем выпускников школ с лексиконом и кругозором, приближающимися к последнему пределу, которого достигла Эллочка Щукина. Но сегодня этот персонаж сатиры И. Ильфа и Е. Петрова уже не вызывает даже горькой усмешки, а только внушает ужас нам, стоящим на краю бездны и заглядывающим в нее.

Один из наиболее жутких сценариев надвигающегося постчеловеческого будущего был представлен в 1931 году О. Хаксли как принцип массового производства, примененный в биологии: «Бокановскизация – одно из главнейших орудий общественной стабильности. Она дает стандартных людей. Равномерными и одинаковыми порциями. Целый небольшой завод комплектуется выводком из одного бокановскизированного яйца. Девяносто шесть тождественных близнецов, работающих на девяноста шести тождественных станках!» [42, с. 310–311] Ранее в 1920 году Е. И. Замятин в антиутопии «Мы» предупреждал о сопряженном с тоталитаризмом процессе нивелирования человеческой личности, превращения ее в один из элементов толпы с «не омраченными безумием мыслей лицами».

Х. Арендт в свою очередь указывает на «вызывающую раздражение несовместимость между действительной мощью современного человека (большей, чем когда-либо, настолько огромной, что он может поставить под угрозу само существование своего мира) и его неспособностью жить в том мире и понять смысл того мира, который он создал своими силами» [1, с. 30–31]. По ее проницательному прогнозу, победа тоталитаризма может означать разрушение человечества: «где бы он ни правил, он начинал разрушать саму сущность человека» [1, с. 31].

3) Пропаганда как способ управления массовым сознанием. Монополия на информацию является основой власти тоталитарного вождя.

Арендт выявляет, что стабильность тоталитарного режима зависит от изоляции сконструированной вымышленной реальности от реальности подлинной [1, с. 569]. Н. Луман посвятил этой теме главу «Конструкция реальности» в своей работе с символичным названием «Реальность масс-медиа». Иллюзорный мир создается принципиально непроверяемым, достаточно комфортным, даже с маской благорасположения и «заботы» об обманутых и введенных в заблуждение. Причем обманутые сами «обманываться рады». Ярче всего это было показано Платоном в символе пещеры (книга седьмая «Государства»), где узники принимают за истину *тени* проносимых мимо предметов, и как *мучительно* вначале происходит преодоление этого состояния, освобождение разума от оков, духовного ока – от шор, и дальнейший подъем души в область умопостигаемого! Не всякий выдерживает это освобождение, этот выход за пределы сформированных рефлексов и стереотипов и в результате малодушно стремится вернуться обратно в привычный иллюзорный мирок, подставив шею под ярмо. В 1999 году эта тема была недвусмысленно проиллюстрирована в фильме «Матрица».

А. Швейцер, который видел в создании одномерности мышления непреодолимое препятствие для формирования мировоззрения благоговения перед жизнью, приводит верную метафору, уподобляя одномерное мышление бесплодному дереву, к которому каждый год кем-то извне подвешиваются муляжи плодов. Действительно, в этом случае идеи, имеющие непреходящую ценность, которые должны постоянно снова и снова рождаться в мышлении, не появляются. И в результате материально обремененные, переутомленные и рассеянные люди, считающие себя недостаточно подготовленными, чтобы претендовать на право иметь собственные мысли, у которых нет сил сосредоточиться и сопротивляться постоянным влияниям извне, «теряют всякое ощущение истины и даже не отдают себе отчета в том, что она им нужна, чувствуя себя вполне комфортабельно в жизни без мышления, несомые сегодня туда, завтра туда, от одного мнения к другому» [44, с. 330–332].

Следует рассмотреть также актуальные замечания Х. Арендт о том, что «не только политическая пропаганда, но и все современные средства массовой информации содержат элемент угрозы», что «пропаганда и террор представляют две стороны одной медали» и о том, что тоталитаризм «заменяет пропаганду идеологической обработкой и использует насилие не столько для запугивания людей (это делается лишь на начальных стадиях, когда еще суще-

ствует политическая оппозиция), сколько для постоянного воплощения своих идеологических доктрин и своей практикуемой лжи» [1, с. 451].

Непременный атрибут тоталитаризма – внедрение принципа «кто не с нами, тот против нас», аннигиляция оппозиции: скрупулезно конструируется образ врага, чужака, не «мы», «недочеловека».

Так же справедлива приведенная Арендт аналогия: «Назойливое настаивание на так называемой «научной» природе своих утверждений в тоталитарной пропаганде можно сравнить с определенной рекламной техникой, которая тоже направлена на массы» [1, с. 456]. Государство и его представители руководят всеми средствами массовой информации. Для распространения официальной истины государство наделяет себя исключительным правом на силовое воздействие и на средства убеждения. В антиутопии «О дивный новый мир» О. Хаксли детально показал метод совершенной, доведенной до абсолюта, пропаганды готовых к употреблению «истин» – *гипнопедии*. Кредо тоталитарного вождя звучит следующим образом: «Опасная вещь наука; приходится держать ее на крепкой цепи и в наморднике» [42, с. 465]. То есть наука из путеводной звезды, зовущей человека в ноосферное царство разума, превращается в служанку.

О такой одномерной алгоритмизации, «дискредитации индивидуального мышления», навязывании человеку скептического отношения к собственному мышлению, пишет и А. Швейцер: «Политические, социальные и религиозные организации стремятся побудить каждого отдельно взятого человека не к тому, чтобы он вырабатывал свои убеждения путем самостоятельных размышлений, а к тому, чтобы он усвоил в качестве своих те убеждения, которые они уже подготовили для него. Любой человек, который мыслит самостоятельно и остается при этом духовно свободным, рассматривается ими как нечто неудобное и даже опасное» [44, с. 329–330]. Все это приводит к духовной зависимости и к духовному банкротству.

О. Шпенглер выявил, что каждый западноевропейский человек находится под влиянием «чудовищного оптического обмана. Все *требуют* чего-то от других. Слова «ты должен» произносятся с полным убеждением, что здесь действительно можно и должно что-то единообразно изменить, оформить и привести в порядок. Вера в это и в право на это непоколебима. Здесь повелевают и требуют повиновения. Вот что *называется* у нас моралью»

[45, с. 524]. Шпенглер подчеркивает, что подобная мораль выступает с претензией «на всеобщее и вечное значение»: «Кто думает, учит, желает иначе, тот грешник, отщепенец и *враг*. С ним борются без пощады» [45, с. 525].

В своей антиутопии О. Хаксли показывает, что население тоталитарного государства состоит из «рабов, которых не надо принуждать, ибо они любят свое рабство» [42, с. 302]. И задача воспитания этой противоестественной привязанности рассматривается как задача совершения «глубинной внутриличностной революции в людских душах и телах» [42, с. 303], и возлагается она на министерства пропаганды, на масс-медиа, на воспитателей и преподавателей, в арсенале которых находятся: 1) значительно усовершенствованные методы внушения – через привитие малым детям условных рефлексов (бихевиоризм, гипнопедия). Как отмечал Г. Маркузе, одномерное мышление формируется посредством «самодвижущихся гипотез, которые непрерывно и планомерно повторяясь, превращаются в гипнотически действующие формулы и предписания» [25, с. 19]; 2) детально разработанная и обоснованная теория о кастовых различиях, позволяющая управленцам помещать каждого человека на соответствующее ему место в иерархии; 3) изобретение заменителя алкоголя и других наркотиков для удовлетворения нужды в бегстве от действительности, чтобы ни у кого даже не возникало мысли: «А что бы, если бы я мог, если б я был свободен, а не сформован по-рабьи?» [42, с. 373], для старших возрастов, применение таких лекарственных средств, как скополамин[1], сопровождающееся рекламными заклинаниями: «Примет сому человек – время прекращает бег. Сладко человек забудет и что было, и что будет» [42, с. 382]; 4) надежная система евгеники, предназначенная для стандартизации человека – потребуются многие десятилетия тоталитарного контроля, чтобы успешно выполнить проект [42, с. 303–304].

Любовь к рабству недостижима при отсутствии экономической обеспеченности, и так называемая «проблема счастья» решается тогда, когда слово «счастье» подменяется «экономической обеспеченностью» [42, с. 303]. «Люди счастливы; они получают все то,

[1] scopolaminum — алкалоид, содержащийся вместе с атропином в растениях семейства паслёновых: скополии, красавке, белене, дурмане и некоторых других. После приёма наблюдается сухость во рту, потеря чёткости зрения, уменьшается контроль над моторикой, усиливается пульс и повышается температура тела. Характерным свойством скополамина является вызываемая им амнезия. В начале XX века скополамин был предложен в качестве «сыворотки правды».

что хотят, и не способны хотеть того, что получить не могут» [42, с. 461]. Это именно то, о чем предупреждал в 1754 году Ж. Ж. Руссо в трактате «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми»: о покупке воображаемого спокойствия ценою действительного счастья.

Главноуправитель тоталитарного государства заявляет: «я сумел осознать, что вся наша наука – нечто вроде поваренной книги, причем правоверную теорию варки никому не позволено брать под сомнение и к перечню кулинарных рецептов нельзя ничего добавлять иначе, как по особому разрешению главного повара» [42, с. 465]. Или сформулированное по-другому Дж.Оруэллом в «1984»: «Власть заключается в том, чтобы, разбив на куски разум человека, собрать его снова, но придав ему ту форму, какая нужна тебе».

Об *интеллектуальном геноциде* как об изощренном информационном тоталитаризме, созданном глобальной олигархией, предупреждал академик Н. Н. Моисеев: «это постепенное усвоение миллиардами людей неких новых стандартов мышления, оценок происходящего и восприятия действительности, выгодных этой одиозной группе лиц. В подобной ситуации произойдет глобальное зомбирование планетарного человечества» [26, с. 85].

4) Террор во всех сферах социальной жизни как истинная сущность данной формы правления.

Х. Арендт приходит к следующему выводу: «Конечно, пропаганда – это часть «психологической войны», но террор – нечто большее. Тоталитарные движения продолжают использовать террор даже тогда, когда психологические цели достигнуты. Террор – истинная сущность данной формы правления. Его существование так же мало зависит от психологических или других субъективных факторов, как существование законов в конституционно управляемых странах зависит от числа людей, нарушающих их» [1, с. 454–455].

Х. Арендт показала, что ядро власти в тоталитарном государстве – сверхэффективные и сверхкомпетентные службы тайной полиции – находятся над государством [1, с. 546]: «Эта подвижная иерархия с ее постоянным созданием новых подразделений и сменой авторитетов хорошо известна на примере секретных контролирующих органов, секретных полицейских или шпионских служб, где всегда требуются новые контролеры для проверки старых контролеров» [1, с. 485].

Обратившись к работе «Одномерный человек» Г. Маркузе, можно убедиться в том, что чем более рациональным, продуктивным,

технически оснащенным и тотальным становится управление обществом, тем труднее представить себе средства и способы, посредством которых индивиды могли бы сокрушить свое рабство и достичь собственного освобождения [25, с. 9].

5) Пренебрежение нормами права и нравственности.

Арендт констатирует, что пренебрежение всеми законами свидетельствует о вере тоталитарных политиков, будто можно действовать без всякого consensus iuris вообще [1, с. 600]. Здесь ярко прослеживаются трактовки власти Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Ф. Ницше, а также размышления некоторых персонажей Ф. М. Достоевского. Цивилизацию, основанную на ненависти, ярко продемонстрировал Дж.Оруэлл в «1984»: «Мы создаем мир страха, предательства и мучений, мир попирающих друг друга, мир, который, развиваясь, становится не менее, а *более* безжалостным. Развитие нашего мира будет развитием страданий» [32, с. 211].

Подытоживая вышесказанное, выразим согласие с важнейшим утверждением И. А. Ильина о том, что сущность тоталитаризма выражается именно в *объеме управления*, который становится всеохватывающим, что тоталитарный режим включает *всю* деятельность граждан в объем своего управления и принудительного регулирования: «Имеется единый властный центр: *он призван* все знать, все предвидеть, все планировать, все предписывать. Обычное правосознание исходит от предпосылки: все незапрещенное – позволено; тоталитарный режим внушает совсем иное: *все непредписанное – запрещено*» [20, с. 50].

Именно поэтому глобализм как триумф тоталитаризма отсекает пути для дальнейшего существования и тем более развития человека, отрицает свободу нравственного выбора личности и в конечном итоге означает истребление вида Человек Разумный.

2. ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

2.1. Конкурирующий индивидуализм как базовая ценность западной цивилизации

В упоминаемом выше трактате «Левиафан» Т. Гоббс допустил аксиому о равенстве способностей людей, из которого, по его мнению, возникает равенство надежд на достижение целей: два человека становятся врагами, если они одновременно желают одной и той же вещи, которой не могут обладать вдвоем. Гоббс находил в природе человека три основные причины войны. Первая причина – соперничество – заставляет людей нападать друг на друга в целях наживы, вторая причина – недоверие – в целях собственной безопасности, а третья – вследствие жажды славы. Люди, движимые первой причиной, употребляют насилие, чтобы сделаться хозяевами других людей, их жен, детей и скота; люди, движимые второй причиной, применяют насилие в целях самозащиты; третья же категория людей прибегает к насилию из-за пустяков вроде слова, улыбки, из-за несогласия во мнении и других проявлений неуважения, непосредственно в их адрес или в адрес их родни, друзей, их народа, сословия или имени [13, с. 94–95].

Если Платон в «Государстве» указывал, что люди делятся на три рода: правдолюбцев, честолюбцев и сребролюбцев, то у Гоббса первые превращены в «себялюбцев» («брюхолюбцев») – правдолюбцы (истинолюбцы, т. е. философы) из общества, по Гоббсу, просто исключены. Причины этого понятны, ведь такие люди препятствуют установлению неограниченной никем и ничем верховной власти.

Н. Я. Данилевский, выявляя нравственный этнографический признак народа, служащий выражением существенной особенности всего его психического строя, пришел к выводу о том, что общая черта, присущая всем народам романо-германского типа, есть *насильственность* – чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной интерес необходимо должен ему уступить, волей или неволей. Такое навязывание своего образа мыслей другим, такое подчинение своему интересу даже не кажется с точки зрения гипертрофированного индивидуализма, гипертрофированного чувства собственного достоинства чем-

либо несправедливым. Оно представляется как естественное подчинение низшего высшему, в некотором смысле даже как благодеяние этому низшему [15, с. 216]. В этой связи уместно вспомнить, например, такой жуткий и отвратительный обряд насилия, как prima notta, направленный на искоренение генофонда вассального народа.

Н. С. Трубецкой писал о «ненасытной алчности, заложенной в самой природе международных хищников – романо-германцев» [38, с. 730] и об *эгоцентризме* как о главной черте их культуры [38, с. 715]. Оценивая собственную культуру как общечеловеческую, они презрительно считают остальные культуры второсортными: «Затаенной мечтой каждого европейца является обезличение всех народов земного шара, разрушение всех своеобразных обликов культур» [цит. по: 14, с. 54]. В «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский также отмечал такое присущее европейцам свойство считать другие национальности только за лимон, который можно выжать.

И. Валлерстайн признавал, что сложившаяся к настоящему времени «мир-система» была основана на экспансии европейских государств и народов в другие части мира, причем экспансия средствами теологии или трактатами светских философов выдавалась за «благодеяние» по отношению к покоренным [5, с. 5].

Данилевский отмечал, что существенную преобладающую черту в английском национальном характере составляет любовь к самодеятельности, ко всестороннему развитию личности, индивидуальности, которая проявляется в борьбе со всеми препятствиями, противопоставляемыми как внешней природой, так и другими людьми. Англичанин вводит борьбу во все свои общественные учреждения. В суде или в парламенте – везде личное состязание. В подражание парламентской борьбе они учреждают общества прений (debating society), заключают пари. Неудивительно, что трое знаменитых английских ученых создали три учения, которые все основаны на этом коренном свойстве английского народного характера. Т. Гоббс сформировал политическую теорию образования человеческих обществ на начале всеобщей борьбы, на войне всех против всех. А. Смит предложил экономическую теорию свободного соперничества – как между производителями и потребителями (что устанавливает цену предмета), так и между производителями (что удешевляет и улучшает произведения промышленности) – теорию непрестанной борьбы и соперничества. Ч. Дарвин сформулировал теорию борьбы за существование, которая долж-

на объяснить происхождение видов животных и растений [15, с. 169–170].

В результате, как и предсказывал И. А. Ильин, люди нашего времени утрачивают духовный хребет: «современный человек верит в свою окончательную смертность, но не верит в свое бессмертие и в вечную жизнь; и самая молодость кажется ему кратким и непрочным даром. Поэтому он торопится; ему «некогда». Обманчивые радости естества кажутся ему главными или даже единственными. И вот он спешит улучшить или использовать свою «земную конъюнктуру», он боится «упустить» и «не успеть». Совесть его смолкает, честью он не дорожит. Он начинает ломить без стыда и «оправдывает» свою дерзость нравственным релятивизмом («все условно»). Расталкивая друг друга, люди добиваются «лучшего» и «большего» и затаптывают слабых и беззащитных на смерть» [20, с. 20].

Развенчивая мнимый восторг Ф. Ницше, взывавшего к безнравственному наслажденцу с «веселым брюхом», к так называемому «верховному зверю» с «грубым» и «диким» нравом, И. А. Ильин выявил: «В каждом из нас есть две силы, обычно противостоящие друг другу: *сила инстинкта и сила духа*. Инстинкт, взятый сам по себе и не обузданный духом, – есть *волк* в человеке: он хищен, коварен и жесток. Но он хитрее и изворотливее лесного волка. Человек голого инстинкта – не ведает ни веры, ни совести, ни жалости, ни чести; он посмеивается над честностью, презирает доброту, не верит ни в какие принципы. Для него все хорошо, что ему выгодно. Он ищет богатства и власти» [20, с. 31].

Именно такого «сверхчеловека» И. А. Ефремов называл «быком» и охарактеризовал его в «Туманности Андромеды» как сильного и энергичного, но совершенно безжалостного к чужим страданиям и переживаниям человека, думающего только об удовлетворении своих потребностей. Страдания, раздоры и несчастья человечества всегда усугублялись именно такими людьми, провозглашавшими себя в разных обличиях единственно знающими истину, считавшими себя вправе подавлять все несогласные с ними мнения, искоренять иные образы мышления и жизни. Это они, «быки», не думая о нерушимых законах экономики, о будущем, жили только настоящим моментом: вырубили леса, сожгли накапливающимися сотнями миллионов лет запасы угля и нефти, загрязнили воздух углекислотой и смрадной гарью заводов, реки и моря – стоками нефти и химических отбросов, перебили красивых и безвредных зверей.

П. А. Сорокин называл такой тип человека, который с восклицанием временщика: «После меня – хоть потоп!» хочет до краев наполнить свой кубок впечатлениями земного бытия, *активно-чувственной культурной ментальностью* [36, с. 73–74], указывая на вредоносность и бесплодность этого наслаждения властью над природой, обществом и человеком. О такой ментальности Ф. М. Достоевский писал в романе «Братья Карамазовы»: «Понимая свободу как приумножение и скорое утоление потребностей, искажают природу свою, ибо зарождают в себе много бессмысленных и глупых желаний и нелепейших выдумок».

Конкурирующий индивидуализм как базовая ценность западной цивилизации требует искоренения наиважнейшей ценности жизни человека – Любви. Понятие любви интенсивно дискредитируется и низводится к физиологической потребности организма, как это было показано Е. И. Замятиным еще в 20-е годы прошлого столетия в антиутопии «Мы»: «Естественно, что подчинив себе Голод, Единое Государство повело наступление против другого владыки мира – против Любви. Наконец, и эта стихия была тоже побеждена, т. е. организована, математизирована, и около 300 лет назад был провозглашен наш исторический «Lex sexua'lis»: «всякий из нумеров имеет право – как на сексуальный продукт – на любой нумер». И то самое, что для древних было источником бесчисленных глупейших трагедий – у нас приведено к гармонической, приятно-полезной функции организма» [18, с. 321]. Вслед за Замятиным О. Хаксли в 1931 году называет в антиутопии «О дивный новый мир» подобное достижение потребительской цивилизации «взаимопользованием».

Масс-медиа десятилетиями формируют такое информационное поле посредством многочисленных «женских» журналов, романов-однодневок, шоу, сериалов, телепередач, рекламных роликов и специализированных интернет-порталов, в котором женщинам пропагандируют совершенно разрушительную мысль о том, что они должны быть «хищницами-вамп» и «высасывать» материальные ресурсы из мужчины. Разумеется, наличие детей в подобном симбиозе либо исключается, либо становится источником шантажа и средством усиления интенсивности выкачивания ресурсов. Взгляд на *человека* как на объект потребления отрицает как самого человека, так и будущее цивилизации. Основная ложь и зло эгоизма заключается в том, что, приписывая себе безусловное значение и абсолютную ценность, человек *отказывает другим* в этом значении, признавая себя центром жизни, он других помещает

на периферию своего бытия, оставляя за ними лишь относительную ценность.

А. А. Зиновьев констатировал, что происходит обесчеловечивание человека посредством прогресса. Моральное поведение стало для «западоидов» поверхностным, формальным, показным. Если же дело касается жизненно важных поступков и решений, если следование принципам морали препятствует достижению важных целей и успеху, и тем более если это грозит серьезными неприятностями и потерями, то западные люди *без колебаний* забывают о моральном аспекте поведения и поступают в соответствии с правилами практического и эгоистического расчета. Западоиды *свободны от* моральных ограничений, если они могут совершить в своих интересах порицаемый или наказуемый поступок, будучи уверенными в том, что удастся избежать порицания или наказания, то они совершают его. Еще Адам Смит сформулировал принцип: действовать в своих интересах, не действовать во вред себе. Это не есть принцип морали, указанный Кантом. Человек, который действует по принципам морали, не считается с тем, какие это имеет последствия для него, он зачастую действует в ущерб себе. Западоид не может себе позволить ничего подобного. Как правило, западоиды лишь иногда притворяются нравственными: «*Западные люди моральны в мелочах, без риска, с комфортом и с расчетом на то, что это заметно*» [19, с. 604].

Однако, как верно выявил А. Шопенгауэр в работе «Свобода воли и нравственность», *эгоизм* и *моральная ценность* поступков исключают друг друга. Он указывал на возможность того, что даже на вполне справедливый и добрый поступок может влиять эгоистический мотив, и в этом случае такой поступок не будет иметь никакой моральной ценности.

Ф. Фукуяма выражал свою озабоченность тем, что мораль требует различать лучшее и худшее, добро и зло, «а это видимым образом нарушает демократический принцип толерантности» [41, с. 458]. Он добавлял также, что современное универсальное образование, без которого, по его мнению, ни одно общество не может подготовиться к жизни в современном экономическом мире, освобождает людей от приверженности традиции и авторитету, стимулируя таким образом явные тенденции к *релятивизму* [41, с. 459].

Мы должны заметить, что термин *толерантность* был введен в социальные науки из медицины, и означает крайнюю иммунологическую слабость и неспособность организма противостоять атакам извне: 1) состояние организма, при котором он не

способен синтезировать антитела в ответ на введение определенного антигена; 2) способность организма переносить воздействие определенного лекарственного вещества или яда без развития соответствующего терапевтического или токсического эффекта. Толерантность как пассивная терпимость наряду с либерализмом, конформизмом и релятивизмом есть ключевое условие успешного применения на практике технологии «Окна Овертона», позволяющей легализовать абсолютно любую маргинальную и девиантную идею, от ее первой стадии – «Немыслимое» до последней стадии – «Законное». Алгоритм действия данной технологии в 1990 году детально раскрыл старший вице-президент Центра общественной политики Mackinac center Дж. Овертон. Самыми яркими результатами радикальной обработки массового сознания посредством «Окон Овертона» на сегодняшний день являются легализация действий ювенальной юстиции, принудительной стерилизации после рождения первого или второго ребенка, однополых браков, инцестов и прочих агрессивных атак на адекватные психическому и физическому здоровью человека нравственные табу.

В своей работе «Мировоззренческий проект» В. Н. Сагатовский выявил основной парадокс «восстания масс»: люди, провозглашающие себя «свободными личностями», в действительности «все как один» поддаются манипуляции сознанием и плывут по течению очередного «дискурса», очередной моды. В индивидуалистической культуре Запада свобода отдельного человека *по доминанте* осталась *внешней*, без внутреннего содержания, субъектно-объектной (в противоположность субъектно-субъектной), реализующей себя лишь «во властном монологе, а не в диалоге и сотворчестве» [34, с. 39].

Решение проблемы «Быть или иметь?» в западном обществе, как показал А.А.Зиновьев, представлено алгоритмом «Быть – значит иметь». Проблема «Быть или слыть?» решается подменой тезиса, т. е. отождествлением «Быть» со «Слыть». Отсюда следует высоко развитое мастерство *имитации* эмоций, игра в эмоциональность: чрезмерно преувеличенные изображения радости, бодрости, беззаботности, интереса к пустякам и т.п. Сверхчеловек – это не то всесторонне развитое и совершенное во всех отношениях существо, о котором мечтали в прошлом, а именно реальный западоид – внутренне упрощенное, рационализированное существо, обладающее средними умственными способностями и контролируемой эмоциональностью, ведущее упорядоченный образ жизни, заботящееся о своем физическом здоровье и комфорте, исправно

работающее, практичное, расчетливое, смолоду думающее об обеспеченной старости, идеологически стандартизированное, но считающее себя при этом существом высшего порядка по отношению к прочему (незападному) человечеству [19, с. 607–608]. Ф. Фукуяма признавал: «Для американцев здоровье тела – что есть и пить, какие делать упражнения, как держать форму – стало куда более важным делом, чем моральные вопросы, терзавшие их предков» [41, с. 458].

Не случайно у американцев существует традиция поощрения хвастовства и действий напоказ у детей, что способствует развитию гипертрофированно высокой самооценки и самопоощрения как основы независимости и силы. Подобное поведение наглядно проявляется в *синдроме* «Я – номер первый». Идея «успеха» играет ведущую роль в системе американских ценностей. Эта идея получила развитие уже в протестантской этике первых поселенцев. Зажиточность и преуспевание воспринимались как условия личного спасения. Одним из первых пропагандистов этики успеха был Б. Франклин. В его сочинениях отражены принципы протестантской морали, в особенности бережливость и накопительство, нарушение которых расценивается как нарушение долга.

М. Вебер проницательно выявил, что все нравственные правила Франклина имеют чисто утилитарное обоснование: честность полезна, ибо она приносит кредит, так же обстоит дело с пунктуальностью, прилежанием, умеренностью – все эти качества поэтому и расцениваются как добродетель. Вебер делает важнейший вывод об этическом релятивизме, лицемерии, пронизывающем сердцевину американской предпринимательской этики, руководствующейся эгоцентрическими мотивами: «Из этого можно заключить, что там, где видимость честности достигает того же эффекта, она вполне может заменить подлинную честность» [8, с. 35]. Добродетели являются добродетелями лишь постольку, поскольку они «in concreto полезны данному человеку, и видимостью добродетели можно ограничиться во всех тех случаях, когда с ее помощью достигается тот же эффект» [8, с. 35].

Таким образом, summum bonum этой этики заключается прежде всего в наживе, во все большей наживе при полном отказе от удовольствия, даруемого деньгами; эта нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным по отношению к счастью отдельного человека. Приобретательство перестает быть средством удовлетворения потребностей человека и превращается в смысл его жизни. М. Вебер расценивает

этот чуждый людям, не затронутым его веянием, лейтмотив капитализма как «бессмысленный переворот в том, что мы назвали бы «естественным» порядком вещей» [8, с. 36].

«То, что в одном случае является переизбытком неиссякаемой предпринимательской энергии и морально индифферентной склонности, принимает в другом случае характер этически окрашенной нормы, регулирующей весь уклад жизни» [8, с. 35], – так определил так называемый этос «духа капитализма» М. Вебер в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» и довольно презрительно назвал подобное мировоззрение «философией скупости». Идеал ее – кредитоспособный человек, долг и самоцель которого – стремиться к приумножению своего капитала. Он даже приводит развернутую цитату из наставления молодому торговцу Б. Франклина, ключевыми афоризмами которого стали такие, как: «время – деньги» и «деньги должны размножаться как супоросные свиньи». Приведем эту цитату в весьма сокращенном виде: «Помни, что время – деньги; тот, кто мог бы ежедневно зарабатывать по десять шиллингов, и тем не менее полдня гуляет или лентяйничает дома, должен, если он расходует на себя всего лишь шесть пенсов – учесть не только этот расход, но и считать, что он истратил или, вернее, выбросил сверх того еще пять шиллингов. Помни, что кредит – деньги. Тот, кто оставляет у меня еще на некоторое время свои деньги, после того как я должен был вернуть их ему, дарит мне проценты или столько, сколько я могу выручить с их помощью за это время. Помни, что деньги по природе своей плодоносны и способны порождать новые деньги. Деньги могут родить деньги, их отпрыски могут породить еще больше и так далее...» [8, с. 32–33].

Такие словесные формулы являются питательной средой для усиления конкурирующего индивидуализма в обществах, построенных на ценностях западной культуры. Всё это приводит в конечном итоге к «инфернальной власти денег» (А. Е. Молотков), «Строю Денег» (Ж. Аттали) или *денежному тоталитаризму* (А. А. Зиновьев), который мы можем наблюдать в настоящее время. Превращение банковской системы в денежный тоталитаризм привело к тому, что подавляющее большинство членов общества, имеющих какие-то источники дохода, оказались соучастниками деятельности банков как капиталистов, предоставляя в их распоряжение свои деньги, осуществляя основную часть денежных дел через банки. К этому присоединился рост акционерных предприятий и банков. Сделав всех людей, получающих или имеющих

какие-то деньги, в той или иной мере частичными капиталистами, не говоря уже об акционерах, западное общество стало в этом отношении почти что абсолютно капиталистическим. Капитализм стал тотальным.

В дополнению к классическому анализу М. Вебера следует обратить внимание на замечание А. Е. Молоткова о том, что носителем самого *духа капитализма* следует признать значительно более древнюю религиозную традицию – иудаизм [28, с. 257], в талмудической версии которого по отношению к гоям прямо благословляется дача денег в рост. В целом суть этой морали может быть выражена в следующей формулировке: *праведность перед Богом выражается в достижении богатства на основе законной деятельности*, следовательно, «человек не праведен, если он беден». То есть протестантизм стал оболочкой идеологии либерализма, который в свою очередь выступил идеологической базой определенной концепции управления глобализацией.

Важнейшей идеологической базой концепций управления человеком в настоящее время выступает теория социального дарвинизма, в основу которой также заложен принцип конкуренции. Человек рассматривается как особь, в которой биологическая компонента играет определяющее значение. И. А. Ефремов в «Часе быка» связывал это учение с теорией *инфернальности* (от лат. – «ад»): естественный отбор природы предстал как самое яркое выражение инфернальности, метод добиваться улучшения вслепую, как в игре, бросая кости несчетное число раз. Но за каждым броском стоят миллионы жизней, погибавших в страдании и безысходности. Жестокий отбор формировал и направлял эволюцию по пути совершенствования организма только в одном, главном, направлении – наибольшей свободы, независимости от внешней среды. Человек как существо мыслящее попал в двойное инферно – для тела и для души. Инферно для души – это первобытные инстинкты, плен, в котором человек держит сам себя, думая, что сохраняет индивидуальность. Некоторые философы, говоря о роковой неодолимости инстинктов, способствовали их развитию и тем самым затрудняли выход из инферно. Выход, первый шаг к подъему общественного сознания – в *создании условий* для перевеса не инстинктивных, а самосовершенствующихся особей.

Узнав основные положения теории Дарвина в 1861 году в Норвегии на VI международном съезде врачей и естествоиспытателей, Н. Я. Данилевский оценил ее значение как «купол на здании механического материализма» и стал ее непримиримым антагонистом

(до самой своей смерти, которая прервала в 1885 году его титаническую работу над книгой «Дарвинизм. Критическое исследование»), несмотря на то, что последняя быстро обрела многочисленных адептов и превратилась в одну из «священных коров» европейского сциентизма. Центральный тезис его критики дарвиновского учения заключается в том, теория эволюции – идеологическое учение, а отнюдь не биологическое, и антителеологизм, помещенный в основание дарвиновской гипотезы, делает единственными властителями природы случайность, нелепость, бессмысленность.

В 2011 году А. И. Субетто в научном эссе-предупреждении «Исповедь последнего человека» продемонстрировал всю тупиковость движения человечества по «магистральному пути» тотальной конкуренции: в результате абсолютизации конкуренции и связанного с такой абсолютизацией чрезмерного антропогенного давления человечества на живое вещество Биосферы, создавшего опасную угрозу ее гомеостатическим механизмам, Природа вынесла окончательный приговор капиталистическому обществу и избавилась от человечества в 2037 году посредством вируса.

Ф. Энгельс в работе «Диалектика природы» показал, что все учение Дарвина о борьбе за существование является механическим перенесением из общества в область живой природы учения Гоббса о bellum omnium contra omnes и учения британских экономистов о конкуренции, а также мальтусовской теории народонаселения. Упорное стремление подвести все богатое многообразие исторического развития под «тощую и одностороннюю» формулу борьбы за существование Ф. Энгельс называл «совершенным ребячеством». Однако это «ребячество» оказалось вовсе не безобидным лепетом: в фундамент мировоззрения многих наших современников закладывается «аксиома» – эгоизм заложен в природу человека – они считают это мнение своим собственным и стремятся навязать его всем окружающим, в том числе и детям. Более того, на дарвиновских принципах строятся евгеника, трансгуманизм и другие теории расового превосходства.

2.2. Глобальная экспансия культуры массового потребления

Аксиологическим основанием глобализма выступает западная культура. Она связана с таким явлением, как *культурный империализм*, и выражается в настойчивой пропаганде «общечеловеческих» ценностных ориентаций и нормативных установок, присущих всем людям без различия их государственной, националь-

ной, конфессиональной, социально-культурной и даже гендерной принадлежности. Например, Э. Гидденс вводит в социологический обиход понятие «демократия чувств», которая, по его мнению, «не предусматривает принципиальных различий между гетеросексуальными и однополыми отношениями» [12, с. 78]. Более того, он вполне в духе новых «крестовых походов» заявляет: «Космополиты, к которым я себя причисляю, должны ясно дать понять, что терпимость и диалог как таковые могут основываться на ценностях, разделяемых всеми» [12, с. 66]. Остается только добавить, что «разделяемых» в принудительном порядке.

Фактически, с общечеловеческими ценностями отождествляются именно ценности либерализма, т. е. ценности глобализации, по мнению его идеологов, наиболее пригодные для всего человечества. Следует также учитывать предупреждение Ж. Ж. Руссо в трактате «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» о том, что когда за свободу принимают безудержную распущенность, которая ей противоположна, тогда цепи рабства отягощают человека еще сильнее. Ф. М. Достоевский в «Братьях Карамазовых» называл такое состояние «тиранством вещей и привычек».

Апологет и популяризатор ценностей космополитического мышления У. Бек, сетуя на то, что «коварные националистические понятия продолжают почти с прежней частотой посещать головы людей, не говоря уж об их присутсвии в теориях и исследовательской практике общественных наук» [2, с. 26], требует «выработать новый синтаксис, а именно синтаксис космополитической действительности» [2, с. 25]. Реализации данной задачи должен способствовать свободный поток информации, проникающий сквозь национальные границы, игнорирующий государственный суверенитет. Одновременно Бек, усматривая в будущем обществе «мировое общество риска», предупреждает о том, что «каждодневный опыт космополитической зависимости не выглядит как всеобщий любовный роман», что люди будут принуждены сотрудничать под давлением «осознания и признания угроз космополитического масштаба» [2, с. 33], что в дальнейшем приведет к институционализации космополитизма.

На саммите тысячелетия в ООН в 2000 году К. Мацуура поставил вопрос: *«Создает ли глобализация экономики ценности для новой цивилизации?»* Отвечаем на этот вопрос утвердительно: разумеется, да, и не только создает, но и тиражирует, внедряет, насаждает и культивирует. Здесь можно вспомнить работу В. С. Степина «Цивилизация и культура», в которой показана причинно-следственная связь процессов модернизации и глобализации, причем выявлено, что модернизация несла с собой трансплантацию на традиционалистскую почву пластов западной культуры одновременно с западными технологиями.

Провозглашенный принцип свободного движения информации на деле оказался односторонним потоком – от центра к периферии. Он является одним из важнейших атрибутов осуществления диктаторской власти, в том числе посредством навязывания единого языка международного общения – английского. Начиная с 70-х годов XX века к борьбе с культурным империализмом и к защите национальной самобытности культур присоединилась ЮНЕСКО. На конференциях данного специализированного учреждения ООН обсуждались угрозы влияния транснациональных корпораций на формирование вкусов и ценностей, образа и уклада жизни, которые чаще всего являются чуждыми для большинства стран. Основными тенденциями транснациональной массовой коммуникации были названы: 1) навязывание социальных структур, обусловливающих и формирующих общественное мнение и политические ценности; 2) создание **единой для всего мира** модели поведения потребителя.

Н. С. Трубецкой в 1923 году в работе «Европа и человечество» выявил важнейший принципиальный момент: разницы между шовинизмом и космополитизмом нет, поскольку они представляют собой две ступени одного и того же явления: 1) шовинист поступает согласно утверждению a priori о том, что его народ – лучший в мире, культура, созданная его народом, совершеннее всех остальных культур, следовательно, его народу принадлежит исключительное право господствовать над другими народами, и все, что стоит на пути к этому превосходству, должно быть устранено силой; 2) космополит добивается уничтожения различий между национальностями во имя цивилизации: цивилизованное человечество должно иметь одну культуру, а нецивилизованные народы обязаны ее принять. То есть, та культура, которая, по мнению космополитов, должна господствовать в мире, упразднив все прочие культуры, есть культура такой же определенной этнографически-антропологической единицы, как и та единица, за господство которой ратует шовинист [38, с. 667–668].

В отношениях между людьми и окружающей их средой имеют место два аспекта: приспособление людей к условиям среды и приспособление среды к характеру и потребностям людей. У различ-

ных типов людей и народов соотношение этих аспектов может быть различным. Народы западных стран, развив до высочайшего уровня свою власть над средой, почти полностью утратили способность приспосабливаться к среде. Это сказалось и на их отношениях с другими народами. Именно так складывалась идеология превосходства с характерным стремлением подчинять себе другие народы, навязывать им свой образ жизни. М. С. Уваров в работе «Третья природа: размышления о культуре и цивилизации» (2012 г.) даже предположил, что современная западная цивилизация формирует совершенно новый антропологический тип, по интенсивности и глубине самоосуществления оказывающийся значительно ниже, чем антропологический тип традиционной культуры.

По мнению культуролога Й. Хёйзинга, расчетливое, прозаическое понятие пользы (полезности) и буржуазные идеалы благополучия стали овладевать духом западного общества уже в XVIII веке. Эти тенденции усилились в результате промышленного переворота, труд и производство продукции стали идеалом и вскоре превратились в подобие идола. Индустриально-техническое развитие породило иллюзию прогресса культуры.

«Культурное превосходство» рассматривается Бжезинским как недооцененный аспект американской мощи: «Что бы ни думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодежи во всем мире. Ее привлекательность, вероятно, берет свое начало в жизнелюбивом качестве жизни, которое она *проповедует*. Американские телевизионные программы и фильмы занимают почти три четверти мирового рынка. Американская популярная музыка также занимает господствующее положение, и увлечениям американцев, привычкам в еде и даже одежде все больше подражают во всем мире. Язык Internet – английский, и подавляющая часть глобальной компьютерной «болтовни» – также из Америки и влияет на содержание глобальных разговоров. Наконец, Америка превратилась в Мекку для тех, кто стремится получить современное образование; приблизительно полмиллиона иностранных студентов стекаются в Соединенные Штаты, причем многие из самых способных так и не возвращаются домой. Выпускников американских университетов можно найти почти в каждом правительстве на каждом континенте» [3, с. 38].

В опубликованной 2 июля 2015 года Национальной военной стратегии США это звучит следующим образом: «мы по-прежнему намерены сотрудничать со всеми странами, передавая им наши

ценности»; среди непреходящих национальных интересов США называется «сохранение и распространение универсальных ценностей у себя дома и во всем мире».

Анализ сопряженных с указанным выше процессом глобализации экономических проблем виртуализации общества, конструирования реальности и вытеснения виртуальным обществом общества реального, манипулятивного информационного воздействия на сознание человека и масс в контексте представлений об информационном (постиндустриальном) обществе содержится в работах Э. Тоффлера, Д. Белла, Ф. Уэбстера, В. Л. Иноземцева, И. Д. Тузовского, Г. Р. Громова, В. А. Лисичкина, Л. А. Шелепина, А. В. Манойло, А. И. Петренко, Д. Б. Фролова, С. Г. Кара-Мурзы, Д. В. Иванова, Н. Лумана, Б. Скиннера, С. Харриса, Г. Шиллера и других исследователей.

Э. Тоффлер в своих работах («Третья волна», «Футурошок») выдвигал тезис об интенсивном *смещении власти*, о кардинальном изменении самой природы власти, связанном с новой ролью знаний в обществе. По его мнению, высший уровень труда – это информационная деятельность (научные исследования, экономический анализ, программирование); средний уровень труда – сочетание физической работы с использованием информационных технологий (автоматизированные производства, сфера обслуживания); нижний уровень труда – ручной труд. Развитие новых информационных технологий повлекло за собой мощное воздействие на сознание человека. В результате происходит формирование *устойчивой зависимости* человека от информационных технологий, занижение роли человеческого фактора в принятии решений, не только обыденных, но и управленческих. Технологии словно перекрывают интеллектуальное окружение человека – то, как он мылит и воспринимает окружающий мир. Поэтому в настоящее время остаются актуальными поиски ответа на вопрос: как возможно человеку избежать крайностей полного отказа от новейших информационных технологий до полного в них растворения.

Исследователь информационного общества И. Д. Тузовский обосновывает тезис о quasi информационном обществе (QIS) как *производного* от техногенной цивилизации. Важнейшие атрибуты QIS [39, с. 318–320] отмечены в табл. 1 ниже.

Исходя из табл. 1, современное quasi информационное общество можно охарактеризовать как «*глобальное техногенное общество, система коммуникаций которого основана на телерадио- и цифровых технологиях, а экономика основана на капита-*

Таблица 1

Основные атрибуты quasi информационного общества, по И. Д. Тузовскому

Атрибут	Аспект
Субъективное завышение значимости информации и постулирование ее статуса как важнейшего ресурса	Коммуникативный
Аудиовизуальная примитивизация, дискриминация письменной культуры	
Информационная перегрузка	
Замещающее биосферу развитие техносферы	Научно-технический
Технократизм элит и приобретение техническими экспертами псевдоэлитарного статуса	
Капиталистический экономический уклад	Экономический
Иррациональная модель «общества расточительства»	
Появление нового измерения глобального неравенства – информационного	Социальный
Формирование нового «праздного класса»	
«Удвоение» общества в технологической виртуальной среде (Интернет)	
Профанация демократических институтов манипулятивным использованием технических и социальных информационно-коммуникационных технологий, в том числе для установления мягкого контроля за гражданским обществом	Политический
Глобальное разделение мира в зависимости от отношения к исследованиям в области новых технологий и правообладания ими	
Доминирование массовой культуры, модель производства – потребления которой вписана в контекст «инновационной эскалации»	Культурный
Замена теоретического универсального образования практическим узкоспециальным образованием	
Дегуманизация культуры	
Глобализация культуры: преимущественный сценарий – гомогенизация по евроатлантическому образцу, вторичные сценарии – интеграция и конвергенция культур	
Архаизация процессов и продуктов культурного творчества	

листических принципах производства и консьюмеристской идеологии массового потребления» [39, с. 324].

Причем И. Д. Тузовский выявляет следующие парадоксы, возникающие в подобном *иррациональном* обществе:

– по мере повышения юзабилити цифровых технологий и продуктов снижаются требования к технической грамотности пользователей, которые становятся, скорее, заложниками, нежели владельцами цифровых продуктов;

– технологии дезинформации и социальной манипуляции развиваются быстрее, чем технологии «честной трансляции»;

– максимальное значение стоимости информационных продуктов зависит только от спроса на них, который главным образом определяется маркетинговыми и рекламными ухищрениями, т. е. совершается в контексте технологий социальной манипуляции;

– всё больший объем информационных потоков становится шумовым фоном нашей цивилизации, поскольку информации производится больше, чем ее в состоянии потребить [39, с. 325].

Информационные и телекоммуникационные средства и технологии способствуют дальнейшему масштабному росту эффективности информационно-психологического воздействия, оказываемого странами с наиболее развитой информационной инфраструктурой с использованием каналов распространения массовой информации. В частности, В США в 1997 были созданы силы быстрого реагирования СМИ (Rapid Media Reaction Force – RMRF) для целевого информационно-психологического воздействия на население тех регионов, где американские вооруженные силы осуществляют или планируют проводить боевые операции.

Специалисты НАТО определяют информационную войну как средство вооруженной борьбы, направленное на достижение военного превосходства над противником и основанное на контроле использования информации. Они рассматривают следующие аспекты информационной войны:

1) проведение разведки военного, экономического, политического и культурного потенциала противника и воспрепятствование аналогичным действиям с его стороны;

2) разрушение или подавление информационной системы боевого управления и связи войск противника и защита своей аналогичной системы;

3) обеспечение беспрепятственного доступа к глобальным информационным системам и недопущение к ним противника;

4) широкое использование автоматизированных систем управления как средства информационного обеспечения любых видов боевой деятельности;

5) установление гибких и мобильных информационной и разведывательной баз данных;

6) компьютерное воспроизводство реального поля боя, его широкое использование в процессе обучения полевых командиров всех степеней;

7) использование СМИ для подрыва морального духа противника (психологические операции).

Содействие распространению процесса глобализации, безусловно, оказало развитие глобальной сети Интернет, созданной в 1969 году Advanced Research Project Agency (ARPA) при министерстве обороны США. ARPAnet была технологией срочной связи, объединяющей американские передовые военные базы и базы электронного слежения, она явилась действенным механизмом моментального электронного реагирования и иммунитета на любую опасность, в том числе ядерную. Не случайно в ее разработке непосредственное участие приняли Пентагон, лучшие умы американских научных центров и университетов. Впоследствии технология получила название Интернет и стала претендовать на конвергенцию всех традиционных средств массовой коммуникации, не случайно называемых «четвертой властью». Формально не объявлен единый центр управления медиа. Но *фактически* они функционируют так, словно получают инструкции из некоего руководящего центра. Тут есть своя «невидимая рука». Она почти совсем не изучена. Её образует сравнительно небольшое число лиц, которые подают сигнал к согласованной деятельности медиа по определенным проблемам. Имеется большое число опытных сотрудников учреждений медиа, которые сразу считывают новую установку и даже иногда предугадывают и опережают «высшую инстанцию». И в дело немедленно вступает огромная армия исполнителей, подготовленных к выполнению любых заданий в духе новой установки. Так, масс-медиа выступают как могущественный инструмент формирования сознания, чувств и вкусов огромных масс людей и инструмент воздействия на них в желаемом для кого-то духе. Медиа стали не орудием сбора и распространения информации, *производимой кем-то другим*, а производителем, контролёром и властителем информации. Они имеют для этого свои мощные и профессионально обученные кадры. В их распоряжении находятся фактически все силы общества, связанные с информацией. Они формируют информацию по своим правилам, придают информации вид, отвечающий её интересам. Информационный поток, минующий их, ничтожен по сравнению с тем, какой mainstream проходит через неё. Она сконцентрировала в себе основные и наиболее влиятельные информационные потоки и силы общества. Это было убедительно проиллюстрировано Дж. Оруэллом в «1984».

Единое информационное пространство мирового сообщества требует *унификации* информационных и телекоммуникационных технологий всех стран, что позволяет мощным державам усиливать свое превосходство, навязывать свои культурные стандарты, осуществлять глобальный информационный контроль.

Развивающиеся страны, а также беднейшие слои населения в развитых странах не без основания воспринимают Интернет как одно из орудий глобализации – технологию, увеличивающую социальный разрыв, укрепляющую сложившуюся систему диспаритетов и эксплуатации. Если в каждом отдельно взятом государстве население делится на тех людей, которые участвуют в оказании информационного воздействия («белые воротнички»), в формировании массового сознания и получении от этого прибыли, и на «всех остальных» людей (аутсайдеров), которые являются объектом воздействия, то и в мире в целом меньшая «элитарная» часть стран получает прибыль от информационной и культурной экспансии в большинство «остальных» (the Rest) стран мира.

Такие опасения связываются прежде всего с теми атрибутами, которые заключает в себе технология:

1. Интернет является благоприятной средой для развития обезличенных, зачастую анонимных или замаскированных, виртуальных сообществ, альтернативных реальному обществу.

2. Причиной постоянных социальных конфликтов является то, что коммуникации, осуществляемые посредством сети, в основном не ориентированы на институциональные нормы. Кроме того, имеют место нарушения синхронности коммуникации во времени.

3. Геополитические границы практически отсутствуют.

Новая коммуникационная система радикально трансформирует такие фундаментальные философские категории, как пространство и время. Пространство информационных потоков заменяет пространство местностей, реинтегрируя их в функциональные сети, лишая культурного, исторического, географического значения. Время стирается так, что прошлое, настоящее и будущее взаимодействуют в одном и том же сообщении. Виртуальность – это

система, в которой реальность полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в которых внешние отображения не просто находятся на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом.

Например, технология «дополненная реальность» (augmented reality) предлагает любые варианты внедрения мнимых объектов в реальное пространство. Это может быть добавление виртуальных объектов к видеоизображению в режиме реального времени, наложение вспомогательной информации на изображение объектов и окружающего пространства и многое другое.

Развитие открытых информационно-телекоммуникационных сетей и сетевых технологий повлекло за собой мощное воздействие на сознание человека. Занижение роли человеческого фактора в решении наиболее сложных и ответственных проблем формирует устойчивую зависимость человека от информационных технологий. Современная система образования такова, что даже человек с высшим образованием остается узким специалистом и нуждается в посредниках (трансляторах, проводниках, толкователях, популяризаторах), адаптирующих содержание информационных потоков на уровень обыденного понимания.

Одновременно происходит трансформация этических принципов, поскольку возможности информационно-телекоммуникационных сетей таковы, что вторжение в сферы личной, деловой, государственной жизни происходит беспрепятственно. У людей формируются представления о вседозволенности, безнаказанности, о том, что не существует ни сокровенности личной жизни, ни коммерческой тайны, ни национальной безопасности. Всё это приводит к манипулированию личной и деловой жизнью отдельных людей и общественными процессами на национальном и межгосударственных уровнях. И в международных отношениях в том числе образуется ***морально-правовой вакуум***. События на Украине (например, 2 мая 2014 года в Одессе) и их чудовищное дезинформационное освещение в подконтрольных «мировому полицейскому» средствах медиа подтверждают катастрофическое разрастание морально-правового вакуума в глобальной политике.

Исследователь теорий информационного общества Ф. Уэбстер пишет об этическом релятивизме членов общества, «атакованных знаками со всех сторон». По его мнению, человек отдает себе отчет в искусственности всех знаков, которые он может получить, признает неаутентичность знаков, из которых он создает самого себя и «не испытывает реальной потребности в правдивых знаках, по-

скольку он соглашается с тем, что никаких правд больше не существует» [40, с. 29].

Более того, предполагается, что в постиндустриальном обществе значительная часть активности представляется не взаимодействием человека с преобразуемой им природой, а «игрой между людьми» (game between persons), а само центральное понятие материального производства «факторы производства» вытесняется термином «модели общения».

Но, как верно отметил Т. В. Муранивский, для понимания и признания постоянно возрастающей роли науки, знания, интеллектуальной собственности в развитии человеческого общества «нет никакой нужды в концепции «индустриального общества. Применение интеллектуальной собственности и информационных технологий в сфере материального производства ведет к экономии труда, повышению его производительной силы и возрастанию производства необходимого обществу вещественного продукта. Отсюда – сокращение занятости в сфере материального производства. Концепция «постиндустриального общества» ставит все с ног на голову: она провозглашает замену производства материальных благ созданием услуг и информации» [29]. Именно поэтому И. Д. Тузовский назвал QIS «концептуальным оборотнем»: «цифровая эра уже наступила, а информационного общества мы пока так и не дождались» [39, с. 323].

Важнейшим условием обеспечения субъектам информационно-психологического воздействия доступа к интеллектуальным и материальным ресурсам других субъектов и частей информационного пространства является появление сетевых, или *виртуальных сообществ*. Петербургский исследователь проблем виртуализации общества Д. В. Иванов выявил, во-первых, что Интернет является благоприятной средой для развития обезличенных виртуальных сообществ, альтернативных реальному обществу; во-вторых, что Интернет выступает как *средство трансформации личности* как индивидуальной характеристики, как социально-культурного и исторического феномена. Виртуальный мир не только вызревает в недрах реального, но и разрушает его. Поведенческая виртуальная революция сталкивается с сопротивлением, обусловленным наличием у людей сознания, сформированного стандартами реального мира. В сфере массовидного поведения человек не защищен. И по принципу наименьшего сопротивления канал воздействия на человека формируется прежде всего в области массовидной регуляции поведения.

Глобализация предусматривает повышение уровня виртуализации мира. Для достижения этого человек смещается в зону массовидных регуляторов, лидерами структур виртуального мира совершенствуются методы провоцирования массовидного поведения. Алгоритм запуска массовидного поведения следующий: 1) провоцируется потребность действия, или ощущение невозможности бездействия. В постиндустриальном, или информационном, обществе такая мотивационная ситуация связывается прежде всего с участием в общем забеге за долларами; 2) недостаточный объем релевантной информации делает невозможным принятие решений на рациональной основе; 3) огромное количество нерелевантной информации переполняет каналы восприятия и анализаторы настолько, что человек начинает реагировать на них как на фон, в результате чего возникает фрагментарность мышления; 4) в условиях переизбытка нерелевантной информации человек, испытывающий сенсорный голод, начинает особенно напряженно искать значимые сигналы; 5) появляется «долгожданный» мощный сигнал, воздействующий одновременно на массы людей – запускается массовидное поведение.

Продолжаются экспериментальные исследования в области психологии толпы, и заказчиками в первую очередь выступают наднациональные организации, заинтересованные в прогнозировании или, скорее, программировании человеческого поведения. В этом контексте информационные технологии представляют собой не традиционные средства взаимодействия с материальным миром, а *комплексы по преобразованию человеческого сознания*. Последствия такого преобразования таковы: 1) разрыв социальных связей между людьми; 2) перенос конфликтов в информационное пространство, развязывание компьютерных войн с перспективой технологической деградации систем управления; 3) манипулирование мировыми финансами и дестабилизация фондового рынка; 4) массовое культивирование определенного образа жизни и стиля социального поведения; 5) дезинформация или искажение реальной действительности.

Посредством создания «виртуальных империй» формируются информационные системы *экономического империализма*. Виртуальную империю можно представить как принципиально новую форму политической интеграции и мобилизации информационно-коммуникационного пространства. Это пространство активно наполняется виртуальными корпорациями и научными лабораториями, виртуальной продукцией и образами инновационных решений, средствами телекоммуникационной работы и дистанционного образования, электронными финансовыми системами. На этой основе формируется механизм экспансии в виртуальном пространстве, функционирующий путем расширения информационно-коммуникационных границ за счет вовлечения все большего числа образов и взаимосвязей.

Следовательно, уникальность человеческой личности как основополагающей ценности культуры может быть утрачена или сведена к «массовому человеку» как норме, удобной для манипулирования. Даже образованный современный человек остаётся узким специалистом и нуждается в целой системе посредников (трансляторов, проводников, толкователей, популяризаторов), которые будут его вести по безбрежным информационным потокам, адаптируя транслируемую информацию на уровень его понимания. Ф. Уэбстер отмечает такую трансформацию личности, «сосредоточенной на потреблении», в жизни которой информация играет значительную роль: с одной стороны, потребители должны знать, что и где они могут потреблять (реклама и продвижение товаров), с другой стороны, потребляя продукты или услуги, потребители заявляют о самих себе (реклама и продвижение себя) [40, с. 110].

Масс-медиа систематически реализуют установку на психологическое и идейное упрощение и стандартизацию человеческого сознания, способствуют тому, чтобы люди снимали с себя моральные табу и заменяли нормы здоровой жизни разного рода химерами и извращениями, подменяли высшие достижения культуры массовой псевдокультурой [19, с. 595]. Хёйзинга в работе «Homo Ludens» отмечал, что рационализм и утилитаризм привели к переоценке экономического фактора в обществе и духовном состоянии личности, провозгласили человека «свободным от вины и греха». В. Н. Сагатовский остро ставит вопрос об ***этическом релятивизме***, так называемом «постмодернистском любовании релятивизмом» членов информационного общества: «постмодернисты пытаются изгнать из науки идею объективной истины и превратить ее в произвольную игру со знаками» [34, с. 7].

Другим важнейшим каналом воздействия является то, что медиа контролируют и направляют практически всю интеллектуальную и творческую деятельность общества, создавая паблисити творцам произведений культуры, давая им оценку, отбирая их, демонстрируя их. Медиа присвоили себе функции публичного судьи того, что производит культура, предопределяя само это производство с точки зрения тематики, идейной ориентации и эстетиче-

ских решений. Они определяют, какой круг людей выпускается на арену культуры, какие произведения, какие идеи, какие моды. Не гений и ум творцов произведений культуры определяет их судьбу, а их взаимоотношения с масс-медиа, которые в состоянии возвеличить ничтожное и бездарное, если оно соответствует конъюнктуре, и не допустить великое и талантливое, если такого соответствия нет [19, с. 597].

Третьим важнейшим каналом всевластия медиа является то, что они дают трибуну политикам и арену для политических спектаклей и шоу. Без медиа немыслимы никакие выборные кампании, парламентские баталии, встречи, визиты, выступления, демонстрации, массовые движения.

Можно сказать, что медиа представляет собой идол западного общества.

Наиболее мощному воздействию вестернизации подвергается молодежь во всех регионах планеты. И чем слабее оказывается интеллектуальное и духовное развитие юной аудитории, тем сильнее становится степень влияния заданных установок на нее, тем ярче выражаются негативные последствия такого воздействия: различные виды девиации; духовный инфантилизм; дискредитация, искажение и вульгаризация нравственных ценностей (дружба, верность, любовь, честь, принципиальность, долг, справедливость, милосердие); этический релятивизм; разрушение национального самосознания; отсутствие способности объяснить свое мировоззрение.

Принято считать, что главную роль в вопросах воспитания играет семья, но сегодня за редким исключением определяющую роль в формировании личности ребенка играют масс-медиа, пропагандирующие гедонизм, потребительство, агрессию. Молодежи внушается смысл жизни человека – максимально возможное индивидуальное материальное благополучие. Учитывая контроль США в области информационных технологий, нетрудно понять, что насаждается именно массовая культура потребления с ее основной ценностной установкой – гедонизмом – стремлением к получению неограниченного количества положительных эмоций и минимизации отрицательных эмоций любой ценой. Однако, нетрудно заметить, что жизненный стиль и мировоззрение, направленные исключительно на удовольствия и развлечения, иллюстрируют, безусловно, старческий, увядающий, угасающий образ жизни как отдельного человека, так и общества в целом.

Таким образом, тенденция к формированию унифицированной массовой культуры по американскому подобию приводит

к перспективе заката и смерти культуры, что неизбежно приводит к упадку и поражению государства и превращению населения в этнографический материал. Необходимо также отметить, что классическое обоснование идеи о конце истории принадлежит Августину, а Фукуяма лишь эксплуатирует ее, провозглашая, что «мы живем в век старости человечества» [41, с. 498]. Если обратиться к терминологии Л. Н. Гумилева, то такое состояние жизни этноса называется инерционной фазой. Пассионарность (способность вбирать в себя энергию биосферы больше, чем необходимо) постепенно иссякает. Этнос продолжает функционировать «по инерции», за счет эксплуатации приобретенных в предыдущие фазы ценностей. Накопление материальных ценностей становится доминирующей установкой, усиливается подчинение и порабощение людей, наблюдается тенденция к образованию крупных государств. Ключевые позиции в обществе занимают субпассионарии – с минимальным уровнем пассионарности и максимально выраженным инстинктом самосохранения. Они заинтересованы в искоренении не только пламенных пассионариев, но и знающих во всем меру гармоничных особей. Далее неизбежно следует фаза обскурации, при которой процессы распада становятся необратимыми, поскольку элиту составляют вялые и эгоистичные потребители, которые живут сиюминутным моментом, игнорируя любые мысли о каком-либо развитии и тем самым отрицая будущее.

Акцентируя внимание на гибельных последствиях агрессивной вестернизации и массового вовлечения в виртуальный и иной эскапизм детей и молодежи, мы основываемся на результатах наблюдений в течение нескольких десятилетий того, как отрабатывается на практике известный с древности принцип: «Если хочешь победить врага, воспитай его детей!» Так, апогей русского самосознания – «В жизни всегда есть место подвигам» (М. Горький) – подвергается шельмованию и зубоскальству со стороны «свободнословных» масс-медиа. Это опрокидывает и дискредитирует ценностные ориентиры в первую очередь молодежи, выбивает опоры, вырывает с корнем народные «духовные скрепы» и представляет собой ни что иное, как реализацию плана А. Даллеса на практике: «ни крестом, так пестом, ни мытьем, так катаньем» вытравить русское ядро, оторвать молодежь и детей от поколений предков-победителей, обесценить их подвиги, сделать из них нравственных калек (а в лучшем случае затормозить их развитие на стадии нравственных эмбрионов), впрыскивать в них нравственный яд, приводящий к исторической амнезии и к параличу духа. Так,

из разбитых этим параличом юных «плохишей» и формируется конвейер лакеев, готовых обслуживать интересы «буржуинов» за генно-модифицированные «банку варенья и корзину печенья». О ядовитой начинке такого примитивного позитивного подкрепления, услаждающего ницшеанское «веселое брюхо», они не задумываются, задумываться не хотят или уже не могут. Им остается только довольствоваться своим положением рабов (иногда даже с золотыми ошейниками, а не с пластиковыми) на дне эгоистичного колодца. О либералах, одержимых ненавистью к родной земле, писал Ф. М. Достоевский в «Бесах»: «они первые были бы страшно несчастливы, если бы Россия как-нибудь вдруг перестроилась, хотя бы даже на их лад, и как-нибудь вдруг стала безмерно богата и счастлива. Некого было бы им тогда ненавидеть, и не на кого плевать, не над чем издеваться! Тут одна только животная, бесконечная ненависть к России, в организм въевшаяся» [16, с. 150]. И подытоживает: «Наш русский либерал прежде всего лакей и только и смотрит, как бы кому-нибудь сапоги вычистить» [16, с. 151].

З. Бжезинский признает, что темпы экономического роста *уже не могут* больше удовлетворять растущие материальные потребности, которые ***стимулируются культурой, на первое место ставящей потребление***. Доминирующая культура тяготеет к массовым развлечениям, в которых господствуют гедонистские мотивы и темы ухода от социальных проблем (эскапизм). Суммарный эффект этого делает всё более трудной задачу создания необходимого политического консенсуса в поддержку непрерывного и дорогостоящего лидирующего положения США в мире [3, с. 250–251].

Даже Ф. Фукуяма не мог не констатировать в своей книге «Конец истории и последний человек» тот факт, что типичным гражданином либеральной демократии является «последний человек», который, будучи вышколен основателями современного либерализма (Гоббс, Локк), оставил гордую веру в собственное превосходящее достоинство ради комфортабельного самосохранения [41, с. 24]: «Жизнь последнего человека – это жизнь физической безопасности и материального изобилия» [41, с. 468], и, сомневаясь, действительно ли это «суть и цель» истории человека на Земле, Фукуяма указывает на перспективу того, что в результате мы уже «не будем больше людьми, но животными вида Homo sapiens» [41, с. 468].

Еще в начале XX века О. Шпенглер назвал это «лягушачьей перспективой поколений» и с присущим ему горьким сарказмом

охарактеризовал «этический пафос, с которым в наши дни обращаются к философии пищеварения, питания и гигиены. Вопросы алкоголизма и вегетарианства трактуются с религиозной серьезностью – тут, очевидно, дан потолок проблем, до которого может вознестись «новый человек» [45, с. 549].

Ж. Бодрийяр выявил сопутствующий западной эре процесс долгой десакрализации души и секуляризации в пользу тела, отмечая при этом, что ценности тела явились очагом самого острого идеологического противостояния; в действительности же тело связано с целями производства как экономическая опора, как психологический принцип управляемой интеграции индивида и как политическая стратегия общественного контроля [4, с. 176–177].

В работе И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою» мы также находим необыкновенно актуальные замечания по поводу кризиса такой культуры, из под которой выбиты нравственные опоры. Ильин указывает на *духовные раны* обреченной культуры, которая создавалась человечеством без веры, без сердца, без созерцания и без совести. Культура без сердца есть не культура, а дурная «цивилизация», создающая гибельную технику и унизительную, мучительную жизнь. Расколотый человек всю свою жизнь балансирует между соображениями о пользе, которые он обозначает словом «разум», «разумный», и минутным капризом, которому он так охотно предается под именем «настроения». Если ему удается держать кое-как равновесие между тем и другим, то его существование становится выносимым; если это ему не удается, то он становится жертвой ипохондрии и ведет жалкое существование. Главной целью его становится обогащение; все иное, высшее – недоступно ему, ибо более глубокие источники и настоящие святыни не существуют для него. Отсюда эта беспредметная тоска и скука жизни, которая владеет современным «цивилизованным», но культурно и духовно опустошенным человеком. Моральный гедонист инстинктивно тяготеет ко всему, что вызывает в нем состояние блаженного умиления, и столь же инстинктивно отвращается от всего, что грозит нарушить, оборвать и погасить это состояние. Тягостный, мучительный опыт подлинного зла совсем отстраняется им и все, воспринимаемое им, систематически перетолковывается, искажается. Моральный гедонист видит не то, что подлинно существует. Он ценит в опыте не объективную верность и точность, а соответствие своим субъективным настроениям и фантазиям: его миросозерцание приобретает черты идиллической противопредметности.

А. А. Зиновьев назвал массовую культуру потребления *культурой западнизма*, а представителей данной культуры – *западоидами*. Такая культура в настоящее время стала сферой капиталистического бизнеса. Сложилось всё расширяющееся производство предметов культуры и зрелищ. *Высшими критериями ценности продуктов культуры стали рыночные отношения спроса и предложения.* Рыночная цена вытеснила эстетическую оценку. Масштабы творческой личности стали определяться не тем, что она внесла в свою сферу сравнительно с предшественниками, а тем, каков её рыночный успех. Судьями качества произведений культуры стали эксперты масс-медиа, руководствующиеся отнюдь не критериями эстетики, морали, просвещения и гуманизма. Масс-медиа способствуют созданию извращенной системы оценок творческих достижений, раздувая сверх всякой меры сенсационные посредственности и замалчивая настоящее творчество [19, с. 587].

П. А. Сорокин пишет о дегуманизации искусства, о высококоммерциализированном характере творчества и господстве в нем пошлости. Искусство не может избежать вульгаризации, поскольку оно обслуживает рынок, где во главе угла стоит рыночный спрос, прибыль, где Маммона диктует образы. Искусство опускается до уровня пошлости, вместо того, чтобы возвышать примитивные вкусы масс [36, с. 163–164]. Ведь основными потребителями культуры стали широкие слои населения, занятые повседневной деятельностью и не имеющие возможности получать специальное образование и усовершенствовать свои эстетические вкусы.

Г. Маркузе выявил, что в массовой культуре котируется именно *меновая стоимость*, и то, что искусство, философия и даже религия смешиваются с коммерческой рекламой, означает неуклонное движение этих сфер «к общему знаменателю – товарной форме» [25, с. 74].

Ж. Бодрийяр констатировал, что в обществе потребления все вещи производятся как меновые стоимости в непрерывном процессе дифференциации и сверхдифференциации, то есть на всех уровнях: экономическом, на уровне знания, желания, тела, знаков, импульсов – господствует *тотальная* конкуренция [4, с. 231].

Для огромного числа деятелей культуры невозможно быть не то что гениями, но даже способными творцами нового, первооткрывателями. В самой культуре, как таковой, есть пределы для подлинного новаторства в рамках эстетических критериев. Но законы рынка культуры вынуждают произвести впечатление, привлечь к себе внимание любыми путями, урвать известность и деньги. Поэтому успех достигается не за счет подлинных творческих достижений, а за счет разрушения всяких сдерживающих рамок. Искусство стало ломать все жанры и стили, использовать все способы производства сенсаций. Даже сумасшествие стало рассматриваться как высшая форма творчества [19, с. 584].

О. Шпенглер проницательно заметил, что решающую роль в анализе сущности западной цивилизации играют ницшеанские понятия воли к власти, декаданса, нигилизма, переоценки всех ценностей [45, с. 154] или, в формулировке П. А. Сорокина, «безжалостное осмеяние всех событий, всех личностей и ценностей» [36, с. 165].

О том, что теперь релятивизм доминирует в системе ценностей общества потребления, пишет Ж. Бодрийяр: максимальная подвижность, социальная мобильность, гуттаперчевость становятся свидетельством моральности представителей культуры эры l'human engineering. Речь идет о принципе социометрического соответствия в западном обществе: «быть *подвижным вместе со всем миром* и преодолевать закодированные ступени иерархии, знаки которой неукоснительно распределяются». Причем «эта постоянная совместимость является всегда также *счетоводством* – то есть индивид, определенный как сумма его отношений, его «валентностей», всегда подлежит подсчету: он становится счетной единицей и сам входит в социометрический (или политический) план-расчет» [4, с. 216–217]. Все это прекрасно укладывается в сконструированную Гоббсом парадигму существования общества, рассмотренную в параграфе 1.2.

О. Хаксли массовую культуру рассматривал как новую религию вульгарного гедонизма. Свобода заменяется суррогатом «свободы веселиться, наслаждаться» [42, с. 373], комфортабельной «свободы от нужды», на которую обычно рассчитывают домашние животные в клетках. Ж. Бодрийяр пишет о «fun-morality» – навязываемом потребителю императивном приказе развлекаться, «использовать до дна все возможности» [4, с. 110]. Однако, по утверждению Г. Маркузе, потребности расслабляться, развлекаться, потреблять и вести себя в соответствии с рекламными образцами относятся к категории ложных потребностей [25, с. 7]. Флейта сатира Пана, призывающая козлят плясать на опушке леса, вновь стала символом искусства. В. Н. Сагатовский назвал такое примитивное мировоззрение играющего потребителя «*эстетикой балагана*» [34, с. 55].

С установкой на новизну пришла идеология, согласно которой искусство должно служить авангардом социального прогресса. А. Г. Ломоносов в работе «Путь в Софию» приводит замечания по поводу засилья «актуального искусства» в современном мире и дает подробную характеристику этому явлению, которое, по его мнению, доводит процесс дегуманизации искусства до предела: 1) актуальное искусство видит свое главное достоинство в том, что оно целиком находится вне истины, идейности, духовности и разумности как якобы «тоталитарных» и «репрессивных»; 2) актуальное искусство обходится поэтому без всякой логики и сюжета, отчего так называемый «актуальный художник» обращается исключительно к чувственному восприятию и подсознанию; 3) тем самым актуальное искусство оказывается уже совершенно бесчеловечным – для него человек лишь механически заменяемый элемент эксплуатирующих его корпораций, не способный к осмысленному выбору навязываемых ему вариантов; 4) *образ* перестает быть способом осмысления человеческой жизни, и *нечто* в психическом состоянии «актуального художника», выраженное в «арт-объектах» (например, в представленном для выставки Общества независимых художников в 1917 году М. Дюшаном писсуаре с подписью «R. Mutt» (Р. Дурак), копии которого содержатся в нескольких музеях мира и который в 2013 году был официально признан произведением искусства XX века, оказавшим наибольшее влияние на ведущих британских искусствоведов) или в «флэшмобах», «квестах» и «хепенингах», объективно становится *ничто* и заражает своей аннигиляцией участников и публику.

Культура *приспособилась к тому человеческому материалу, на который она рассчитана, и одновременно приспособила этот материал к тому, что она способна производить*. Она имеет успех, поскольку рассчитана на самые широкие слои, на самые примитивные потребности, на самые убогие вкусы. Основную массу творцов новой культуры составили люди средних интеллектуальных и творческих способностей. Новаторство её иллюзорно, поверхностно, мелочно. Оно в основном есть результат недостатка таланта и мастерства, а не избытка их. Это – культура в основном *посредственностей и для посредственностей*. Гений и талант в ней допускаются лишь в ничтожных размерах и лишь в таких формах, которые не угрожают всеобъемлющей власти посредственности. Это не значит, будто гении перестали рождаться. Они рождаются и, возможно, в большем числе, чем раньше. Но в условиях современного западного общества они просто не имеют возможности проявиться в качестве таковых и быть замеченными. *Их заслоняет* огромное число посредственностей, имитирующих гениев и более удобных в культурной жизни общества [19, с. 583–591].

«Количество явно бросается в глаза и имеет тенденцию все больше вытеснять качество» [36, с. 164], – диагностировал П. А. Сорокин. То, что раньше делал один гений, теперь растаскивается и молниеносно реализуется десятками и сотнями ловкачей, имеющих достаточно высокий уровень профессиональной подготовки. Сотни тысяч людей, творящих непрерывным потоком продукцию культуры для сотен миллионов себе подобных, не могут создать ничего иного. Сотни миллионов потребителей культуры и *не требуют ничего иного*.

Главными фигурами в культуре стали бизнесмены и организаторы непомерно разросшейся сферы общества, связанной с эксплуатацией и реализацией культуры. Причем и во множестве деятелей культуры, образующем ее творческое ядро, главными фигурами стали лица, вторичные по отношению к творчеству, как таковому, – исполнители, имитаторы, интерпретаторы, компиляторы, эксплуататоры культуры прошлого, плагиаторы и т. п. И когда творчество гигантов прошлого (Шекспир, Бальзак, Гюго, Достоевский) используется в рамках культуры западнизма, тогда им отводится роль второстепенная, с их творчеством обращаются так, словно они заурядные сочинители адаптированных сценариев для тривиальных голливудских фильмов.

Достигшие высокого совершенства технические средства культуры приобрели самодовлеющее значение и стали ее подлинным содержанием. Характерным для искусства западнизма является эскапизм – бегство от реальности, сознательный антиреализм. Конструируется, в том числе посредством компьютерной техники, вымышленный мир, не обязательно положительный, главное – чтобы он был ярким, полным соблазнов и приключений, с сильными страстями любого сорта, с захватывающими ужасами, со сверхчеловеческими существами и ситуациями. В литературе и кино создается ложное впечатление, будто простые «маленькие» люди способны вести интересную жизнь. Изобразительные эффекты, не требующие интеллекта, стали сутью искусства. Искусство с высокоинтеллектуального уровня опустилось на уровень примитивно-эмоциональный [19, с. 583–691]. В 1950 году Д. Селдес в своей книге «Большая аудитория» признал, что эта культура ориентируется на самые низкие, порой примитивные вкусы. По его словам,

тенденция массовой культуры заключается в том, чтобы «достичь *нижнего порога* ценностей».

Таков объективный взгляд на те «общечеловеческие культурные ценности», которые Запад (the West) стремится насаждать в остальных странах (the Rest). Стремится насаждать, несмотря на предупреждение, например, О. Шпенглера, данное более ста лет назад в работе «Закат Европы»: «Нам предстоит еще пережить последний духовный кризис, который охватывает весь европейско-американский мир» [45, с. 624].

П. А. Сорокин, размышлявший более полувека назад о кризисе нашего времени, отмечал агонию чувственной культуры, которая «вручила человеку ужасающую власть над природой, обществом и культурой, не обеспечив его при этом ни средствами самоконтроля, ни властью над своими стремлениями, чувствами и инстинктами» [36, с. 727], и в результате эта власть стала орудием аннигиляции ее обладателя и всех его ценностей. Правда, Сорокин возлагал надежды на так называемый катарсис, и связывал его, во-первых, с предотвращением третьей мировой войны, которую развязывают «силы умирающего чувственного порядка», и, во-вторых, с работой мысли ученых Запада, способных, по его мнению, осуществить переход к идеациональной или идеалистической культуре [36, с. 813]. Иного и не следовало ожидать от человека, трудившегося на американской ниве. Однако мы работу мысли западных ученых в данном направлении, увы, не наблюдаем, а наблюдаем как раз в обратном направлении, и это, пожалуй, единственный из прогнозов П. А. Сорокина, который не оправдал себя реальными историческими событиями.

Здесь уместно вспомнить речь У. Черчилля «Sinews of Peace», произнесённую *5 марта 1946 года в Вестминстерском колледже в Фултоне*. Эта речь расценивается экспертами как росток нового семени раздора, начало мировой войны нового типа после едва окончившейся Второй мировой войны. Среди таких риторических фигур Черчилля, как утверждение с позиции расовой теории, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира, красочная демонизация Советского Союза, которую Черчилль обрисовывал не иначе, как «тень, которая и на Западе, и на Востоке падает на весь мир», метафора железного занавеса, обвинения СССР в экспансионизме, апокалиптическая картина угрозы христианским цивилизациям и их «вселенским ценностям» со стороны коммунистических режимов заслуживает пристального внимания фраза, имеющая прямое отношение к нынешнему состоянию техногенной цивилизации: «Могут вернуться времена средневековья, и на сверкающих крыльях науки может вернуться каменный век, и то, что сейчас может пролиться на человечество безмерными материальными благами, может привести к его полному уничтожению».

Размышляя об эгоцентрической иллюзии в западном сознании, Тойнби констатировал, что западные историки игнорируют этапы или главы истории других цивилизации, если те не вписываются в их общую концепцию, опуская их как «полуварварские» или «разлагавшиеся» или относя их к Востоку, который фактически исключался из истории цивилизации: «Православное христианство, например, либо считается частью западного христианства, что можно вывести из названия, либо изображается временным наростом на теле западного общества. Православное христианство, по этой версии, зародившись, служило оплотом западного общества в борьбе с Востоком. Исчерпав свои функции, нарост этот атрофировался и исчез, подобно тому как у головастика отваливаются жабры и хвост на стадии превращения его в лягушку. Что же касается трех других незападных цивилизаций – исламской, индуистской и дальневосточной, они вообще отвергаются как «туземные» по отношению к колеснице западного общества» [37, с. 88].

Н. Я. Данилевский также указывал на роль курьера, которую Европа предоставляет России на всемирно-историческом театре: быть носителем и распространителем европейской цивилизации на Востоке: «Средняя Азия – вот ваше место; <...> нам ни с какого боку туда не пробраться, да и пожива плохая. Ну, так там и есть ваша священная историческая миссия – вот что говорит Европа, а за ней и наши европейцы» [15, с. 79]. Наш знаменитый соотечественник верно выявил чаяния и стремления западной цивилизации: «Несомненно, что общечеловеческая цивилизация, – если только европейская есть действительно единственно возможная цивилизация для всего человечества, – неизмеримо бы выиграла, если бы вместо славянского царства и славянского народа, занимающего теперь Россию, было тут пустопорожнее пространство, по которому изредка бы бродили кое-какие дикари» [15, с. 80].

И когда И. Валлерстайн бросает нам в лицо утверждение в духе Черчилля-Даллеса о том, что «в 1945 году Соединенные Штаты стали гегемонистской державой в мировой системе – самой сильной в экономическом, военном, политическом и даже культурном отношении нацией» [6, с. 126], мы обязаны очнуться от историче-

ской амнезии и трезво осмыслить наше место и роль в этой «мировой системе». Вот уже более 70 лет в мире празднуют годовщину Победы над гитлеровскими полчищами. В связи с этим событием возникает вопрос: неужели согласны народы, одолевшие очередное нашествие крестоносцев, сегодня отдаться глобализму (как конечной цели тоталитаризма) без борьбы, признать свой менталитет убогим, свои духовные силы примитивными, свой исторический путь «нецивилизованным»? Смогут ли они предать память своих героев и подвижников, отдавших собственную жизнь за то, чтобы доказать обратное? Обрекут ли они своих потомков на рабство? Самое тяжелое поражение – культурное поражение. Не только для России, но и для любого другого государства, способного противостоять глобализму и доказывать свою уникальность, необходимо культурное и духовное обновление – возвращение к первоначальным основам духа и жизни. Следует внимательно осмыслить тезис Н. С. Трубецкого о том, что всем народам мира, которые стонут под гнетом транснациональных корпораций и банков и растрачивают свои национальные силы на добывание сырья, требующегося фабрикам «развитых» стран, необходимо объединиться в общем сопротивлении «хищнической» потребительской культуре [38, с. 731–736]. Это процесс планетарного сопротивления звериной этике фашизма, глобальному рабству, создания общества социальной справедливости, защищающего равные права всех народов на достойную жизнь.

2.3. Конфликт интересов в пространстве экологической этики

Если в 60-е годы XIX столетия экология в момент своего возникновения в качестве научной дисциплины занималась в основном изучением взаимосвязей растительных и животных организмов между собой и с окружающей средой, то спустя сто лет ее предметом стали проблемы последствий безответственного антропогенного воздействия: загрязнения окружающей среды, истощения источников энергии, сырья, запасов воды, эрозии почв и многих других.

Мы все уже привыкли как к общему месту к мыслям и словам о том, что техносфера, потребительски вторгаясь и нарушая гармонию биосферы, привела современного человека к черте, за которой находится уничтожение не только его самого и популяции homo sapiens, но и всей биосферы в целом [27, с. 151].

Конфликт интересов в экологической этике представляет собой треугольник со следующими антагонистическими вершинами:

(1) человек потребляющий – с неограниченной экспансией потребностей собственной натуры; (2) экономические интересы предприятий, основная цель которых – максимизация прибыли; (3) окружающая среда, предельно перегруженная (1) и (2) и отвечающая им катастрофами.

Человек потребляющий – результат («продукт») *культуры массового потребления*, сложившейся к 1940-м гг. и принявшей невероятные масштабы сегодня. Массовое потребление стало главным стержнем постоянного и стабильного массового производства, потребление стало выдаваться за «добродетель» [40, с. 90]. Например, О. Хаксли показал, что «индустриальная цивилизация возможна лишь тогда, когда люди не отрекаются от своих желаний, а, напротив, потворствуют им в самой высшей степени, какую только допускают гигиена и экономика. В самой высшей, иначе остановятся машины» [42, с. 473].

Материальная культура становится чрезмерной с точки зрения живущих в ней людей. Она отнимает много времени и сил на овладение правилами поведения в ней и использования ее. Она имеет свои объективные законы, нарушение которых ведет к тяжелым последствиям и строго наказуемо. Во многих местах планеты материальная культура вообще поглотила природную среду. Например, образование сверхгигантских городов явилось вопиющим нарушением социальных законов, касающихся взаимоотношений между материальной культурой и человеком. Искусственно созданная среда «каменных джунглей» стала средой обитания сотен миллионов людей. Баснословный взлет средств транспорта и коммуникации сделал планету маленькой, в сочетании с демографическим взрывом – слишком тесной для жизни людей. Вся жизнь человека регламентирована неподвластными ему силами сверхприроды. Свобода поведения и воли сводится лишь к выбору варианта «канала», в котором человек становится рабом сил и законов материальной культуры [19, с. 615–618].

Главным продуктом такой культуры является «человек потребляющий», смыслом существования которого становится максимизация положительных эмоций и минимизация отрицательных эмоций, стратегической целью – максимизация прибыли, доминирующей мировоззренческой установкой – гедонизм.

Наиболее удобным регулятором массовой культуры, инструментом приобщения к «потребительским сообществам» стала реклама, причем ее «продуктом» является сам потребитель. Реклама производит ненасытного, неуемного и вместе с тем пресыщенного

потребителя, у которого страсть к потреблению растет пропорционально атрофии его социальных и гражданских интересов. Реклама воспитывает некритическое потребительское восприятие, идеологию *консьюмеризма*, делает общественное сознание предметом манипулирования.

Х. Ортега-и-Гассет оценил состояние общества, и его горький нелицеприятный диагноз сохраняет свою актуальность и в настоящее время:

1. В мире сегодня господствует дикарь (Naturmensh), внезапно поднявшийся со дна цивилизации. Цивилизован мир, но не его обитатель – он даже не замечает этой цивилизованности и просто пользуется ею, как дарами природы [31, с. 73]. Сама искусность, с какой XIX век обустроил определенные сферы жизни, побуждает облагодетельствованную массу считать их устройство не искусственным, а естественным. Этим объясняется и определяется то абсурдное состояние духа, в котором пребывает масса: больше всего ее заботит собственное благополучие и меньше всего – истоки этого благополучия [31, с. 52–53].

Психологический рисунок массового человека рисуют весьма знакомый душевный склад – избалованного ребёнка (духовный инфантилизм) [31, с. 51]: – беспрепятственный рост жизненных запросов и, следовательно, безудержная экспансия собственной натуры; – врождённая неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь; – бесцеремонное вмешательство во все, безоглядное, безотлагательное и безоговорочное навязывание своей убогости [31, с. 88].

2. Элитой, избранными Ортега называл не тех, кто кичливо ставит себя выше, а тех, кто *требует от себя больше,* даже если требование к себе непосильно. Ортега предлагал делить человечество на два класса: на тех, кто требует от себя многого и сам на себя взваливает тяготы и обязательства, и на тех, кто не требует ничего и для кого жить – это плыть по течению, оставаясь таким, каков есть, и не стараясь перерасти себя [31, с. 13], для кого не доступно *никакое усилие, кроме вынужденной реакции на внешнюю необходимость,* кто *не зовёт*, а не только отзывается [31, с. 58]. В этом описании второго класса узнаются знакомые черты конформных масс: «масса – совокупность лиц, не выделенных ничем, это «средний человек». Масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни во зле *не мерит себя особой мерой*, а ощущает таким же, «как и все», и не только не удручен, но и доволен собственной неотличимостью» [31, с. 11–12].

3. Мы живём в эпоху, которая «чувствует себя способной достичь чего угодно, но не знает, чего именно. Она владеет всем, но только не собой. Она заблудилась в собственном изобилии» [31, с. 39].

Сопоставим данные замечания с теорией пассионарности Л. Н. Гумилёва: у *обывателей* («человек массы» у Ортеги) инстинкт самосохранения равен 100 %, у *пассионариев* («избранные» у Ортеги): инстинкт самосохранения, напротив, равен 0 %. В теории Гумилева выделен еще третий, срединный тип: *гармоничные особи*, у которых инстинкт самосохранения составляет 50 % (умеренность). Такой тип личности Ортега не рассматривал.

Ж. Бодрийяр также пишет о том, что пропагандируемое изобилие благ отрезано в сознании потребителя от своих объективных причин и воспринимается как некий естественный дар: «Благодеяния потребления не переживаются в повседневной практике как результат труда или процесс производства, они переживаются как *чудо*» [4, с. 12–13].

О такой потребительской психологии пишет также И. А. Ефремов в «Часе быка»: «разрушив равновесие природы, принялись за человеческую психику, разрушая ее отвратительным неустройством жизни. Подобно нефти и солям из глубин планеты, здесь из-под сорванного покрова воспитания и самодисциплины поднялись со дна душ архаические остатки звериной психологии – пережитки первобытной борьбы за выживание. Но в отличие от первобытного зверя, поведение которого жестко определялось железными законами дикой жизни, поведение невоспитанного человека не обусловлено. Отсутствие благодарности ко всему исходит из сознания: «Мир – для меня», – и является главной ошибкой в воспитании детей».

Такова характеристика ценностей и культурной среды, в которой стало возможным возникновение и воспроизводство «человека потребляющего». Всё это приводит к тому, что конфликт интересов в экологической этике катастрофически нарастает, и единственным ключом к спасению окружающей среды, а следовательно, и самого человека, является изменение мировоззрения современного человека, его трансформация из «особи потребляющей» в человека созидающего, отказ от максимизации прибыли как сверхзадачи и смысла человеческого существования.

Даже Ф. Фукуяма не мог не признать, что «по мере того, как прогрессируют индустриализация и экономическое развитие,

а следующее из них разрушение естественной среды становится все более и более очевидным, критика экономической модернизации, предложенная Руссо, набирает все больше и больше сторонников» [41, с. 143–144].

Фактически происходит то, что во имя доступа к дешевым ресурсам разработчики идеологии корпоративной социальной ответственности и устойчивого развития спекулируют на нравственных ценностях (экологических, социальных, «общечеловеческих», «развитии», «справедливости» и прочих), прикрываются моральными устоями для достижения своих циничных целей.

Всё настойчивее звучат утверждения о том, что ноосферная цивилизация неизбежно должна прийти на смену обществу потребления, поскольку этого требуют инстинкт самосохранения и логика рефлексии человечества, понимающего, насколько опасно для его жизни бесконечное истощение ресурсов планеты. В своих работах академик Н. Н. Моисеев путь антропогенеза показывал именно как путь восхождения к разуму, способному формулировать экологические императивы и корректировать стихию самоорганизации, властвующей на планете.

Посвятившие себя обоснованию необходимости и возможности перехода России и всего мирового сообщества от тупикового техногенно-потребительского типа цивилизационного существования к *духовно-экологическому* (ноосферному) А. В. Иванов и его коллеги из Алтайского государственного университета защищают концепцию *духовно-экологической цивилизации,* где благодаря настрою по нравственному камертону *общего блага*, целенаправленному культивированию приоритета духовных потребностей человека, экономика понимается не как погоня за максимальной прибылью, а как обеспечение гармоничного воспроизводства человека, его социальных отношений и природной среды обитания на основе достижений науки, образования, культуры. Ученые указывают, что главная борьба между адептами старого и силами нарождающегося Нового мира будут разворачиваться вокруг уникальных культурно-биосферных регионов, подобных Алтаю и Байкалу, которые выступают природными твердынями, обеспечивающими стабильность климата, биологическое разнообразие и воспроизводство жизни на планете. Их бережная охрана и развитие на новых принципах – важнейшее условие глобального перехода к духовно-экологической цивилизации.

Предлагая 28 сентября 2015 года созвать под эгидой ООН специальный форум для комплексного исследования и решения проблем, связанных с исчерпанием природных ресурсов, разрушением среды обитания, изменением климата, В. В. Путин заметил недостаточность применения только *тактических мер* для преодоления экологического кризиса: «Нам нужны качественно иные подходы. Речь должна идти о внедрении принципиально новых природоподобных технологий, которые не наносят урон окружающему миру, а существуют с ним в гармонии и позволят восстановить нарушенный человеком баланс между биосферой и техносферой. Это действительно вызов планетарного масштаба. Убеждён, чтобы ответить на него, у человечества есть интеллектуальный потенциал».

3. ГЕНЕЗИС ИДЕОЛОГИЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

3.1. Влияние «Опыта о законе народонаселения» Т. Р. Мальтуса на формирование идеологии устойчивого развития

«Право на прокормление
не может принадлежать всем людям».

Т. Р. Мальтус

Непосредственно с разработкой основ идеологии глобализма связана проблематика устойчивого развития как решения «*глобальных затруднений человечества*», которая представлена главным образом работами ученых в различных сферах деятельности, имевшими взаимоотношения с Римским клубом и со стоявшим в его главе А. Печчеи: Дж. У. Форрестер, Э. Янч, Х. Линнеманн, Д. Х. Медоуз, Д. Л., Й. Рандерс, М. Месарович, Е. Пестель, Э. Ласло, Я. Тинберген, П. Фридман, В. Хёсле и многие другие.

В 1966 году французский писатель Веркор в книге «Квоты или сторонники изобилия» показал, что если запущенная после Второй мировой войны новая экономическая система расширенного воспроизводства будет обслуживать только население, входящее в «золотой миллиард» планеты, то ресурсов мира хватит на бесконечно долгий период. Но как только одна страна, например, такая как Индия, выйдет на уровень потребления ресурсов, равной потреблению в США, то в мире наступит экономический, энергетический и экологический коллапс. Мы стали его свидетелями. На первый план выступила экономическая целесообразность, абсолютно безразличная и слепоглухая к экологическим требованиям.

В 1977 году А. Печчеи констатировал: «Триумфальное развитие западной цивилизации неуклонно приближается к критическому рубежу» [33, с. 11]. Причину этого кризиса выявил немецкий философ В. Хёсле в своей работе «Философия и экология»: «Универсализация принятых на Западе жизненных стандартов, очевидно, приведет Землю к экологической катастрофе» [43, с. 17] и конкретизирует, что катастрофа давно бы уже наступила, если бы все жители планеты потребляли бы столько энергии, сколько жители развитых стран Запада, если бы повсюду накапливалось такое же количество мусора, а в атмосферу выбрасывалось бы столько же вредных веществ. Однако глубочайшая причина экологического кризиса связана прежде всего с кризисом *управленческих* проблем

современных обществ и заключается в характерном для технологической эпохи несоответствии «целевой и ценностной форм рациональности» [43, с. 42].

Рассмотрение В. Хёсле экологии в качестве новой парадигмы политики имеет глубокий идеологический смысл. Во-первых, экология становится инструментом реализации геополитических реторсий монополистических государств и финасовой олигархии Запада по отношению к сохранившимся полуколониям и потенциально колониальным государствам. Для этих «второсортных» стран и «нецивилизованных» аборигенов политика любого «количественного роста» должна быть отвергнута. Принятие решений относительно глобальных экологических проблем должно быть сосредоточено исключительно в цивилизованных странах, которым позволяется «количественный рост». Во-вторых, становится возможным долгожданный геополитический трюк: искомые земли и воды настолько загрязнены, что они утратили ценность, и в условиях «свободной рыночной экономики» западные инвесторы смогут покупать их по заниженной цене [29].

Не случайно А. Печчеи акцентирует внимание на *глобальном управлении* природными ресурсами [33, с. 251]. Кроме того, под предлогом «борьбы» с голодом А. Печчеи, весьма удрученный «неуправляемым развитием человечества» [33, с. 180], предлагает единственную, по его мнению, панацею – возложить на крупнейших мировых производителей и экспортеров (США, Канада и возможно, несколько других) так называемые *буферные* функции контроля глобальной производственной и торговой политики [33, с. 165].

Этими задачами было обусловлено создание в 1968 году Римского клуба, основной целью которого стало изучение и выявление глобальной проблематики «*затруднений человечества*», среди которых особенным вниманием пользуются: «бесконтрольное распространение человека по планете; неравенство и неоднородность общества» [33, с. 91–92]. В 1969 году данная проблематика была отражена в книге А. Печчеи «Перед бездной» («Проект 1969»).

Профессор Дж. У. Форрестер создал новую методику системного анализа динамических трендов пяти основных взаимозависимых переменных: *населения, капиталовложений, использования невозобновляемых ресурсов, загрязнения среды и производства продовольствия*, которой дал название «*мировая динамика*», как оценивал ее А. Печчеи, «весьма примитивную, но достаточно всеобъемлющую математическую модель, которая могла грубо имити-

ровать развитие мировой ситуации» [33, с. 115]. Эта модель стала первым поколением компьютерных моделей трендов мирового развития. Изучение пяти выбранных критических параметров и их перекрестного взаимного влияния на все более высоких уровнях предвещали «неминуемую катастрофу и требовали немедленных мер, направленных на то, чтобы приостановить опасную склонность человеческой системы к росту» [33, с. 117]. В результате проведенной работы в 1972 г. публике была впервые представлена книга «Пределы роста. Доклад Римскому клубу» (Meadows D. H. and Meadows D. L. The Limits of Grows. New York: Universe Books, 1972), основным выводом которой стал следующий: при сохранении нынешних тенденций к росту в условиях конечной по своим масштабам планеты уже следующие поколения достигнут пределов демографической и экономической экспансии, что приведет систему в целом к неконтролируемому кризису и краху.

В 1973 году в Стокгольме была открыта база Международной федерации институтов прогрессивных исследований под эгидой Нобелевского и Рокфеллеровского фондов.

В 1977 году издается книга А. Печчеи «Человеческие качества», переполненная эмоциональными нагнетаниями апокалиптических предчувствий: «Прямо мороз пробирает, как только подумаешь, что через 10 лет нас будет пять миллиардов, а в 1996 году – шесть, в три раза больше, чем в 1925 году. Интересно, как можно будет жить в таком муравейнике?» [33, с. 47] Лейтмотивом этой работы главы Римского клуба становится высказывание: «на планете действительно становится тесно» [33, с. 243].

В параграфе «Право производить на свет себе подобных» книги «Человеческие качества» А. Печчеи ссылается на «общечеловеческие интересы», настаивая на необходимости заключения «нового общественного договора», предназначенного регулировать и планировать деторождение: «Нынешние поколения не имеют никакого права вести себя так, будто им дана привилегия размножаться, как им заблагорассудится, лишая тем самым прав на это своих же собственных потомков, которым волей-неволей придется ввести в будущем еще более жесткий контроль над рождаемостью» [33, с. 247]. Ограничить размножение человечества Печчеи предлагает посредством «*срочной активной атаки в сфере социальных инноваций* и установления новых форм общественной организации» [33, с. 244]. Под новыми формами общественной организации подразумевается представленный в 1976 году Я. Тинбергеном по заказу Римского клуба *проект Reshaping the International Order (RIO),* который «сможет показать всем людям и всем странам, что – хотят они того или нет – им придется жить в условиях глобальной взаимозависимости» [33, с. 160]. То есть предлагается кардинальное изменение всей структуры власти в мире во всех областях, создание «глобальной империи» [33, с. 58], «глобальной стабильной цивилизации» [33, с. 56], «нового мира» [33, с. 178].

Далее в 1987 году премьер-министру Норвегии Г. Х. Брундтланд доверили огласить в докладе Всемирной комиссии ООН по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» принципы идеологии устойчивого развития (sustainable development), которые интенсивно развиваются до настоящего времени. Устойчивое развитие было определено как развитие, при котором нынешние поколения удовлетворяют свои потребности, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять собственные потребности. Спустя пять лет на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро, в которой приняли участие представители 178 государств, принципы устойчивого развития получили международное признание и были зафиксированы в документе «Повестка дня на XXI век» (1992 г.). В докладе «Наше глобальное соседство» (Our Global Neighbourhood), разработанном Комиссией по глобальному управлению и сотрудничеству во главе с вице-президентом Социнтерна И. Карлссоном в 1995 году, недвусмысленно указаны меры для достижения устойчивого развития: 1) сокращение численности населения; 2) снижение уровня потребления.

В настоящее время это выражается во все усиливающем свое влияние движении трансгуманизма, апологетике и настойчивой популяризации этого движения (например, так называемый супербестселлер Д. Брауна «Инферно» и мировая премьера экранизации этой книги в октябре 2016 года). Отметим, что идеи трансгуманизма вытекают из евгеники, социал-дарвинизма, и по своей сути это такое же движение расового превосходства. Методологической основой евгеники послужила эволюционная теория Чарльза Дарвина. Время появления евгеники во второй половине XIX – начале XX вв. не было случайным, поскольку оно было сопряжено с бурным развитием капитализма, усилением классовой борьбы, расширением колониальной экспансии. Президент созданного в Лондоне в 1907 году «Евгенического общества» Фрэнсис Гальтон выполнял своего рода социальный заказ господствующего класса, он видел свою задачу в необходимости оградить элиту от вырождения, поднять на высокий уровень наследственное закрепление позитивных качеств, включая такие методы, как контроль над рож-

даемостью, искусственное оплодотворение, стерилизация, распространение знаний о «евгенической эволюции» среди населения. Принципиально трансгуманизм ничем не отличается от евгеники и лишь принимает эстафету от дискредитированного нацистами в глазах мировой общественности учения.

Предпосылки формирования подобной идеологии возникли на рубеже XVII–XVIII вв. в сочинении Т. Р. Мальтуса «Опыт о законе народонаселения». Мальтус претендует на «полное и всеобщее понимание главной причины бедности» [24, с. 61]. Сознательно искажая реальность в интересах правящей элиты, он дает извращенную оценку действительности, изрекая новые «истины»: «*Главная и постоянная причина бедности мало или вовсе не зависит от образа правления или от неравномерного распределения имущества; не во власти богатых доставить бедным работу и пропитание, поэтому бедные,* **по самой сущности вещей**, *не имеют права требовать от них того и другого.* Эти важные истины вытекают из закона народонаселения, который при ясном изложении доступен самому слабому пониманию. Поэтому, раз убедившись в них, низшие классы выказывали бы больше терпения в перенесении тягостного положения, в котором они могут оказаться» [24, с. 110].

Тон его рассуждений таков, что людей он уподобляет поголовью скота: «Закон этот состоит в проявляющемся во всех живых существах постоянном стремлении размножаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи» [24, с. 7]. «Миллиард людей по закону народонаселения должен удвоиться через 25 лет, точно так же, как и тысяча человек; но нельзя получить с прежней легкостью пищу для пропитания быстровозрастающего населения. Человек стеснен ограниченным пространством; когда мало-помалу, десятина за десятиной, будет занята и возделана вся плодородная земля, увеличение количества пищи может быть достигнуто не иначе, как только путем улучшения занятых ранее земель. Эти улучшения, по самым свойствам почвы, не только не могут сопровождаться постоянно возрастающими успехами, но, наоборот, последние будут постепенно уменьшаться, в то время как население, если оно находит средства существования, возрастает безгранично и это возрастание становится, в свою очередь, деятельной причиной нового возрастания» [24, с. 10].

Ядром мальтусовой теории являются два безапелляционных допущения: 1) «мы можем признать несомненным то положение, что если возрастание населения не задерживается какими-либо препятствиями, то это население удваивается через каждые 25 лет и, следовательно, возрастает в каждый последующий двадцатипятилетний период в геометрической прогрессии» [24, с. 10]; 2) «исходя из современного состояния заселенных земель, мы вправе сказать, что средства существования при наиболее благоприятных условиях применения человеческого труда никогда не могут возрастать быстрее, чем в арифметической прогрессии» [24, с. 12].

На указанных выше ложных бездоказательных посылках Мальтус конструирует вывод: «Если признать обе прогрессии правильными, то из них вытекает, что если каждый вступит в брак, когда ему вздумается, то человеческого труда не хватит для прокормления всех рождающихся. А из этого, в свою очередь, неминуемо вытекает, что *право* на прокормление не может принадлежать всем людям» [24, с. 117]. Практическое воплощение подобного циничного вывода ярко иллюстрируется И. А. Ефремовым в романе «Час быка» (1968 г.) в метафоре планеты Торманс, где чудовищный обычай ранней смерти имеет прямое отношение к перенаселенности и истощению ресурсов планеты: «Когда ограниченные ресурсы планеты истощены до предела, далеко не каждый человек достоин жить. Людям так много надо, а если они без способностей, то чем они лучше червей?»

На *объект* управления – народ – Мальтус переносит ответственность за ошибки и преступления *субъектов* управления – правящей элиты: «сам народ является главнейшим виновником своих страданий. Мне могут заметить, что это утверждение дает правительству основание для угнетения подданных и в то же время отнимает у последних право жаловаться на угнетение, а правительству дает возможность сваливать пагубные последствия притеснения на естественные законы природы или неблагоразумие бедных. Однако не следует судить по первому впечатлению» [24, с. 61].

Однако именно так и следует трактовать откровенные декларации целей сочинения. Мальтус неоднократно повторяет, как заклинания, эти цели: «Необходимо открыто отказаться от признания за бедными воображаемого права содержаться на общественный счет» [24, с. 71]; «я отрицаю *право* бедных содержаться на общественный счет» [24, с. 117]; «единственная причина, на основании которой я отрицаю *право* бедных на содержание, заключается именно в невозможности удовлетворить потребности возрастающего населения» [24, с. 123]; «наше поведение, в сущности, всегда

доказывает, что этого воображаемого права вовсе не существует» [24, с. 118].

С маниакальной настойчивостью Мальтус повторяет этот тезис, прибегая даже к эффектному риторическому приему запугивания: «признание права увеличило бы потребности до такой степени, что не было бы *возможности* их удовлетворить, и так как попытка осуществить такой образ действий неизбежно повергла бы род человеческий в самую ужасающую нищету, то очевидно, что наше поведение, безмолвно отрицающее подобное право, более согласно с законами природы, чем бесплодное красноречие, отстаивающее его существование» [24, с. 119]. Он снова и снова бездоказательно твердит о том, что «опасность эта весьма близка и неизбежна. Как бы ни были значительны успехи просвещения, как бы ни было полно равенство среди человеческого общества, недостаток средств существования будет ощущаться всегда, с настоящей минуты до того времени, когда весь земной шар будет обращен в цветущий сад» [24, с. 22].

Разумеется, предлагается и рецепт преодоления нарисованной в воображении катастрофы: необходимо, чтобы размножение постоянно задерживалось высшим законом, чтобы оно «подчинялось суровой необходимости». Многодетный отец Мальтус сводит препятствия к размножению населения к двум разрядам. Одни действуют, предупреждая размножение населения – *предупредительные* (preventive check), другие – сокращая его по мере чрезмерного возрастания – *разрушительные* (positive check) [24, с. 13].

Разрушительные препятствия Мальтус практически не затрагивает, лишь перечисляет (регистрирует) их: вредные для здоровья занятия, тяжкий, чрезмерный или подвергающийся влиянию непогоды труд, крайняя бедность, дурное питание детей, нездоровые жизненные условия больших городов, всякого рода излишества, болезни, эпидемии, голод, война [24, с. 15]. В 1651 году в «Левиафане» Т. Гоббс писал о войне как о средстве борьбы с перенаселением. Мальтус, в отличие от Гоббса, не показывает преимущества «заботливой войны», однако он отмечает «позитивный» эффект урбанизации: «Действуя как силы разрушительные, города и фабрики тем самым уменьшают необходимость препятствий, предупреждающих размножение населения» [24, с. 106].

Основной акцент Мальтус ставит на предупредительные препятствия, а именно на воздержание от супружества именно среди плебса, которое он называет *нравственным обузданием* (moral

restraint)» [24, с. 15] и считает наименьшим злом: «Если возрастание народонаселения неизбежно должно быть сдержано каким-либо препятствием, то пусть лучше таковым окажется благоразумная предусмотрительность относительно затруднений, порождаемых содержанием семьи, чем действие нищеты и страданий» [24, с. 39]. Он составляет своеобразный платежный баланс: в тех местностях, где население не может возрастать безгранично, предупредительные и разрушительные препятствия находятся в обратном отношении, то есть в местности нездоровой или такой, в которой население по какой-либо причине подвергается значительной смертности, предупредительные препятствия будут иметь ничтожное влияние, и, наоборот, в местностях здоровых, где предупредительные препятствия действуют с наибольшей силой – разрушительные препятствия слабо проявляют свое влияние и смертность оказывается незначительной [24, с. 16].

Увещевания Мальтуса относительно того, что долг всякого человека состоит в том, чтобы решаться на брачную жизнь лишь тогда, когда он сможет обеспечить свое потомство средствами существования [24, с. 46] сопровождаются рассуждениями о необходимости того, чтобы склонность к брачной жизни сохранила всю свою силу, чтобы она могла поддержать энергию и пробудить в безбрачном человеке стремление достигнуть трудом необходимой степени благосостояния [24, с. 46]. Какова эта степень благосостояния, достаточная для рождения детей? Ответа на этот вопрос автор сочинения не дает. Он лишь вскользь бросает тезис, противоречащий всем предыдущим: «Умеренная роскошь, равномерно распространенная между всеми классами общества, а не чрезмерная роскошь небольшой группы людей, необходима для счастья и благоденствия народа» [24, с. 103–104]. В чем эта мера выражается, Мальтус не указывает.

Очень важно также отметить, что в сочинении Мальтуса содержится также проекция будущего по западному сценарию: «Мы имеем основание полагать, что всегда будут существовать крупные собственники и рабочие; но положение каждого из этих классов и их взаимные отношения могут быть изменены таким образом, чтобы увеличить гармонию и красоту целого» [24, с. 111]. Учитывая сущность глобализации на современном этапе, рассмотренную в лекции 1, становится понятным, о какой «гармонии» и «красоте» идет речь.

В своем проектировании будущего Мальтус пытается усыпить бдительность своей читательской аудитории такими допущения-

ми: «Если бы неимущие в Англии убедились вполне, *что не имеют никакого права* требовать от общества для себя пропитания, то в том случае, когда вследствие неурожая или чрезвычайной нужды им была бы оказана великодушная помощь (а я уверен, что это непременно случилось бы), это послужило бы к установлению более тесной, чем в настоящее время, связи между богатыми и бедными и низшие классы общества, имея меньше действительных поводов к негодованию и неудовольствию, предавались бы реже вредным и тягостным волнениям» [24, с. 122].

И дальнейшее нагромождение «новаторских» тезисов также построено Мальтусом по принципу внушения: «Мятежная толпа есть следствие излишка населения. Она возбуждается испытываемыми страданиями, не зная того, что сама является виновницей этих страданий. Эта безумная мятежная толпа есть злейший враг свободы; она порождает и поддерживает тиранию» [24, с. 61].

Свои соображения Мальтус приводит в стремлении доказать, что для улучшения положения бедных *необходимо уменьшение относительного числа рождений*, и такое уменьшение достижимо при «более совершенном порядке управления и соответственных привычках населения» [24, с. 125], это уменьшение представляется единственным способом для поддержания той части населения, которая состоит из взрослых (то есть трудоспособного населения) и «обещает во всех отношениях больше пользы для общества» [24, с. 126].

Квинтэссенция сочинения представлена следующим выводом: «пока бедные не поймут причины своих страданий и пока им не будет внушено, что они сами себя должны винить за испытываемые бедствия, – до тех пор мы не вправе утверждать, что в деле супружества каждому человеку может быть предоставлен свободный выбор» [24, с. 60].

В настоящее время в мировой практике это выражается в мощном лоббировании законодательных инициатив, сформулированных в духе высказываний, например, Д. Э. Ньютона: «Иметь ребенка в наше время – это *не право*, а скорее привилегия» и содержащих требование принудительной стерилизации мужчин и женщин после рождения первого или второго ребенка. Одним из апологетов требования сокращения количества детей в семье выступает В. Хёсле: «рост населения следует сдержать или даже остановить, <...> ради выживания человечества число человеческих особей должно быть ограничено» [43, с. 87]. В книге «Пределы роста: 30 лет спустя» Медоуз Д. Х., Рандерс Й., Медоуз Д. Л.

показали результаты работы созданной ими компьютерной модели World 3, основанной на наборе математических уравнений, описывающих связи между факторами (численность населения, промышленный капитал, концентрация загрязнений в окружающей среде, площадь возделываемых земель), и в составленный ими список «50 простых вещей, которые могут спасти планету» наряду с «зарабатывать на жизнь честным трудом» включили призыв «ограничиться двумя детьми в семье». Почему они так тревожатся о перенаселении? На наш взгляд, это связано с тем, что, по выражению Э. Гидденса, «мир ускользает» из их рук глобального управления: он «не только не стал более «управляемым», но судя по всему, вовсе вышел из-под контроля» [12, с. 18].

Рассмотрим основные аргументы критики мальтузианской теории.

Д. И. Писарев в работе «Очерки из истории труда» ставит под сомнение стремление Мальтуса видеть в человеческом труде механическое приложение мускульной силы, совершенно игнорировать деятельность мозга, постоянно одерживающую победы над физической природой и постоянно открывающую в ней новые свойства. Справедливо его утверждение о том, что «надо искать причин бедности в ненормальной организации труда, а никак не в многолюдстве. Многолюдство есть обилие сил; если что-нибудь мешает приложению этих сил, то виновато, конечно, препятствие, а не существование сил».

Ф. Энгельс указывал на существенную отличительную особенность человека, которая делает невозможным всякое перенесение законов жизни животных на человеческое общество, а именно на то, что человек *производит*, т. е. создает такие жизненные средства, которые природа не произвела бы без него [47, с. 271].

К. Маркс в работе «Теории прибавочной стоимости» выявил, что Дарвин *опрокинул* теорию Мальтуса, основанную на химерической арифметической прогрессии животных и растений, открыв в «Происхождении видов» *геометрическую* прогрессию в царстве животных и растений. Следует также отметить, что автор «Капитала» дал весьма нелицеприятную характеристику Мальтусу как человеку, имевшему «глубокую низость мысли».

Л. И. Мечников также обращал внимание на несостоятельность выкладок Мальтуса: «прогрессии не выдерживают даже самой снисходительной критики, так как отношение между средствами существовании и численностью населения совершенно естественно должно меняться вместе со способностью данной человеческой

группы извлекать полезные для себя продукты из окружающей среды» [23, с. 107].

К. А. Тимирязев доказывал, что урожайность полей с агротехническими улучшениями в землевладении и прогрессом в науке легко может быть повышена на 200–300 и даже 400–500 % [23, с. 108].

Д. И. Менделеев утверждал, что в будущем люди научатся извлекать пользу из всех богатств моря, он одним из первых указал на огромные возможности, которые открываются перед человечеством при внедрении промышленного синтеза питательных веществ [23, с. 107]. Далее на такие перспективы развития науки указывал В. И. Вернадский. Согласно исследованию Г. Ф. Николаи, который математически оценивал реальное размножение человека и развитие земледелия в 1918–1919 гг., если взять всю площадь Земли, то на один квадратный километр приходится 11,4 человека, что составляет 2,10–4 % возможного заселения. Учитывая энергию, получаемую от Солнца, земледелие дает возможность пропитать на 1 км^2 по 150 человек, то есть на всю Землю (сушу) придется 22,5×10 в девятой степени неделимых, то есть больше в 22–24 раза, чем их живет сейчас. Но человек добывает энергию для питания и для проживания не только земледельческим трудом. Учитывая эту возможность, Николаи предположил, что Земля в начавшуюся в наше время историческую эпоху использования новых источников энергии, могла бы быть заселена тремя гексалионами людей, (3×10 в шестнадцатой степени), то есть больше чем в десятки миллионов раз выше числа человечества в указанный период [10, с. 135–136].

По расчетам современных экономистов Л. Ларуша, П. Г. Кузнецова и других оппонентов теории «перенаселения» и «истощения биосферы», Земля может обеспечить безбедное существование не менее 25 миллиардам человек, разумеется, при условии справедливого распределения. И становится понятным, что сотни миллионов голодающих в настоящий момент умирают не вследствие «мальтузианской ловушки» и так называемого «убывающего плодородия почвы», а от глобальной либеральнорыночной деятельности: вместо продовольственных злаков и других полезных людям растений выращивают ГМО или «товарную продукцию» наркобизнеса. Даже Аурелио Печчеи, докладывая о результатах анализа развития всего мирового сельскохозяйственного сектора методом комплексного математического моделирования, предпринятого в 1976 году группой голландских ученых во главе с профессором

Амстердамского университета Хансом Линнеманном, признал, что «достигнутый ныне уровень производства продовольствия вполне достаточен, чтобы обеспечить надлежащее питание всем жителям планеты – при условии, разумеется, что вся наличная пища будет распределяться между людьми по справедливости» [33, с. 164]. Так, причины земледельческого дефицита находятся в *человеческих отношениях*, и никак не в законах внешней природы.

Учение Мальтуса приобретало себе с каждым днем поклонников в высших классах общества и особенно среди людей, сосредоточивших в своих руках политическую власть. Под их покровительством это учение стало постепенно реализовываться на практике. Там оно находится и по сей день. В работе «Мальтус и его противники» В. А. Милютин показал, что «практические результаты, выведенные Мальтусом из его основного начала, так противоречили всем общепринятым понятиям, философским, нравственным и религиозным, и заключали в себе так много жестокого и возмутительного, что не могли не отвратить от этого страшного и противоестественного учения всех людей с натурой не зачерствелой, а живой и восприимчивой, способной сочувствовать бедствиям человечества и страдать его страданиями. Но зато с другой стороны все, находившие существовавший порядок вещей сообразным с своими личными интересами, схватились с жаром за теорию Мальтуса, превознесли ее до небес, обратили науку в орудие для достижения своих целей и стали провозглашать радостно и громко, что политическая экономия разрешила окончательно спор, что народонаселение размножается всегда быстрее, нежели средства пропитания, что это излишнее размножение людей основано на самом законе природы, – что, следовательно, нищета и страдания, последствия такого размножения, представляются также явлением неизбежным, естественным, основанным также на законе природы, и что, наконец, всякая мысль о возможности уничтожить или уменьшить страдания человечества и улучшить настоящий порядок вещей, есть ни что иное, как утопия, мечта, нелепость».

Истинной причиной происхождения мальтусовой теории было стремление доказать несбыточность мысли о бесконечном усовершенствовании человечества и абсолютную невозможность такого общественного устройства, которое бы представлялось сообразным во всех отношениях с требованиями разума и истины. Действительно, эта теория проектирует будущее человечества в ключе безысходной теории инфернальности, которая повергает людей в рабское оцепенение. Замечание Милютина сохраняет свою не-

вероятную актуальность сегодня: «Противоположность между интересами целого общества, отвергающими теорию Мальтуса, и исключительными интересами одной касты, находящими в ней полное удовлетворение, не перестает существовать и в настоящее время».

3.2. Идеологии корпоративной социальной ответственности и устойчивого развития как инструмент моделирования позитивного имиджа транснациональных корпораций

Современное развитие системы международных экономических отношений проходит под воздействием ускоряющейся глобализации экономики, и локомотивом данного процесса, в конечном итоге приводящего к внедрению системы *глобального денежного тоталитаризма,* выступают транснациональные корпорации и транснациональные банки. Специфические особенности их деятельности отражены в работах А. А. Зиновьева, А. И. Субетто, В. Ю. Катасонова, Э. А. Азроянца, Т. В. Муранивского, Э. Е. Обминского, Г. Моргана, Т. Пикетти, Л. Ларуша и других ученых, преимущественно экономистов.

Центр тяжести предпринимательской стратегии транснациональных корпораций, транснациональных банков и других мезоэкономических субъектов, которые «делают экономическую погоду», перемещается с национального на наднациональный уровень, и «вытесненные на обочину» национальные экономики и рядовые микроэкономические субъекты, растворяясь «в гигантском хозяйственном организме планетарных масштабов», не в силах ни изменить, ни игнорировать такую конъюнктуру, а вынуждены лишь приспосабливаться к ней. А. Печчеи показывал в своих работах, что «*транснациональные предприятия сейчас неизбежны и необходимы*» [33, с. 69] и что исключительно ТНК «могли бы в этот трудный для человечества час стать ключевым и положительным элементом всей диалектики социальных преобразований» [33, с. 77].

Отличительными чертами глобальных ТНК являются: – глобальное исследование рынков; – осуществление конкуренции в мировом масштабе; – раздел мировых рынков с немногими такими же глобальными ТНК; – координация деятельности своих филиалов на основе новейших информационных технологий; – гибкая организация каждого отдельного производственного узла; – адаптивность структур корпорации; – единообразная организация бухгалтерского учёта и аудита; – объединение филиалов, заводов, совместных предприятий в единую сеть управления; – преимущественное участие в высокотехнологичных отраслях; – своевременное изменение географического распределения и отраслевой структуры интегрированного в масштабе ТНК бизнеса с целью повышения рентабельности; – интеграция глобальных ТНК между собой в форме стратегических соглашений или альянсов. Стратегические альянсы создаются, как правило, в высокотехнологичных областях, таких как: космическая, авиационная, автомобилестроительная промышленность, телекоммуникации, информационные технологии, оружие, биотехнологии, нанотехнологии, химическая промышленность, финансовые услуги.

Основная часть (до 80 % всех нововведений) лицензионных поступлений и платежей между странами осуществляется по внутрифирменным каналам обмена технологией транснациональных корпораций. Дж. Сорос в «Тезисах о глобализации» не умалчивает о том, что глобальные финансовые рынки приносят выгоду странам, находящимся в центре международной рыночной системы, в особенности США, в ведении которых находится управление всей системой. Финансовые рынки «всасывают» большую часть сбережений и прибыли, создаваемых во всем мире, перекачивают их в центр, откуда они затем вновь отправляются на периферию либо непосредственно через финансовые инструменты в виде акций и облигаций, либо опосредованно через транснациональные корпорации. Центр является поставщиком финансовых и всех прочих услуг, начиная от информации и высшего образования и заканчивая развлечениями, и одновременно «базой» для большинства транснациональных корпораций. Поэтому он получает львиную долю всех доходов.

Причем следует учесть, что объем операций со спекулятивным (фиктивным) капиталом на мировом финансовом рынке в десятки раз (на реальный сектор, или поток товарных благ приходится не более 10–12 % от общего оборота мировых финансовых ресурсов) превышает объем операций по обслуживанию сферы производства.

Ю. В. Яковец, исследуя рентные факторы глобального устойчивого развития, детально обосновал тезис о том, что *сверхприбыль*, которая может на десятки процентов, а то и в десятки раз превышать среднюю норму прибыли, – это тот золотой телец, которому поклоняются ТНК и который дает им неиссякаемые силы и средства для захвата новых рынков, для осуществления технологических прорывов, активного вмешательства в любые затрагивающие

их интересы процессы, свержения неугодных правительств, суда и расправы над теми, кто сопротивляется им, подкупа чиновников, обхода правовых и моральных норм и много другого, далеко выходящего за пределы обычного бизнеса и национально-государственных интересов [48, с. 244–263].

И. Валлерстайн показал, что именно «приоритет бесконечного накопления капитала» является основой, отличительной особенностью (differentia specifica) капиталистической системы, «чьи институты призваны выделять из общей массы и поощрять тех, кто в своей деятельности соблюдает первенство накопления капитала, и наказывать тех, кто пытается следовать другим приоритетам» [7, с. 17]. Другими словами, капиталистическая система исключает и борется с такими остро востребованными сегодня приоритетами, как природозащитный (в том числе и человекозащитный), приоритет социальной справедливости и тем более нравственный приоритет. Борется вся указанная Валлерстайном «совокупность институтов, рассчитанных на эти операции», используя сформированную в своих целях «интегрированную геокультуру, легитимирующую институциональные структуры и сдерживающую недовольство эксплуатируемых классов» [7, с. 17].

Вследствие того, что ТНК удалось разработать и внедрить механизм влияния на политическую надстройку, на правительственные решения, их деятельность называют неоколониальной эксплуатацией, указывая, что развитие крупного капитала осуществляется в первую очередь за счет ограбления зависимых стран». На периферию вывозятся «грязные» и вредные предприятия, а также чрезмерно трудоемкие процессы производства и научных исследований. В. Б. Павленко в книге «Мифы «устойчивого развития» сравнил мировую финансовую олигархию – ядро глобального капитализма – с раковой опухолью, пожирающей планету вместе с живущими на ней людьми.

Дж. Сорос, обеспокоенный антиглобалистским движением, ставящим своей целью, по его мнению, уничтожение международных финансовых учреждений, сформулировал тезис в защиту международных институциональных механизмов глобальных рынков, в том числе глобальных финансовых рынков, показывая их позитивное социальное значение в роли «курицы, несущей золотые яйца».

Следует отметить присущую ТНК способность и готовность к мгновенному реагированию на изменения хозяйственного климата: руководствуясь преимущественно мотивами расширения

производства, укрепления позиций на глобальном рынке и максимизации прибыли, ТНК постоянно маневрируют финансовыми и производственными ресурсами в масштабах всей мировой экономики, перебрасывают огромные массы капитала (и не только) из одного региона в другой, совершенно не учитывая то, что такая политика противоречит национальным интересам принимающих государств.

Транснациональные корпорации стали устойчивым историческим феноменом, а их количество, потенциал, влияние, способность распоряжаться не только ресурсами, но и лояльностью своих сотрудников и потребителей, постоянно возрастают. Интерес правительств, несущих ответственность за состояние экономики и уровень занятости населения, все более привлекает деятельность ТНК. Неудивительно, что ТНК сравнивают с империями, оказывающими мощное влияние на мировую экономику, политику и международные отношения, а также усиливающими диспропорцию в доходах стран мира.

Справедлив вывод А. А. Зиновьева о том, что глобализация экономики необходима западному миру для эксплуатации планеты методами, которые по форме выглядят как экономические (эквивалентный обмен, свобода предпринимательства, свободный рынок, социальная мобильность и т. п.), а по сути не являются таковыми. Например, размещение предприятий в стране, где сырье и рабочая сила в десятки раз дешевле, чем в собственной стране, не является чисто экономической операцией, как не являлось экономической операцией ограбление европейскими завоевателями аборигенов Америки. Политические, военные, идеологические средства выступают не как средства защиты экономики, а как завоевательные средства насилия в чужой стране [19, с. 575].

В последние пятьдесят лет теоретически разрабатывается и практически применяется идеология *Корпоративной социальной ответственности* (*Corporate social responsibility*), согласно которой организации призваны *служить* обществу в духе высказываний А. Печчеи: «социальная ответственность современной производственной системы стала настолько доминирующим фактором, что она уже не может быть принесена в жертву мотивам прибыли – которые также, разумеется, должны иметь право на существование» [33, с. 73]. Эта идея «служения обществу» как сверхзадачи деятельности корпорации выступает инструментом формирования позитивного имиджа транснациональных корпораций, то есть прежде всего она переплетается с функциями управления

связями с общественностью – PR. Ежегодные «Отчеты о социальном развитии», «Отчеты о корпоративной социальной ответственности», «Отчеты об устойчивом развитии» широко используются в целях PR, акцентируя внимание на экологических и социальных аспектах в деятельности ТНК. Также с 1999 года используется мировой фондовый индекс Доу-Джонса по устойчивому развитию (Dow Jones Sustainability Index – DJSI), который рассчитывается по большому количеству показателей путем заполнения корпорациями специальных ежегодных вопросников и определяет места компаний, концернов, финансовых институтов и корпораций в мировом табеле о рангах по «устойчивому развитию» с разбивкой по секторам.

Основные направления КСО:

– экологическая политика и использование природных ресурсов;

– здоровье, безопасность и охрана труда, соблюдение прав человека;

– управление развитием человеческих ресурсов транснациональных корпораций;

– взаимодействие с местными органами власти, государственными структурами и общественными организациями для решения общих социальных проблем;

– реструктуризация корпораций, организационные изменения;

– социальные аспекты взаимодействия с поставщиками ресурсов и потребителями товаров (услуг);

– формирование и укрепление позитивного имиджа.

Принятая глобальным сообществом в конце XX в. стратегия *устойчивого развития* на практике реализуется слабо. Современная цивилизация продолжает действовать по инерции, и на планете усугубляется эколого-социальный кризис. Социальная деградация обусловлена такими факторами, как выход Homo sapiens из экологической ниши, стремительная урбанизация, тотальное загрязнение среды обитания, холодные и горячие войны за ресурсы, в первую очередь возобновляемые. Концепция устойчивого развития носит рекомендательный характер, и выполнение ее нормативно-отчетных требований, скорее, служит для формирования сильного корпоративного имиджа. В любом случае следует отметить акцент на PR-составляющей любых проводимых корпорациями мероприятий в рамках идеологий корпоративной социальной ответственности и устойчивого развития.

В глобальном масштабе переход к устойчивому развитию императивен: рациональной альтернативы ему нет. Человечество выживет как вид только в том случае, если сумеет установить такое равновесие между собственной жизнедеятельностью и возможностями биосферы, которое не просто сохраняло бы живой мир, но позволяло бы постоянно воспроизводить возобновляемые ресурсы планеты и обеспечить экономное использование невозобновляемых ресурсов как минимум до тех пор, пока широкий выход человека в Мировой океан и космическое пространство не откроют перед ним новые резервы энергетических, сырьевых и продовольственных ресурсов. Но в национальном и региональном масштабах это означает, что принятые первоначально два аспекта устойчивости развития – природоохранный и экономический – недостаточны для претворения концепции устойчивого развития в жизнь: они должны дополняться социальным аспектом.

Доклад Римскому клубу «За пределами роста» (Mesarovich M., Pestel E. Mankind at the turning point. N. Y. Dutton, 1974), содержащий новую пугающую обывателей теорию «глобального потепления», приводит к тому, что экологическая цепочка «контроль над природными ресурсами – контроль над климатом – контроль над людьми и пространством» замкнулась, превратившись в главный инструмент строительства глобально-олигархического «Нового мирового порядка». Интересами глобальной олигархии продиктована в том числе и диффузия на мировом рынке продукции ГМО, которую позиционируют как панацею от неминуемого голода, наступающего в связи с глобальными изменениями климата. Всё это сопровождается изощренными методами уничтожения государственных суверенитетов, например, «оранжевыми» политическими технологиями, унификацией и подчинением мэйнстриму духовной сферы, микрочипированием человечества и другими инструментами.

Профессор Т. В. Муранивский считал, что тот сугубо апокалиптический характер теоретических угроз, благодаря которым сама экология воспринимается обывателями как одно из представлений о конце света из-за отсутствия для человека здоровой среды обитания, имеет своей целью формирование нового типа «одномерного человека» с отсутствием критического отношения к реальной действительности, эскапистски стремящегося к бегству от угроз в иллюзорный мир [29].

В своем докладе Совету Федерации РФ 30 сентября 2015 г. в рамках «Времени эксперта» М. В. Ковальчук отметил стремление к замене организационного сообщества взаимодействующих и защищенных государством людей совокупностью популяции

управляемых отдельных индивидов. Слом системы базовых моральных принципов и создание так называемых «альтернативных ценностей» (например, абсолютизация свободы личности, толерантность) приводят к уничтожению суверенного государства, которое является единственным инструментом защиты традиционного общества и его ценностей. А открывшаяся технологическая возможность вмешиваться в процесс эволюции человека дает стремящимся к мировому господству властителям средство к достижению заветной цели – созданию нового биологического вида особи «человека служебного» со следующими атрибутами: ограниченное самосознание; управляемое размножение; дешевый корм.

Кроме того, Президент НИЦ «Курчатовский институт» обратил наше внимание на фактическое сокращение рождаемости путем внедрения в массовое сознание представлений, противоречащих естественным, и привел цитату Г. Б. Чисхолма, Президента Всемирной Организации Здравоохранения (1948–1953 гг.): «Чтобы прийти к мировому правительству, необходимо изгнать из сознания людей их индивидуальность, привязанность к семейным традициям, национальный патриотизм и религиозные догмы... Уничтожение понятий правды и лжи, *которые являются основой воспитания* ребенка,, замена веры в опыт старших рациональным мышлением – вот запоздалые цели, ... потребные для изменения человеческого поведения».

Еще в 1920 году Е. И. Замятин в антиутопии «Мы» показал стремление «избранных» (в наше время в их роли выступают страновые элиты так называемого «золотого миллиарда») превратить остальное население планеты в стадо пронумерованных особей, кормящихся генно-модифицированной пищей: «Наши предки дорогой ценой покорили, наконец, Голод: я говорю о Великой Двухсотлетней Войне – о войне между городом и деревней. Вероятно, из религиозных предрассудков, дикие христиане упрямо держались за свой «хлеб» (это слово у нас сохранилось только в виде поэтической метафоры: химический состав этого вещества нам не известен). Но в 35-м году до основания Единого Государства – была изобретена наша теперяшняя, нефтяная пища. Правда, выжило только 0,2 населения земного шара» [18, с. 320–321].

Ученые, упоминая о транснациональной корпорации «Монсанто» как о монстре, возникшем в результате сращивания западной финансовой олигархии с секретными разработками военных лабораторий, акцентируют внимание набатообразным образом на роковой опасности как для здоровья отдельного человека, так и для

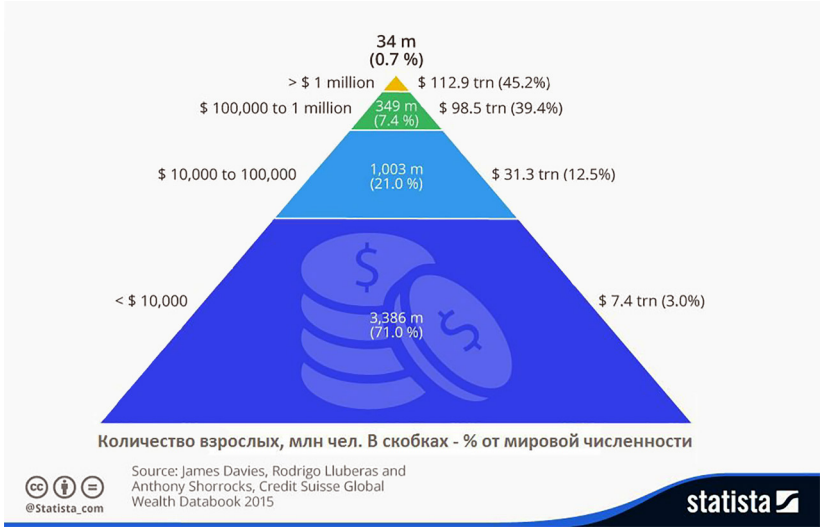

Рис. 1. Распределение богатства среди населения Земли, ноябрь 2015 года

естественных генетических ресурсов биосферы в целом массового производства, внедрения на рынок и навязывания населению генно-модифицированного корма.

На рисунке 1 ниже наглядно продемонстрированы результаты анализа, опубликованного швейцарским банком Credit Suisse в ноябре 2015 года.

Наверху пирамиды – «золотой треугольник», ръавный 0,7 % населения планеты, которые сосредоточили в своих руках 45,2 % мирового богатства, далее следует небольшая прослойка тех, кто непосредственно обслуживает «золотых элитариев», в том числе и оглашает обществу концепции, востребованные элитой – это всего лишь 7,4 % населения Земли, владеющие 39,4 % богатства. То есть если суммировать «элитариев» и их ближайшую обслугу, то получится 8,1 % населения Земного шара, владеющих 84,6 % мирового богатства. И самое главное – даже не этот колоссальный показатель, а стремление его увеличить, беспредельное стремление к максимизации прибыли любой ценой. Далее следует так называемый «средний класс» – 12,5 %, владеющих 21 % мирового богатства, который характеризуется нравственной слепотой и «бегством» (эскапизмом) в «маниловский раёк» – они надеют-

ся «переждать» катаклизмы за добротными стенами своих жилищ. И, наконец, остается 71 % (!!!) населения планеты, делящие между собой 3 % мирового богатства. Причем, по мнению «золотой элиты», требуется радикальное сокращение этой части, так как 71 % слишком неуправляемы для 0,7 %. Цифры сокращения были определены, в частности, в 1995 на совещании мировых олигархов в отеле Фермонт в Сан-Франциско – в модели «20 %/80 %», согласно которой 80 % населения планеты объявлены лишними.

Таким образом, очевидны выводы о том, что, во-первых, чуть меньше половины богатства (измеряемого в долларах ФРС США) находится у 0,7 % представителей человечества, во-вторых, разрыв между самыми богатыми и самыми бедными жителями планеты продолжает неуклонно бездноподобно углубляться[1] и, в-третьих, концепция «золотого миллиарда» постоянно корректируется в сторону значительного уменьшения доли населения планеты с исключительно высоким уровнем потребления, всё чаще раздаются тезисы о сокращении «миллиарда» до «золотого миллиона» избранных.

К этому следует еще добавить признания И. Валлерстайна в его работе «После либерализма» относительно экономически неимоверно поляризованной миросистемы: «Если в 1945–1990 гг. для поддержания высокого уровня доходов у половины нашего населения мы должны были усилить эксплуатации другой половины, представьте, что потребуется для поддержания на разумно высоком уровне дохода 90 % нашего населения. Это означает еще большую эксплуатацию, и главным образом это будет эксплуатация народов третьего мира».

Таким образом, разработанные во второй половине XX в. идеологии корпоративной социальной ответственности (Corporate Social Responsibility) и устойчивого развития (sustainable development) выступают инструментом управления сознанием и, следовательно, поведением внутренних и внешних стейкхолдеров. Создание данных идеологий было необходимо для системного управления транснациональными корпорациями в тот период, когда

[1] В 2005 году 1,3 млрд человек существовали менее чем на 1 доллар в день и 1,6 млрд – менее, чем на 2 доллара в день, эти люди составляли чуть меньше половины населения планеты. Если в 1960 году разрыв в доходах между 20 % самых богатых и 20 % самых бедных людей на планете оценивался в 30 раз, то в 1991 году – уже в 60 раз, в 1998 году – в 78 раз. Источник: Лосев К. С., Мнацаканян Р. А., Дронин Н. М. Потребление возобновляемых ресурсов: экологические и социально-экономические последствия (глобальные и региональные аспекты) М.: ГЕОС, 2005. С. 3.

международные экономические отношения строились под воздействием ускоряющейся *глобализации экономики*.

Подлинное назначение концепции устойчивого развития блестяще раскрыл В. Н. Сагатовский: «Надежды на сдерживающее воздействие концепции «устойчивого развития» при неизменности доминирующих ценностей есть не более чем кабинетная утопия, работающая иногда как идеологическое прикрытие – там, где надо сохранить природные запасы и окружающую среду в регионах проживания «избранных» за счет ее окончательной деградации в других регионах» [34, с. 40].

Также нельзя не упомянуть о двойных стандартах в отношении нормативных требований по обеспечению устойчивого развития, которые предъявляются к так называемым развивающимся странам. Финансовые и технологические возможности стран-аутсайдеров не позволяют без ущерба для своих экономик осуществлять программы в рамках указанных выше идеологий. Им приходится попадать в финансовую, технологическую, информационную зависимость от стран-лидеров, заинтересованных в неограниченном доступе к дешевым ресурсам, востребованным транснациональными корпорациями. В конечном итоге такая «помощь» оборачивается вмешательством в принятие политических решений в «отсталых» государствах и потерей ими государственного суверенитета.

4. ЗНАЧЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ В УПРАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНЫМИ СИСТЕМАМИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

4.1. Структура, свойства, функции ценностей, их роль в формировании ядра культуры и цивилизации

Ценности непременно присутствуют в *управлении* социальными системами, в осуществлении властных функций. Одним из главных признаков наблюдаемого нами социального кризиса является именно неразвитость ценностного сознания. В этой связи необходимо рассмотреть важнейшие свойства ценностей, которые определяют содержание и качество социальных процессов:

1) ценностные отношения являются для людей не внешними и принудительными, а *внутренними* и *ненасильственными;*

2) ценностные отношения *объединяют*, собирают людей в общности, а не разъединяют, не отчуждают человека от других людей, от природы и от своего внутреннего мира;

3) наличие или отсутствие отношений ценностного уровня методами формальной логики *доказать невозможно.*

Отсюда следует важнейшее функциональное предназначение ценностей – они формируют в структуре социального субъекта (личности или социальной общности) тот ценностный **стержень**, который способен сделать этого субъекта сильнее любого оружия.

В своей работе «Мировоззренческий проект» В. Н. Сагатовский подчеркивал, что ценности являются системообразующим началом программы человеческой деятельности: «*ценность* есть непосредственная основа выбора субъектом целей и средств деятельности, ранжирования по их значимости и приемлемости потребностей и возможностей их удовлетворения» [34, с. 23–24].

Множество подходов к определению специфики и содержания ценностей располагаются, как выявил Г. П. Выжлецов, между двумя полюсами:

1) *Субъективно-релятивисткие* концепции – выводят ценность из биопсихологической природы человека, считая индивидуальные желания, потребности и интересы исходным и единственным источником ценностей, а их переживание человеком – основным способом их бытия. С этой точки зрения все ценности *относительны*, субъективны, и объективных, тем более абсолютных, ценностей не существует.

2) *Объективно-абсолютистские* концепции – ценности представляют собой *идеальные* сущности, они объективны и абсолютны, то есть находятся за пределами реальности, вне пространства и времени и фактически противостоят реальному бытию. Эти априорные и трансцендентные ценности не зависят от человека, его сознания и опыта, представляя для людей лишь абсолютные принципы общезначимости и долженствования [11, с. 51–52].

Для определения сущности ценностей недостаточно придерживаться одной из указанных крайностей, присягнуть на верность тому или иному методологическому лагерю. Либо выводить ценностно-практическое сознание за пределы гносеологии, в результате чего мир человека с его несовместимыми способностями *познания* и *желания* оказывается как бы разорванным на не связанные между собой царства *механической необходимости* и *нравственной свободы*, *абстрактного познания* и *духовных ценностей.* Либо видеть в ценностной проблематике, своего рода мешающую и раздражающую занозу и становиться последователем, например, Б. Спинозы, который в труде с многообещающим названием «Этика» выразил негативное отношение ко всем ценностным «предрассудкам» и в теореме 50, в частности, изложил: «Сострадание в человеке, живущем по руководству разума, само по себе дурно и бесполезно» [цит. по: 11, с. 21]. Следует заметить, что этот подход не только *никогда* не защищал идеи гуманизма, а преследовал совсем обратные цели. Очевидно, здесь необходима мера, «золотая середина», как пишет Г. П. Выжлецов, «наведение мостов между идеальным миром ценностей и реальной действительностью» [11, с. 52].

В трагедии Эсхила «Прикованный Прометей» мы находим очень точную и символичную метафору: Власть и Сила идут рядом, рука об руку. Действительно, осуществление власти всегда сопряжено с применением силы. Но какой силы?

1. Эта сила может быть связана с угрозой *насилия*, как физического, так и психического. Эту власть, основанную на страхе, принято называть властью принуждения. Представляет интерес апологетика тоталитарной власти, внушающей страх, которая пронизывает знаменитый трактат Т. Гоббса «Левиафан»: «пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех» [13, с. 95]. Несмотря на то, что данный трактат написан более трех с половиной столетий назад (1651 год), сконструированное Гоббсом обоснование неизбежности применения гипнотической власти Страха для обуздания «порочных», эгоистичных, конкурирующих между собой подданных,

легло в основу идеологии глобализма, и все плоды практического воплощения этой идеологии, называемой процессом глобализации, мы наблюдаем в настоящее время.

2. Это может быть сила возможного вознаграждения (позитивного подкрепления), когда подчиненные служат управляющему, словно наемники. Такую власть называют властью вознаграждения. Например, Фридерик Тэйлор, с именем которого связывается начало менеджмента как научной дисциплины, изложил в 1911 г. в книге «Принципы научного управления» свое видение того, что исключительно материальное вознаграждение может осчастливить работника. В этом заблуждении пребывают до сих пор многие руководители, игнорирующие существование у подчиненных потребности в самоактуализации и других потребностей высшего уровня, представленных А. Маслоу в его иерархии групп потребностей человека.

3. Это может быть *сила традиционных ценностей,* благодаря которым подчиненные признают в каком-либо человеке олицетворение власти. М. Вебер называл такую власть традиционной. Можно ее называть идеологической.

4. Это может быть *сила интеллекта,* профессиональное мастерство управленца, которые не могут не признавать управляемые и, повинуясь, отдавать ему соответствующую дань уважения. Такую власть обычно называют экспертной.

5. Это духовная, *нравственная сила*, действие которой поистине беспредельно, и магнетическая эта сила постоянно призывает управляемых, готовых идти за своим лидером на любые подвиги, словно в суворовской армии. М. Вебер называл такую власть харизматической.

6. Это может быть даже всё отравляющая и разрушающая сила безнравственности, которая была развенчана Ф. М. Достоевским в «Бесах» и воспета Ф. Ницше в его трактате «Воля к власти».

Таким образом, рассмотрев выше источники власти, мы можем резюмировать, что власть – всегда *потенциал* мощи, власть есть реализуемая на практике *способность* к управлению. Понятие власти и понятие управления всегда неразрывно связаны между собой. Когда субъект управляет объектом, это означает, что этот субъект обладает властью над объектом.

Современное управление социальными группами осуществляется исходя из двух противоположных подходов: 1) управление на основе стимулов – бихевиоризм; 2) управление на основе ценностей.

В первом случае бихевиористский подход к управлению человеком с его классической цепочкой S – R (стимул – реакция) складывался под влиянием результатов экспериментов над животными академика И. П. Павлова. Символично, что слово «стимул» в переводе с греческого языка означает «палка, которой погоняют скот». Поведение человека в основном контролируется аверсивными (неприятными или болевыми) стимулами. Два наиболее типичных метода аверсивного контроля – это наказание и негативное подкрепление. Предполагаемая цель наказания – побудить людей не вести себя данным образом. Но также используются и стимулы позитивного подкрепления. Всё это напоминает дрессуру или военную муштру. Такая экстраполяция недвусмысленно показывает место и роль человека в бихевиористской трактовке. Человек механически реагирует на разнообразные «раздражители» внешней среды, что исключает возможность свободного выбора. Поведение управляемого подчиняется закономерностям и детерминировано, действия человека становятся результатом определенных условий, все это дает возможность полного контроля. Все, что требуется управляющему – манипулировать условиями внешней среды. Однако стимулирование, как позитивное, так и негативное, приносит лишь краткосрочный эффект и требует неусыпного контроля над членами социальной группы, которые постоянно ищут пути обходить любые системы контроля и слежения. И управленцу, словно пастуху, снова и снова придется использовать «палку» (стимул) для воздействия на «стадо» (персонал, целевую потребительскую аудиторию, электорат).

Второй подход распространен не достаточно широко, поскольку он требует от управленца значительных усилий на первоначальном этапе: его можно сравнить с садовником, возделывающем ценностную почву, которая будет питать мировоззрение членов социальной группы. Но в результате каждый член социальной группы добровольно выполняет необходимые задачи и способен самостоятельно контролировать качество своего труда. Этот подход к управлению был показан Платоном в «Государстве и заключается в том, что подлинные правители относятся к своим подданным иначе, чем пастухи к овцам: «всякий, кто чем-либо управляет, никогда, поскольку он управитель, не имеет в виду и не предписывает того, что пригодно ему самому, но только то, что пригодно его подчиненному, для которого он и творит. Что бы он ни говорил и что бы ни делал, всегда он смотрит, что пригодно подчиненному и что тому подходит».

Эффект синергии в социальных группах возникает только на основе взаимного доверия. К этому групповому эффекту стремятся все управленцы, которым не безразлично стратегическое развитие вверенных им объектов управления. В свою очередь, доверие между людьми становится возможным именно тогда, когда социальная группа скреплена ценностями, понимаемыми, принимаемыми и разделяемыми всеми членами группы. Ценности выступают мощным интегративным мировоззренческим фундаментом мышления, поведения и деятельности человека в контексте социальной группы. Таким образом, ценностный подход в исследовании социальной динамики и управления социальными группами является приоритетным.

4.2. Цивилизационный подход как метод исследования истории и прогнозирования будущего

В 1871 году в работе «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский впервые ввел цивилизационный подход, к исследованию истории, позволяющий раскрыть сущность взаимосвязей *цивилизации* и *культуры*, который впоследствии развивали в своих исследованиях О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, П. А. Сорокин, Ю. В. Яковец, Н. С. Трубецкой, Л. Н. Гумилев, В. С. Степин, М. С. Уваров, Й. Хёйзинга, С. Хантингтон и многие другие. В понимании Данилевского цивилизация есть понятие более обширное, нежели наука, искусство, религия, политическое, гражданское, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности; и цивилизация все это в себе заключает [15, с. 157].

Г. П. Выжлецову принадлежит введение в научный категориальный арсенал понятия «*аксиологии культуры*», он, подчеркивая значение ценностей как **ядра** культуры, убедительно доказал, что «ценностное учение о культуре, в отличие от множества иных теоретических подходов к ней, позволяет увидеть культуру изнутри. А через призму культуры, в свою очередь, можно непредвзято, т. е. также изнутри, увидеть всю нашу общественную жизнь» [11, с. 3]. Аксиологический подход к объяснению специфики и содержания культуры позволил объединить ее бесчисленные свойства вокруг категории ценности [11, с. 65], и такой подход является *приоритетным* по отношению к политике, экономике и другим сферам деятельности человека.

Изначально в содержании понятия «культура» (от лат. cultura – «возделывание») заложен смысл именно *облагораживания* природы трудом человека, а не противопоставление человека ей. Одновременно присутствует еще один этимологический источник понятия культуры (от лат. cultus – «почитание»), связывающий его с таинством и сокровенностью культа, закрепленного в архетипах «коллективного бессознательного» (К. Г. Юнг) и передаваемого из поколения в поколение, в том числе и на генетическом уровне [11, с. 64]. Эти архетипы некоторые историки предлагают называть «цивилизационным кодом» (Н. А. Нарочницкая, В. А. Никонов и другие). В. И. Вернадский называл цивилизацией «культурного человечества» форму организации новой геологической силы, создавшейся в биосфере. Поэтому она не может прерваться и уничтожиться, так как «это есть большое природное явление, отвечающее исторически, вернее геологически, сложившейся организованности биосферы. Образуя ноосферу, она всеми корнями связывается с этой земной оболочкой, чего раньше в истории человечества в сколько-нибудь сравнимой мере не было» [10, с. 46].

В середине XX столетия британский философ истории А. Дж. Тойнби предупреждал о том, что тезис о «единстве цивилизации» на базе западного общества является ложной концепцией, которая имеет одну неверную посылку – представление о прямолинейности развития. Это представление он сравнивал с метафорой волшебного бобового стебелька, который пробил землю и растет вверх, не давая отростков, вплоть до «конца истории», пока не ударится о небосвод [37, с. 91]. По Тойнби, одна из причин, породивших это заблуждение, заключается в том, что, во-первых, западные историки путают унификацию с единством и, во-вторых, западная цивилизация распространила свою экономическую систему по всему миру. А вслед за экономической унификацией, которая зиждется на западном основании, последовала и политическая унификация, имеющая то же основание и зашедшая почти столь же далеко [37, с. 86–87].

Такая унификация отражена в мантре Ф. Фукуямы: «Человечество будет казаться не тысячей цветущих побегов на стольких же различных растениях, а длинной цепью фургонов на одной дороге» [41, с. 504]. «Одна дорога», по его мнению, это «всемирная либеральная революция» [41, с. 505]. Не менее рельефно это клише воспроизводила и Государственный секретарь США Кондолиза Райс: «В то время как все страны мира триумфально идут по пути демократии и свободного рынка, некоторые хотят остаться в стороне от этой столбовой дороги» [цит. по: 30, с. 45]. Действительно, эти некоторые не хотят, чтобы «столбовая дорога» привела их в бездну аннигиляции.

Тойнби настаивал на своем утверждении о том, что цивилизации представляют собой не статические формации, а динамические образования эволюционного типа. Они не только не могут пребывать в состоянии покоя, но не могут и произвольно менять направление, как если бы они двигались по улице с односторонним движением [37, с. 93]. Данное утверждение созвучно убеждению Н. Я. Данилевского в том, что каждая историческая национальность имеет свою отдельную сторону жизни, свою уникальную задачу, которую должна решить, свою идею, которую стремится осуществить [15, с. 36]. Данилевский привел удивительно точную метафору, которая демонстрирует опасность попыток создания унифицированной «общечеловеческой» цивилизации: «оказывается, что отношение национального к общечеловеческому вовсе не уподобляется тесным дворикам и клетушкам, окружающим обширную площадь, а может быть уподоблено улицам, взаимно пересекающимся и своими пересечениями образующими площадь, которая в отношении каждой улицы составляет только часть ее и равно принадлежит всем улицам. Чтобы содействовать развитию города, который представляет в нашем уподоблении всечеловечество, ничего не остается делать, как отстраивать свою улицу по собственному плану, а не тесниться на общей площади и не браться за продолжение чужой улицы (план и характер зданий которой известен только первым ее жителям, имеющим все нужное для продолжения строения) и тем не лишать город подобающего разнообразия и распространения во все стороны» [15, с. 150].

О. Шпенглер, откровенно и презрительно сравнивая концепцию линеарной истории с ленточным глистом, неустанно откладывающим эпоху за эпохой, вслед за Данилевским видел во всемирной истории картину вечного преобразования, становления и прехождения органических форм: «Вместо безрадостной картины линеарной всемирной истории, поддерживать которую можно лишь закрывая глаза на подавляющую груду фактов, я вижу настоящий спектакль множества мощных культур, с первозданной силой расцветающих из лона материнского ландшафта, к которому каждая из них строго привязана всем ходом своего существования, чеканящих каждая на своем материале – человечестве – *собственную* форму и имеющих каждая *собственную* идею, *собственные* страсти, *собственную* жизнь, воления, чувствования, *собственную* смерть. Здесь есть краски, блики света, движения, каких не открывал еще ни один духовный взор. Есть расцветающие и стареющие культуры, народы, языки, истины, боги, ландшафты, как есть молодые и старые дубы и пинии, цветы, ветви и листья, но нет никакого стареющего «человечества». У каждой культуры свои новые возможности выражения, которые появляются, созревают, увядают и никогда не повторяются» [45, с. 151].

Таким образом, Шпенглер предлагал трактовку цивилизации как завершения культуры – культуры, словно окаменевшей под взглядом Медузы Горгоны: «Цивилизация – неизбежная *судьба* культуры. Здесь достигнут тот самый пик, с высоты которого становится возможным решение последних и труднейших вопросов исторической морфологии. Цивилизации суть *самые крайние* и *самые искусственные* состояния, на которые способен более высокий тип людей» [45, с. 163–164]. Вероятно, такая трактовка связана с пониманием Шпенглером цивилизации как техносферы, сложившейся в результате scientia experimentalis – «ведущегося с *пристрастием* допроса природы при помощи рычагов и винтов», с торжеством *идеи машины* «как малого космоса, повинующегося воле одного только человека», что привело к тому, что «люди сделались рабами своего создания. Их численность и все устройство образа жизни оказались вытеснены машиной на такой путь, на котором невозможно остановиться хоть на миг» [46, с. 533–535]. На наш взгляд, в этих словах заключается основной ответ Шпенглера на вопрос: *почему* происходит закат Европы?

Более объективно, на наш взгляд, определил взаимосвязь культуры и цивилизации В. Н. Сагатовский: «*Культуру* можно определить как процесс и результат человеческой деятельности, смысл которой заключается именно в реализации определенных *ценностей* и *жизненных смыслов*. *Цивилизация* есть соответственно система средств, обеспечивающих эффективную реализацию ценностей, смыслов культуры» [35, с. 14]; «дух непосредственно кристаллизуется в *культуре*. К *цивилизации* же относится та система технических средств (от техники материального производства до технологии управления социальными процессами), с помощью которых реализуется культура» [35, с. 12].

Причина довольно высокой степени вероятности отчуждения от культуры цивилизации как *технологии* реализации ценностей заключается в том, что ценности, будучи ядром культуры, функционируют в цивилизации не на высоком уровне идеала, а на средних уровнях значимости и, максимум, нормы [11, с. 68]. Наглядно иерархия структуры ценности и соответствующие уровни культуры [11, с. 75] представлены на рис. 2 ниже:

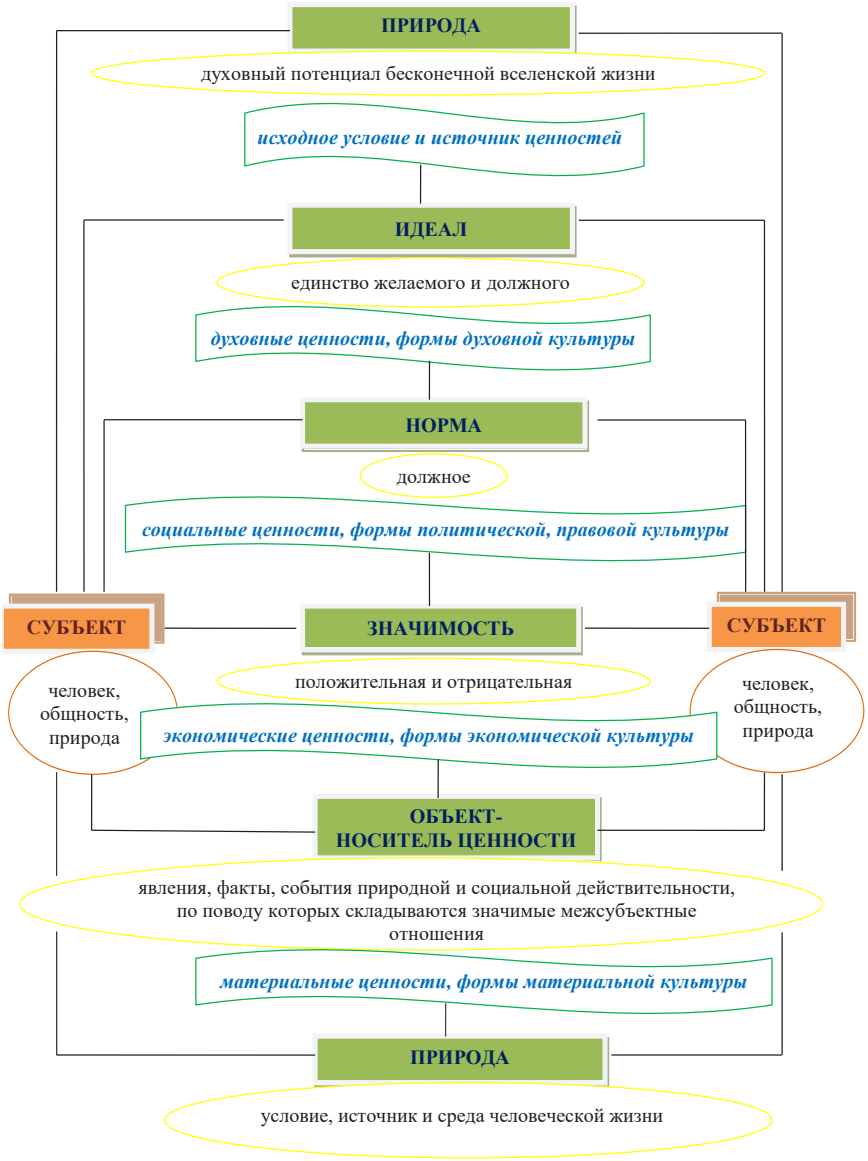

Рис. 2. Иерархия структуры ценностей и уровни культуры, по Г. П. Выжлецову

На рисунке 2 мы видим, что по способам своего бытия ценности имеют сложнейший многоуровневый характер. С одной стороны, они существуют и функционируют *объективно* в практике реальных социальных отношений; с другой стороны, они *субъективно* сознаются и переживаются в качестве ценностных категорий, норм, целей и идеалов, которые, в свою очередь, через сознание, эмоции и духовное состояние людей и социальных общностей оказывают *обратное воздействие* на всю социальную жизнь [11, с. 36–37]. Эта сложная многоуровневая структура позволяет сделать вывод о том, что ценность не сводима «ни к значимости как своему основанию, ни к норме либо идеалу, а является единством значимого и должного, средства и цели, сущего и идеала» [11, с. 58]. Этим и объясняются основные трудности решения ценностных проблем.

Межсубъектные отношения опосредованы на соответствующих уровнях природой, объектом-носителем, его значимостью, нормой и идеалом, которые взаимосвязаны и взаимообусловливают друг друга. Реально же любой из этих уровней может выйти на первый план в качестве самостоятельной ценности. Однако взаимосвязь и взаимовлияние этих уровней, их пронизанность идеалом, сколь бы ничтожно малой она ни была в ряде случаев, пишет Г. П. Выжлецов, «никогда не опускается до нуля, так как в конечном итоге опосредует отношения между людьми» [11, с. 58–59]. Заметим, что в трансгуманистическом обществе межсубъектные отношения уже невозможно будет назвать отношениями между людьми, значит, в этом случае эта интегрированность идеалом вполне может опуститься до нуля.

Цивилизация, как правило, опирается преимущественно на рациональное, рассудочное абстрагирование и в итоге – на материальные ценности. Культура же – на духовные ценности и духовную саморегуляцию. А посредником между ними выступает целеполагание как вторая из трех основных функций сознания. Общество может функционировать нормально тогда, когда культура и цивилизация *едины*, когда культура является *внутренней основой цивилизации* [11, с. 69]. На необходимости такого единства настаивал В. Н. Сагатовский: «базовые ценности отдельных сфер нашей жизни должны соответствовать исходным базовым ценностям целостного идеала» [34, с. 25].

Следует рассмотреть возможность создания такой цивилизации, где наука сопряжена с нравственностью и служит общественному благу, а не закабалению человека. Такая цивилизация бази-

руется на приоритете защитительной и охранительной функций науки, на недопустимости мировоззренческой индифферентности деятелей науки, образования и воспитания, на императиве нравственной ответственности ученых за использование результатов их труда. В. И. Вернадский, понимавший ноосферу как биосферу, переработанную научной мыслью, отмечал: «Все страхи и рассуждения обывателей, а также некоторых представителей гуманитарных и философских дисциплин о возможности гибели цивилизации связаны с недооценкой силы и глубины геологических процессов, каким является происходящий ныне, нами переживаемый, переход биосферы в ноосферу» [10, с. 51].

Ортега-и-Гассет в своей работе «Восстание масс» определил содержание понятия «цивилизация» во взаимосвязи с сотрудничеством и взаимопомощью людей: «Цивилизация – это прежде всего воля к сосуществованию. Дичают по мере того, как перестают считаться друг с другом. Одичание – процесс разобщения» [31, с. 68]. Данной трактовке весьма созвучно замечание Л. Н. Толстого в его статье «Конец века»: «Вопрос о том, полезна или вредна цивилизация, решается тем, ***что*** преобладает в данном обществе – добро или зло. В обществе, где меньшинство давит большинство, она – великое зло».

Действительно, на край бездны человечество ступило в период техногенной цивилизации с ее культом материального благополучия и максимизации потребления. Запущенная в 40-е годы XX века экономическая система расширенного воспроизводства, суть которой очень точно отражается поговорке «Чем старое чинить, лучше новое купить», цитируемой в том числе и О. Хаксли в его антиутопии, ознаменовало процесс экспоненциального истребления природных ресурсов, включая человеческие. Президент НИЦ «Курчатовский институт» М. В. Ковальчук в своем докладе Совету Федерации РФ 30 сентября 2015 года в рамках «Времени эксперта» связал причины того глубинного сложнейшего кризиса, который человеческая цивилизация переживает за всю историю своего существования, именно с кризисом науки. Современные мировые тенденции конвергенции наук и технологий отражены в следующих основных сферах:

1) Воздействие на психофизиологичекую сферу человека.
2) Генетическое модифицирование живых структур.
3) Целевая доставка веществ.
4) Новые интерфейсы «человек – внешняя среда».
5) Микро- и нанороботы.

6) Распределенные информационно-измерительные системы.
7) Искусственные органы.

НБИК-инициатива была введена в научный обиход в 2001 г. под эгидой Национального научного фонда и Министерства торговли США и включила в себя следующие приоритетные направления: (1) нанотехнологии и нанонауки; (2) биотехнологии и биомедицины, включая генную инженерию; (3) информационные технологии, включая продвинутый квантовый компьютинг и новые средства сетевой коммуникации; (4) когнитивные науки, включая когнитивные нейронауки. М. Роко и В. Бейнбридж в докладе «Конвергентные технологии для улучшения человеческой функциональности: нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии и когнитивные науки» связали перспективы реализации проекта в ближайшие 10–20 лет с глобальными изменениями в обеспечении национальной безопасности, управлении, а также с кардинальной трансформацией человеческого тела, достижением интерфейса человек-машина.

Технологии открывают возможности восстановления функций человеческого тела и влияют на изменение отношения людей к своему здоровью в сторону легкомыслия и безответственности в надежде «исправить» результаты работы «на износ» и постоянно увеличивающихся агрессивных нагрузок среды обитания. Кроме того, «улучшение» исключительно человеческого тела, а не духа, заключает в себе неминуемую тенденцию разделения людей на довольствующихся своим естественным природным телом и на обладателей искусственно достроенного тела, превосходящего по своим характеристикам и функциональным возможностям первых, что в результате приведет к утрате человеческого в человеке, поставит под вопрос его существование как части биосферы.

Речь идёт об одной из центральных проблем всей современной жизни, а также возможности ее продолжения и развития в будущем в качестве человека. Конвергенция NBIC (nano-bio-info-cogno)-технологий позволяет манипулировать с веществом природы и вторгается в сферу творения, вынашивая планы создания и тиражирования «постчеловека». В. А. Лекторский, выражая надежду на то, что этого всё же не случится, указывал, что в противном случае жизнь и культура обессмысливаются, и так называемое «бессмертие» упраздняет любовь, заботу, самопожертовование, сострадание и другие нравственные ценности. Убеждение В. А. Лекторского разделяет П. Д. Тищенко, предупреждавший о двойных

стандартах «привлекательного фантика», предлагаемого трансгуманистами. Ведь, вылущив из «сознания» его «сущность» и поместив её в машину, можно получить нечто существующее на «твердом носителе» нескончаемо долго, но это существо будет называться «бессмертным» только потому, что оно уже не будет живым. В. Г. Горохов также ставил вопрос о том, что будет с человеческой психикой после нанотехнологической корректировки тонких нейронных структур или после добавления новых органов чувств, о чем уже пишут как о вполне реализуемом в недалеком будущем проекте. Вмешательство во внутренние нейропсихические процессы может привести к некоторым трудно предсказуемым последствиям, и не только для самой индивидуальной человеческой психики, но и для общества в целом. Вопрос заключается в том, что станет с личностью, как его психея будет сочетаться с этой новой телесностью и не приведет ли эта корректировка «божественного замысла» к самоуничтожению человечества. М. В. Ковальчук связывал риски использования необходимых для решения проблем современного мира *природоподобных технологий* с результатами целенаправленного вмешательства в жизнедеятельность человека, которое он разделил на две группы: биогенетическое вмешательство и когнитивное вмешательство. В первом случае искусственная клетка может стать оружием массового поражения, в том числе избирательного воздействия на заданные этносы или расы. Когнитивное воздействие содержит в себе следующие угрозы: вторжение в психофизиологическую сферу человека; произвольное регулирование жизнедеятельности человеческого организма; формирование у человека заданного представления о действительности (здесь уместно вспомнить символ пещеры Платона, который был использован как основа сюжета фильма «Матрица»); управление извне интегрированными человеко-машинными интерфейсами; управление индивидуальным и массовым сознанием.

Таким образом, двойственный характер природоподобных технологий заключается в том, что наряду с величайшими преимуществами они несут в себе угрозы следующего порядка: размытые границы между гражданскими и военными применениями и, как следствие, неэффективность средств контроля; опасность возможности одностороннего владения и использования технологий; доступность и относительная дешевизна технологий, возможность создания средств поражения даже в кустарных условиях, отсутствие необходимости в сложнейших и дорогостоящих системах доставки; невозможность предусмотреть все последствия выхода

искусственно-живых систем в окружающую среду; вытеснение искусственно-живыми системами своих природных аналогов, несущее в себе угрозу естественному биоразнообразию.

Сегодня требуется внимательное изучение сформулированных Данилевским *законов исторического развития*, вытекающих из группировки его явлений по культурно-историческим типам:

Закон 1. Всякое племя или семейство народов, характеризуемое отдельным языком или группой языков, довольно близких между собой для того, чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, – составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

Закон 2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.

Закон 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает их для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций.

Закон 4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, – когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государств.

Закон 5. Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и истощает раз и навсегда их жизненную силу [15, с. 113–114].

Таким образом, основными принципами исторического развития Н. Я. Данилевский называл нравственную *ценностную* основу и *разнообразие*. Именно разнообразие, а не унификацию: «Общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать, потому что это была бы только невозможная и вовсе нежелательная неполнота» [15, с. 150–151].

Л. Н. Гумилев, используя положения общей теории систем (Н. С. Трубецкой, Л. фон Берталланфи) напоминал нам о том, что предел упрощения системы означает ее гибель, а «общечело-

веческая культура» возможна лишь при предельном упрощении, то есть при уничтожении национальных культур, из которых состоит «радужная сеть, единая и гармоничная в силу непрерывности и в то же время бесконечно многообразная в силу своей дифференцированности» [14, с. 61–62].

Считая, что опасность для прогрессивного хода истории заключается не столько в политическом господстве одного государства, сколько в культурном господстве одного культурно-исторического типа, Н. Я. Данилевский предостерегал: «Настоящая глубокая опасность заключается именно в осуществлении того порядка вещей, который составляет идеал наших западников: в воцарении не мнимой, а действительной столь любезной им общечеловеческой цивилизации. Это было бы равнозначно прекращению самой возможности всякого дальнейшего преуспеяния или прогресса в истории внесением нового миросозерцания, новых целей, новых стремлений, всегда коренящихся в особом психическом строе выступающих на деятельное поприще новых этнографических элементов» [15, с. 510]. Всемирное владычество, повторял Данилевский, должно страшить своими культурными последствиями, поскольку это лишило бы человеческий род одного из необходимейших условий успеха и совершенствования – элемента разнообразия [15, с. 512].

Значение учения Н. Я. Данилевского, опередившего свое время и оказавшего сильное влияние на многих знаменитых философов истории и футурологов, заключается в том, что им предложен *органический* подход к исследованию истории и прогнозированию будущего, и такой подход способен преодолеть очевидные недостатки механистической интерпретации линеарного исторического развития.

4.3. Развитие ноосферной аксиологии как меры упреждения угроз космополитической стратегии глобализации

Построить общество благоденствия в отдельно взятой стране, реализовать на практике стратегию устойчивого развития в каком-либо избранном государстве (или группе государств) невозможно. Глобальные проблемы современности явились результатом универсализации ценностей западной цивилизации и движения по энтропийному вектору к глобальной капиталократии. Стратегии будущего развития России и мира неразрывно связаны между собой, поскольку ценностные основания русской цивилизации являются

ноосферными. Ноосферная аксиология способна стать мерой предотвращения гибельных последствий толпоэлитраного сценария глобализации.

В. Н. Сагатовский представил цепочку ключевых ценностей, раскрывающими существо русской идеи, ее «неповторимого вклада в сокровищницу мировоззренческих ценностей становящегося единого человечества» [35, с. 104], следующим образом: ***Соборность → Всеединство → Софийность → Общее дело → Ноосфера*** [35, с. 164]. Главной чертой в данной цепочке выступает *соборность* [35, с. 55], определяемая В. Н. Сагатовским как «воля к любви против воли к власти» [35, с. 103]. Основными элементами соборности выступают: 1) сочетание (взаимная дополнительность, паритет) свободы и единства; 2) любовь как «*идущее изнутри взаимное принятие самоценности друг друга*», как *единство в многообразии*, являющаяся основой этого сочетания; 3) абсолютные ценности, на которые направлена эта любовь [34, с. 36, с. 37, с. 34]. Разделяя в целом логику построения этой схемы, считаю необходимым в ее корень всё-таки поместить категорию *Любовь* (здесь мне представляется метафора стержневой корневой системы у растений), поскольку благодаря ей и вокруг нее формируются другие фундаментальные ценности и категории русского бытия. Любовь – это духовная ***воля к совершенству*** предмета любви [34, с. 59]. Это касается и любимого человека, и любимого Отечества, и любимой природы, и любимой планеты, и любимой Вселенной – и так до бесконечности. Русская идея в своей органической интерпретации выражается в том, что совместная жизнь на Земле должна строиться на началах любви. Здесь мы выходим на *аксиологические* аспекты философии ноосферизма в глобальном обществе.

О феномене преодоления эгоизма через сострадание в работе «Свобода воли и нравственность» пишет и А. Шопенгауэр, различавший *три основные пружины* человеческих поступков: 1) эгоизм, который желает безграничного собственного блага; 2) злоба, которая считает благом чужое горе и стремится к этому; 3) сострадание, которое хочет чужого блага и потому служит действительной основой *свободной* справедливости и *подлинного* человеколюбия. Сострадание Шопенгауэр связывал с упразднением *разницы* между людьми (так называемой «перегородки», отделяющей одно существо от другого), с *отождествлением* одного человека с другим человеком и желанием блага другому человеку как желанию блага своего собственного. Помимо упразднения разницы налицо

и упразднение эгоизма тогда, когда человек чувствует горе *другого* как свое собственное. Как же возможно такое отождествление себя с другим? Только с помощью *познания*, метафизического умозрения, и Шопенгауэр заключает, что чем более развит интеллект, тем больше повышается и восприимчивость к страданию, способность словно выйти за пределы эгоизма, после чего «не-я» до некоторой степени превращается в «я». Взаимосвязь интеллекта и духа приводит нас к выводу о том, что для того, чтобы в обществе преобладали «пружины» сострадания, а не эгоизма и злобы, необходимо постоянно расширять кругозор граждан, а не сужать его технологиями примитивизации мышления.

А. Швейцер доказывал, что мыслящий человек не может прийти ни к какому иному результату, кроме преодоления эгоизма и *благоговения перед жизнью*, проникновения в тайну жизни: «Как существо, стоящее в активном отношении к миру, человек приходит к духовной связи с ним благодаря тому, что не живет для себя одного, а чувствует себя одним целым со всей жизнью» [44, с. 339].

Ниже на рис. 3 представлена разработанная автором модель взаимоисключающих сценариев глобализации в ближайшем будущем. Практическое осуществление одного из них будет зависеть от исхода аксиологического противостояния западной и русской цивилизации.

Рассматривая отраженные в модели сценарии, мы приходим к следующему выводу. Если Человек Разумный *НЕ* придет на

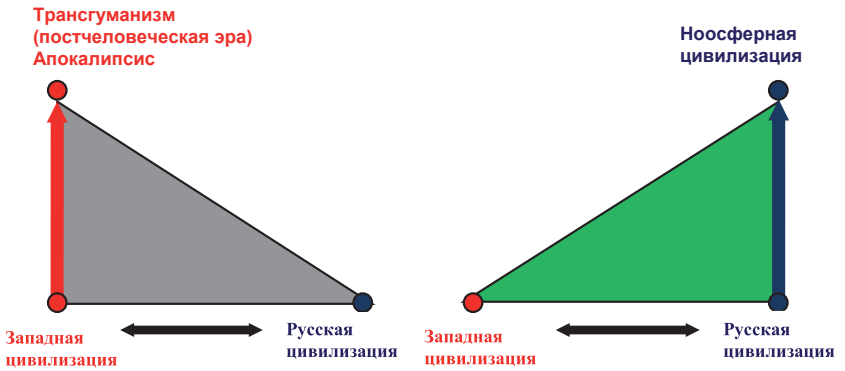

Рис. 3. Два взаимоисключающих сценария будущего Земли

смену Человеку Потребляющему, то произойдет движение человечества по «столбовой дороге» либерализма (К. Райс) к апокалиптическому сценарию «Конца Истории» (Ф. Фукуяма) к цивилизации трансгуманизма, по сути представляющей собою мироустройство расового превосходства, в частности проиллюстрированное в фильмах «Мертвый сезон», «Эллизиум» и других антиутопиях или в докладе Президента НИЦ «Курчатовский институт» М. В. Ковальчука Совету Федерации России 30 сентября 2015 года. Апокалиптический, в духе «Ноева ковчега» сценарий, в частности, поручили огласить чрезвычайно популяризованному английскому физику С. Хокингу в марте 1998 года в Белом доме в присутствии Б. Клинтона и представителей политической, финансовой и научной элит США: «успехи генотехники приведут к появлению новой расы «сверхлюдей», которые будут обитать в основном на территории США. А на других континентах начнут бушевать страшные эпидемии, вызванные вирусами-мутантами. В конце концов, чтобы не погибнуть, остаткам человечества придется переселиться в космос». Весьма рельефно здесь показана роль «остальных» регионов – им предназначается удел складов для отбросов и резерваций-этнозоопарков.

Если всё же *разумное* начало в человеке возобладает, и человек из состояния Потребителя вернется в состояние Творца, то это станет ключевым условием формирования единой цивилизации ***ноосферы***, то есть той глобализации, о которой писал В. И. Вернадский и его последователи в своих работах. И поскольку ценности русской цивилизации – Любовь, защита жизни, нравственное здоровье, совесть, справедливость, радость творческого труда, «всемирная отзывчивость» (Ф. М. Достоевский) – по сути своей являются *ноосферными*, то России предстоит возглавить процесс возвращения человека в состояние богоподобности, чтобы человек не только по образу, но и по подобию соответствовал Творцу.

Здесь очень важно подчеркнуть, что Россия – не новый «царь горы», а подвижник сопротивления глобальному рабству. Мы помним, как в феврале 2007 года в своей знаменитой Мюнхенской речи В. В. Путин заявил на весь мир, что сама однополярная модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого «суверена», потому что разрушает его изнутри. На сессии Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2016 года В. В. Путин ясно дал

понять, что «суверенитет – это центральное понятие всей системы международных отношений» и что основной целью будущей глобализации становится следующая: «дать жителям планеты, причем *ВСЕМ*, а не избранным, возможность по-настоящему здоровой, долгой, полноценной жизни».

Русскую цивилизацию обычно называют цивилизацией Меры. Воспользовавшись терминологией П. А. Сорокина, мы приходим к выводу, что русская цивилизация принадлежит к *идеалистическому* типу, который находится посередине между *чувственным* и *идеациональным*. Основными характеристиками чувственной культуры являются культ тела; гипертрофирование значения личности, выражающееся формулами «Super-ego», «Я – Бог»; стимулирование и симуляция зачастую бесцельной бурной деятельности, чрезмерное выражение себя; тайм-менеджмент как жизненная скрижаль; свобода трактуется как свобода от моральных ограничений; покорение природы, потребительское отношение к ней; избавление от страданий и отрицательных эмоций посредством гедонизма. Идеациональной культуре, напротив, присущи такие свойства, как борьба с телом; отрицание личности через формулы «Меня – нет», «Я сливаюсь с Абсолютом», «я – раб Божий»; избегание деятельности согласно принципу не-деяния «увэй»; отсутствие границ времени; отрицание свободы; растворение в природе; избавление от страданий – нирвана. Основные атрибуты идеалистической культуры – баланс телесного и духовного; равновесие индивидуального и коллективного (соборного); осмысленная жизнедеятельность; умеренность в выражении себя; мирное сосуществование и разумное взаимодействие со временем; свобода, регулируемая совестью и интуицией; трепетное отношение к природе, осознание себя ее частью; избавление от страданий через сострадание, т. е. любовь.

А. И. Суббето и В. П. Суворов в работе «Стратегия России в XXI веке» приходят к выводу о том, что Россия «*внутри себя моделирует все проблемы бытия человечества на Земле*», действительно являясь «*цивилизацией всечеловечности*» и одновременно *предиктором* всемирной истории человечества. Данный вывод стал возможен исходя из анализа следующих цивилизационных характеристик России:

– самая большая территория на Земле (в современных границах занимает 1/8 часть мира) с преобладанием низких температур и континентального климата; сложившиеся вблизи 60-й параллели северной широты (г. Ладога в устье Волхова) в зоне континентального климата государственность и цивилизация Руси – явление уникальное, поскольку если рассматривать вопрос теоретически, то их «вообще *не должно было быть*, ибо ничто подобное не имело места на других аналогичных территориях планеты;

– геополитически является «евразийской осью» истории (Х. Дж. Маккиндер) – центром устойчивости и неустойчивости в мире, своеобразным центром «маятника колебаний напряженности мировой истории;

– обороняющаяся цивилизация, которая за последнее тысячелетие пережила в три раза больше войн, чем Европа;

– цивилизация на базе российского суперэтноса, стержнем которого является русский этнос, который объединяет вокруг себя около 170 разных народов, народностей и этнических групп, большинство из которых является коренными на евразийской территории России;

– Россия есть цивилизация всечеловеческой идеи – идеократия, духовная цивилизация с приоритетом духовных ценностей над материальными, поскольку она обращена не столько к краткосрочным, сколько к долгосрочным целям;

– общинная цивилизация (соборность);

– синтез «европейского» и «азиатского» начал сформировал уникальный культурно-цивилизационный архетип.

В сегодняшней обстановке мировой турбулентности наполняется новым смыслом важнейшее высказывание Н. Я. Данилевского о тех трех исторических *ролях*, которые могут выпасть на долю народа: или положительная деятельность самобытного культурно-исторического типа; или разрушительная деятельность так называемых бичей Божьих, предающих смерти дряхлые (томящиеся в агонии) цивилизации; или служение чужим целям в качестве этнографического материала [15, с. 112].

Л. Н. Гумилев выявил, что при сопоставлении этносов по критерию *взаимоотношения с соседями* просматривается общая закономерность, а именно наличие двух культурно-политических доминант: 1) мимесис – стремление к подражанию соседям и нарушение принципа «познай себя и делай свое дело»; 2) евтурофилия (любовь к Родине) – стремление к выбору своего оригинального пути развития на основе адаптационного синдрома (приспособления) к вмещающему ландшафту [14, с. 56–57, с. 60].

Самоопределение – это выбор одной из указанных ролей и культурно-политических доминант. Леденящим душу холодом пронизывает нас из глубины веков прогноз возможного будущего нашего

Отечества: «России, не исполнившей своего предназначения и тем самым потерявшей причину своего бытия, свою жизненную сущность, свою идею, – ничего не останется, как бесславно доживать свой жалкий век, перегнивать как исторический хлам, лишенный смысла и значения, или образовать безжизненную массу, так сказать, неодухотворенное тело, и в лучшем случае также распуститься в этнографический материал для новых неведомых исторических комбинаций, даже не оставив после себя живого следа» [15, с. 481].

Убеждена, что испив очередную чашу страдания, Россия действительно проснется, очнется, внутренне содрогнется и *осознанно* изменит вектор своего движения в сторону оздоровления. И поставленная в принятой 31 декабря 2015 года Стратегии национальной безопасности РФ задача обеспечения *культурного суверенитета* России, а также внятно заявленный *приоритет* духовного над материальным в ценностном поле нашего Отечества будет реализовываться на практике в ежедневной деятельности граждан.

Преодоление вестернизации русской культуры, возрождение ее базовых ценностей, таких как: любовь, защита жизни, нравственное здоровье, воспитание и усовершенствование духа, справедливость, совесть, интуиция, свободолюбие, соборность, ответственность, «всемирная отзывчивость» – является необходимым условием не только развития, но и выживания человека в эпоху борьбы за ресурсы, экспоненциально истощающиеся вследствие внедренной в 40-е годы XX века экономической системы расширенного воспроизводства. Русскую цивилизацию автор рассматривает не только как альтернативу, но и как диалектическое отрицание глобализма. Необходимо подчеркнуть, что ***Россия – не новый «царь горы», а подвижник сопротивления глобальному рабству***. Поэтому *сверхзадача* русской цивилизации как необходимого условия обратимости процесса глобализации по толпо-элитарному сценарию – стать Мерой, нравственным камертоном, духовным лидером в великой и трудной работе по созданию основ ноосферной цивилизации, отрицающей тупиковую для человечества концепцию трангуманизма. Таким образом, ценностные матрицы русской культуры носят не локальный характер, а имеют очевидное и исключительно значимое *глобальное* измерение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная капиталистическая система является экологически слепой, она исключает и борется с такими остро востребованными сегодня приоритетами, как природозащитный (в том числе и человекозащитный), приоритет социальной справедливости и тем более нравственный приоритет.

Подлинное назначение концепции устойчивого развития в западной парадигме глобализации блестяще раскрыл В. Н. Сагатовский в своей последней работе «Мировоззренческий проект» (2013 г.): «Надежды на сдерживающее воздействие концепции «устойчивого развития» при неизменности доминирующих ценностей есть не более чем кабинетная утопия, работающая иногда как идеологическое прикрытие – там, где надо сохранить природные запасы и окружающую среду в регионах проживания «избранных» за счет ее окончательной деградации в других регионах» [34, с. 40].

В разработанной автором модели двух взаимоисключающих сценариев глобализации в XXI столетии показано, что будущее человечества зависит от исхода аксиологического противостояния мировоззрений: или продолжение движения к унифицированной техногенной механистической цивилизации, не просто нарушающей природный баланс, но и вытесняющей все живое, в том числе и человека, или изменение энтропийного вектора на движение к созданию ноосферной цивилизации, где Природа как биогеохимическая система нацелена на защиту всего биологического разнообразия, в том числе и человека.

Если всё же *разумное* начало в человеке возобладает, и он из состояния Потребителя сможет вернуться в состояние Творца, то это станет ключевым условием формирования единой цивилизации ноосферы, то есть той глобализации, о которой писал В. И. Вернадский и его последователи в своих работах. И поскольку ценности русской цивилизации – Любовь, защита жизни, нравственное здоровье, совесть, справедливость, радость творческого труда, всемирная отзывчивость, – по сути своей являются *ноосферными*, то России предстоит возглавить процесс возвращения человека в состояние богоподобности, чтобы человек не только по образу, но и по подобию соответствовал Творцу. На путь освобождения от «блуждающих огней» потребительской цивилизации Россия встала не одна, ведь она не стремится создать маниловский «раек» на своей территории, а чувствует ответственность за всю планету.

Библиографический список

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / пер. с англ. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.

2. *Бек У.* Космополитическое мировоззрение / пер. с нем. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 336 с.

3. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы / пер. с англ. М.: Международные отношения, 1999. 256 с.

4. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., посл. и примеч. Е. А. Самарской. М.: Культурная революция; Республика, 2006. 269 с.

5. *Валлерстайн И.* Европейский универсализм: риторика власти // Прогнозис. 2008. № 2(14). С. 3–56.

6. *Валлерстайн И.* Ни патриотизм, ни космополитизм // Логос. 2006. № 2(53). С. 125–126.

7. *Валлерстайн И.* Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 8–21.

8. *Вебер М.* Протестансткая этика и дух капитализма / пер. с нем. Ивано-Франковск: Ист-Вью, 2002.

9. *Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 261 с.

10. *Вернадский В. И.* Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.

11. *Выжлецов Г. П.* Аксиология культуры. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. 152 с.

12. *Гидденс Э.* Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М.: Весь мир, 2004. 120 с.

13. *Гоббс Т.* Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Соч. в 2 т. Т. 2 / Сост., ред., авт. примеч. В. В. Соколов; пер. с лат. и англ. – М.: Мысль, 1991.

14. *Гумилев Л. Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – М.: Экопрос, 1993. 576 с.

15. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.

16. *Достоевский Ф. М.* Бесы: Роман в трех частях. М.: Современник, 1993. – 638 с.

17. *Ефремов И. А.* Лезвие бритвы // Собр. соч. в 5 т. Т. 4. М.: Молодая гвардия, 1998. 670 с.

18. *Замятин Е. И.* Мы // Е. И. Замятин. Избранное. – М.: Правда, 1989.

19. *Зиновьев А. А.* На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. 638 с.

20. *Ильин И. А.* О грядущей России: Избранные статьи / под ред. Н. П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. 368 с.

21. *Кант И.* Критика практического разума. СПб.: Наука, 1995. 528 с.

22. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. Век XXI. М.: Алгоритм, 2015. 464 с.

23. Критика мальтузианских и неомальтузианских взглядов (Россия XIX – начала XX в.). М.: Статистика, 1978. – 166 с.

24. *Мальтус Т. Р.* Опыт закона о народонаселении / пер. с англ. Петрозаводск: Петроком, 1993. 139 с.

25. *Маркузе Г.* Одномерный человек / пер. с англ. М.: REFL-book, 1994. 368 с.

26. *Моисеев Н. Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Языки русской культуры, 2000. 224 с.

27. *Моисеев Н. Н.* Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.

28. *Молотков А. Е.* Миссия России. Православие и социализм в XXI веке. СПб.: Изд. дом «РУССКИЙ ОСТРОВ», 2008. 400 с.

29. *Муранивский Т. В.* Развитие недоразвитости. Зачем псевдонаучные западные теории подхватываются в России? // Экономическая газета, № 33–34, 1999.

30. *Нарочницкая Н. А.* Русский код развития. 2-е изд., доп. М.: Книжный мир, 2015. 416 с.

31. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс / пер. с исп. – М., 2005.

32. *Оруэлл Дж.* 1984 // Оруэлл Дж. Проза отчаяния и надежды / пер. с англ. – Л.: Лениздат, 1990. 429 с.

33. *Печчеи А.* Человеческие качества / пер. с англ. О. В. Захаровой; общ. ред. и послесл. Д. М. Гвишиани. М.: Прогресс, 1980. 302 с.

34. *Сагатовский В. Н.* Мировоззренческий проект. М.: Изд-во Перо, 2013. 120 с.

35. *Сагатовский В. Н.* Русская идея: продолжим ли прерванный путь? СПб.: Петрополис, 1994. 217 с.

36. *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. В. В. Сапова. СПб.: РХГИ, 2000. 1056 с.

37. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории: сборник / пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2002. 639 с.

38. *Трубецкой Н. С.* Европа и человечество // Русский мир: сборник. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003, с. 663–737.

39. *Тузовский И. Д.* Утопия – XXI: глобальный проект «Информационное общество». Челябинск, 2014. 389 с.

40. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества / пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной; под ред. Е. Л. Вартановой. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.

41. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: Изд-во АСТ, 2004. 588 с.

42. *Хаксли О.* О дивный новый мир // О дивный новый мир: Английская антиутопия. Романы. Сборник / пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. 640 с. (с. 295–488).

43. *Хёсле В.* Философия и экология / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Наука,1993. 205 с.

44. *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью как основа этического миро- и жизнеутверждения // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. / пер. с англ. и франц. / Сост. Л. И. Василенко и В. Е. Ермолаевой. М.: Прогресс, 1990, с. 328–350.

45. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем. и примеч. К. А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1998. 606 с.

46. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова.

47. *Энгельс Ф.* Диалектика природы. М.: Политиздат, 1975. 359 с.

48. *Яковец Ю. В.* Глобализация и взаимодействие цивилизаций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 2003. 411 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

1. Глобальное общество как объект управления 8

1.1. Сущность глобализации на современном этапе 8

1.2. Предпосылки формирования идеологии глобализма в трактате Т. Гоббса «Левиафан» 18

1.3. Причинно-следственная связь тоталитаризма и глобализма 25

2. Глобальные проблемы как результат универсализации ценностей Западной цивилизации 36

2.1. Конкурирующий индивидуализм как базовая ценность западной цивилизации 36

2.2. Глобальная экспансия культуры массового потребления 45

2.3. Конфликт интересов в пространстве экологической этики 68

3. Генезис идеологий устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности 74

3.1. Влияние «Опыта о законе народонаселения» Т. Р. Мальтуса на формирование идеологии устойчивого развития 74

3.2. Идеологии корпоративной социальной ответственности и устойчивого развития как инструмент моделирования позитивного имиджа транснациональных корпораций 86

4. Значение ценностей в управлении социальными системами в условиях глобализации 96

4.1. Структура, свойства, функции ценностей, их роль в формировании ядра культуры и цивилизации 96

4.2. Цивилизационный подход как метод исследования истории и прогнозирования будущего 100

4.3. Развитие ноосферной аксиологии как меры упреждения угроз космополитической стратегии глобализации 110

Заключение 117

Библиографический список 118

Научное издание

Миловзорова Мария Николаевна

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ИДЕОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫМ ОБЩЕСТВОМ

Монография

Публикуется в авторской редакции.
Компьютерная верстка *И. Н. Мороз*

Сдано в набор 14.04.17. Подписано к печати 21.04.17.
Формат 60×84$^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 7,04.
Уч.-изд. л. 7,57. Тираж 500 (1-й завод 100 экз.). Заказ № 154.

Редакционно-издательский центр ГУАП
190000, Санкт-Петербург, Б. Морская ул., 67